

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Михайлов Владимир Сергеевич

**Причинно-следственная связь как условие деликтной
ответственности**

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
кандидат юридических наук
Ягельницкий А.А.

Москва – 2021

Содержание

Введение	3
Глава 1. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности.....	15
§ 1. Теория равноценных условий.....	15
§ 2. Общая характеристика теорий причинно-следственной связи, предусматривающих выделение нормативной стадии исследования причинной связи.....	22
§ 3. Сопоставление теорий причинно-следственной связи с точки зрения критерия выделения юридически значимой причинной связи	67
§ 4. Анализ основных аргументов, выдвигаемых против теории адекватной причинно-следственной связи	84
§ 5. Проблема перерыва причинной связи	88
§ 6. Проблема предрасположенности потерпевшего	115
Глава 2. Осложненные случаи фактической причинной связи	131
§ 1. Альтернативная причинно-следственная связь	132
§ 2. Дублирующая причинно-следственная связь	176
§ 3. Опережающая причинно-следственная связь	186
§ 4. Вытесняющая причинно-следственная связь.....	202
§ 5. Превентивные расходы и тщетно понесенные расходы	207
Заключение.....	220
Список использованных источников и литературы	224

Введение

Актуальность темы исследования. Проблема причинно-следственной связи является одной из самых сложных в российском гражданском праве. Причинно-следственная связь между противоправным поведением и вредом является базовым условием ответственности, в связи с чем вопрос о причинной связи встает практически в любом споре, в котором тем или иным образом рассматривается вопрос причинения вреда.

Ранее российские суды часто отказывали в удовлетворении исков о взыскании убытков, ссылаясь на то, что истец не доказал наличие причинно-следственной связи между поведением ответчика и наступившим вредом.

При этом в последнее время российская судебная практика стала активно обращаться к проблемам, связанным с причинно-следственной связью. Верховным Судом РФ было опубликовано значительное количество разъяснений по вопросам причинно-следственной связи¹, что требует их теоретического осмысления и подтверждает актуальность настоящего исследования.

Вместе с тем в данной сфере остается достаточное количество нерешенных проблем.

И в отечественной², и в зарубежной³ доктрине считается общепризнанным,

¹ См.: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»; п. 16, 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»; п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде»; п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»; п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

² Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975. С. 122; Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М., 1950. С. 307; Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А.А. Жданова – Л., 1960. С. 113; Он же. Границы юридически значимого причинения // Правоведение. 1960. № 3. С. 45.

³ Van Dam C. European Tort Law. Oxford, 2013. P. 310; Magnus U. Causation in German Tort

что причиной вреда может быть признано только одно из его необходимых условий. В связи с этим широкое распространение получил подход, согласно которому исследование причинно-следственной связи осуществляется в две стадии:

- 1) фактическая стадия – установление того, является ли поведение ответчика необходимым условием причинения вреда;
- 2) нормативная стадия – выделение юридически значимой причины вреда среди его необходимых условий⁴.

Первым этапом является установление фактической причинно-следственной связи. Для определения фактической причины используется тест необходимого условия (тест *conditio sine qua non* в континентальных правовых порядках или *but for* тест в Англии и США), суть которого заключается в исследовании последствий гипотетического исключения поведения ответчика из цепи событий, приведших к причинению вреда. Если при мысленном исключении поведения ответчика из цепи

Law // Unification of Tort Law: Causation / ed. by J. Spier. The Hague, 2000. P. 64; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien, 2012. P. 133–134; Шапп Я. Система германского гражданского права. М.: Междунар. отношения, 2006. С. 137–138; Catala P., Weir J.A. Delict and Torts: A Study in Parallel — Part IV // Tulane Law Review. 1965. Vol. 39. P. 714; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Tort Law. Oxford: Hart Publishing, 2000. P. 401, 408; Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / ed. by H. Koziol. Jan Sramek Verlag, 2015. P. 398.

⁴ Markesinis B., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Oxford: Hart Publishing, 2002. P. 103; Von Bar C. The Common European Law of Torts: Volume Two: Damage and Damages, Liability for and without Personal Misconduct, Causality, and Defences. Oxford: Clarendon Press, 2000. P. 438; Hodgson D. The Law of Intervening Causation. New York: Routledge, 2016. P. 5; Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 397.

В английской литературе существует подход, согласно которому к причинной связи относится только вопрос исторической связи поведения правонарушителя с наступившим вредом (фактическая причинная связь), а вопрос допустимости вменения последствий противоправного поведения ("*the scope of liability for consequences*") является самостоятельным условием привлечения к ответственности (Stapleton J. Legal Cause: Cause-in-Fact and the Scope of Liability for Consequences // Vanderbilt Law Review. 2001. Vol. 54. P. 945; Idem. Choosing What We Mean by "Causation" in the Law // Missouri Law Review. 2008. Vol. 73. P. 448–449; см. подробнее: Steele J. Tort Law: Text, Cases and Materials. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 168).

Представляется, что данный спор носит скорее терминологический, чем сущностный характер, поскольку не имеет принципиального значения, обсуждается ли допустимость вменения ответчику последствий, находящихся в условной связи с его поведением, в рамках категории причинно-следственной связи или в рамках отдельной категории «пределов ответственности за последствия противоправного поведения».

событий потерпевшему все равно был бы причинен вред, то поведение ответчика не может быть признано фактической причиной (условием) вреда⁵.

Тест необходимого условия необходим для того, чтобы, во-первых, определить круг условий причинения вреда и, во-вторых, отсеять все не относящиеся к конкретному делу обстоятельства⁶. Как отмечает Г. Коциоль, широкое признание такого подхода предопределено принципом, согласно которому лицо не может нести ответственность за вред, возникновение которого оно не могло предотвратить⁷.

Ранее российские суды прямо не применяли концепцию фактической причинной связи, однако из этого не следует, что они отрицали тест необходимого условия и допускали привлечение к ответственности за действие, не являющееся условием вреда. Как указывает Р. Циммерманн, идея фактической причинной связи редко прямо поднимается судами, но только потому, что она воспринимается

⁵ Тест необходимого условия не является единственным подходом к определению фактической причинной связи. Для разрешения ситуаций, когда необходимо оценить влияние нескольких обстоятельств на причинение вреда, каждое из которых повлияло или могло повлиять на возникновение вреда (альтернативная причинность, дублирующая причинность), Г. Харт и Т. Оноре предложили использовать *NESS*-тест (*Necessary Element of Sufficient Set*): причиной следует считать лишь такое обстоятельство, которое является необходимым элементом набора условий, достаточных для наступления убытков (см.: McBride N., Bagshaw R. *Tort Law*. 5th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2015. P. 330–331; Miller C. *NESS for Beginners* // *Perspectives on Causation* / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011. P. 323).

Позднее данная идея получила развитие в работах Р. Райта (Wright R.W. *Causation in Tort Law* // *California Law Review*. 1985. Vol. 73(6). P. 1735–1828; Idem. *Causation, Responsibility, Risk, Probability, Naked Statistics, and Proof: Pruning the Bramble Bush by Clarifying the Concepts* // *Iowa Law Review*. 1988. Vol. 73. P. 1775–1776; Idem. *The NESS Account of Natural Causation: A Response to Criticism* // *Perspectives on Causation* / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011. P. 285–322).

Согласно данному подходу сущность понятия причинности заключается в том, что отдельное условие является причиной конкретного последствия, если и только если оно было необходимым элементом набора предшествующих фактических условий, достаточных для возникновения последствия (Wright R.W. *Causation in Tort Law*. P. 1789–1790). См. подробнее о *NESS*-тесте: Назариков С.В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности // *Вестник гражданского права*. 2016. № 6. С. 209–212; Спиридонова Н.Б. Теория причинно-следственной связи: анализ содержания, соотношение с основными подходами зарубежной доктрины // *Журнал Российской школы частного права*. 2018. № 3. С. 268–270.

⁶ Horton Rogers W.V. *Causation under English Law* // *Unification of Tort Law: Causation* / Ed. by J. Spier. P. 39; Prosser W.L. *Proximate Cause in California* // *California Law Review*. 1950. Vol. 38. P. 377–378.

⁷ Koziol H. *Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective*. P. 134.

судами в качестве самоочевидной⁸.

К настоящему моменту тест необходимого условия получил закрепление в разъяснении Верховного Суда РФ применительно к вопросу об условиях привлечения контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности. Как указал Пленум Верховного Суда РФ в п. 16 постановления от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», под действиями (бездействием) контролирующего лица, приведшими к невозможности погашения требований кредиторов, следует понимать такие действия (бездействие), которые явились «необходимой причиной банкротства должника, то есть те, без которых объективное банкротство не наступило бы».

Установление того, что действия лица являются фактической причиной (т.е. необходимым условием) вреда, как правило, не признается достаточным основанием для привлечения такого лица к ответственности, поскольку при редуцировании причинно-следственной связи до условной слишком широкий круг обстоятельств может быть квалифицирован в качестве причины вреда⁹.

Для того чтобы обязанность по возмещению вреда не была безграничной, наукой и практикой были предложены дополнительные критерии для определения круга последствий, за которые потерпевшему может быть присуждена компенсация (нормативная стадия)¹⁰. Такие критерии были сформулированы в рамках различных теорий причинной связи¹¹.

⁸ Digest of European Tort Law. Volume 1: Essential Cases on Natural Causation / Ed. by B. Winiger, H. Koziol, B.A. Koch, R. Zimmermann. Wien: Springer, 2007. P. 99 (автор раздела – R. Zimmermann).

⁹ Von Bar C. Op. cit. P. 458; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 713; Prosser W.L. Op. cit. P. 375.

Особняком стоит только теория равноценных условий, которая исходит из того, что причиной вреда является любое его необходимое условие, а пределы ответственности устанавливаются путем применения иных ограничителей (см. подробнее о данной теории в § 1 первой главы настоящей диссертации).

¹⁰ Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики / Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006. С. 75; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 396.

¹¹ Digest of European Tort Law. P. 100 (автор раздела – R. Zimmermann).

Степень разработанности темы и теоретическая основа исследования.

Российская наука гражданского права нередко обращалась к проблеме причинно-следственной связи. В дореволюционной доктрине различные аспекты причинно-следственной связи как условия ответственности затрагивались в работах, посвященных возмещению убытков¹².

В советский период тема причинной связи активно разрабатывалась в рамках общих трудов по обязательственному праву¹³ и работ, посвященных гражданско-правовой ответственности¹⁴. Специальному исследованию причинно-следственной связи как основания гражданско-правовой ответственности была посвящена кандидатская диссертация В.И. Кофмана¹⁵.

Публикации последних лет¹⁶ свидетельствуют о повышающемся интересе современной науки российского гражданского права к проблеме причинно-следственной связи.

¹² Кривцов А.С. Общее учение об убытках. Юрьев, 1902; Симолин А.А. Основания гражданской ответственности за вред и убытки. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905; Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Том 1. Ярославль, 1910.

¹³ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М., 1950; Иоффе О.С. Обязательственное право. М., 1975.

¹⁴ Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951; Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1955; Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970; Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973; Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1983.

¹⁵ Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А.А. Жданова – Л., 1960.

¹⁶ См.: Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6. С. 4–21; Сераков В.В. Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 5. С. 233–252; Ягельницкий А.А., Петроль О.Д. Спор о взыскании убытков. Как меняется подход судов к причинно-следственной связи // Арбитражная практика. 2016. № 1. С. 26–34; Назариков С.В. Указ. соч.; Епихина Д.О. Ответственность за совместно причиненный вред // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 88–128; Спиридонова Н.Б. Указ. соч.; Белов В.А. Что такое предвидимость? // Закон. 2019. № 3. С. 33–46; Маркелова А.А. Отдельные аспекты установления причинной связи в деликтах государства // Закон. 2019. № 3. С. 76–87; Будылин С.Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия. 2020. № 1. С. 111–151; Евстигнеев Э.А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 33–59; Сударев Г.А. Некоторые трудности при определении границ вины потерпевшего //

Теоретическую основу исследования составляют работы отечественных и иностранных авторов по вопросам гражданского права и, прежде всего, обязательствам из причинения вреда. При этом подходы к установлению причинной связи, предложенные в гражданском праве, часто имеют определенные сходства с идеями, получившими развитие в науке уголовного права. Наличие таких сходств обуславливает необходимость периодического обращения к работам отечественных и зарубежных специалистов в области уголовного права при обсуждении ряда возникающих в сфере гражданского права проблем, связанных с категорией причинной связи¹⁷.

В российской дореволюционной доктрине проблемы причинной связи затрагивались, в частности, в работах А.С. Кривцова, Н.Д. Сергеевского, А.А. Симолина, Г.Ф. Шершеневича, Т.М. Яблочкова. В советской правовой науке причинно-следственная связь изучалась М.М. Агарковым, Б.С. Антимоновым, В.П. Грибановым, Н.Д. Егоровым, О.С. Иоффе, В.И. Кофманом, Л.А. Лунцем, Г.К. Матвеевым, Ю.Г. Матвеевым, А.А. Пионтковским, А.А. Собчаком, В.А. Тарховым, Е.А. Флейшиц и другими учеными. На протяжении трех последних десятилетий вопросы причинной связи рассматривались многими учеными, в том числе В.В. Байбаком, В.А. Беловым, С.Л. Будылиным, В.В. Витрянским,

Вестник гражданского права. 2020. № 3. С. 83–135; Насибуллина И.А. Причинно-следственная связь: камень преткновения в спорах с производителем и продавцом дефектных товаров // Закон. 2020. № 3. С. 57–68.

¹⁷ Вместе с тем необходимо учитывать, что между уголовно-правовым и цивилистическим пониманиями причинности есть и различия, обусловленные целями, преследуемыми данными отраслями права (если уголовная ответственность направлена на наказание правонарушителя, то основной задачей гражданско-правовой ответственности является восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевшего).

Так, в уголовном праве в хрестоматийном примере, когда два охотника одновременно выстрелили на звук по кустам, полагая, что там находится дикое животное, а причинили ранение человеку, ответственность охотников за оконченное преступление исключается в случае невозможности установления, чья пуля попала в потерпевшего (см.: Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2014. С. 329; Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 83). В гражданском праве господствующий подход, напротив, основан на допустимости удовлетворения требования о возмещении вреда, причиненного потерпевшему, несмотря на невозможность установления причинно-следственной связи (см. подробнее § 1 гл. 2 настоящей диссертации).

А.В. Егоровым, А.Г. Карапетовым, А.С. Комаровым, С.В. Назариковым, О.Д. Петроль, В.В. Сераковым, Е.А. Сухановым, А.А. Ягельницким.

Значительное внимание в настоящей работе уделено исследованиям причинно-следственной связи, проведенным иностранными правоведом. В их числе следует упомянуть таких ученых, как Кр. фон Бар (Chr. von Bar), Ф. Быдлински (F. Bydlinsky), Дж. Вейр (J. A. Weir), Б. Винигер (B. Winiger), С. Галан-Карваль (S. Galand-Carval), У.В. Гортон Роджерс (W.V. Horton Rogers), К. ван Дам (C. van Dam), П. Катала (P. Catala), К. Кётц (K. Kötz), Г. Коциоль (H. Koziol), К. Ларенц (K. Larenz), У. Магнус (U. Magnus), Б. Маркезинис (B.S. Marquesinis), Ж.Л. де ла Морандьер (L.J. de la Morandière), О. Морето (O. Moréteau), К. Олифант (K. Oliphant), Т. Оноре (T. Honoré), Р. Познер (R. Posner), У.Л. Проссер (W.L. Prosser), Р. Райт (R. W. Wright), Р. Саватье (R. Sauatieri), Дж. Степлтон (J. Stapleton), Дж. Стил (J. Steele), С. Стил (S. Steel), Г.Х. Трейтел (G.H. Treitel), Г. Харт (H. L. A. Hart), К. Цвайцерт (K. Zweigert), Р. Циммерманн (R. Zimmermann), Дж.Т. Шварц (G.T. Schwarz).

Нормативную базу исследования составляют нормы отечественного и иностранного (прежде всего – немецкого и французского) права.

Судебная и арбитражная практика. В процессе настоящего исследования были широко использованы материалы отечественной и иностранной судебной практики, включая разъяснения высших судебных инстанций.

Методология и методы исследования. При подготовке исследования были использованы методы формальной логики (анализ и синтез, дедукция и индукция и др.), общенаучные и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой (включая функциональный подход¹⁸) и исторический.

¹⁸ Согласно функциональному подходу при проведении сравнительно-правового исследования акцент делается прежде всего на самих проблемах, а не на правовых институтах и нормах, позволяющих их решить (см. подробнее о методе: Михаэльс Р. Функциональный метод сравнительного правоведения // Вестник гражданского права. 2010. № 1. С. 242–297; Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы / Российский ежегодник сравнительного права. 2007. № 1 / Под ред. Д.В. Дождева. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. С. 7–28; Ширвиндт А.М. Сравнительное правоведение как научная дисциплина и унификация частного права (по поводу работы Р. Циммерманна «Европеизация частного права и сравнительное правоведение») / Российский ежегодник сравнительного права.

Цели и задачи исследования. Основной целью настоящего исследования является установление значения причинно-следственной связи в качестве одного из оснований деликтной ответственности.

Обозначенная цель достигается путем решения следующих задач диссертационного исследования:

- 1) раскрытие положений теорий причинно-следственной связи, предложенных в зарубежной и отечественной доктрине;
- 2) сопоставление предлагаемых различными теориями критериев выделения юридически-значимой причинной связи (т.е. критериев разграничения условий и причин вреда);
- 3) рассмотрение вопросов установления причинной связи в осложненных случаях фактической причинной связи.

Предмет диссертационного исследования. Предметом настоящего исследования выступают предложенные отечественными и зарубежными учеными теории причинно-следственной связи, нормы российского гражданского права, решения национальных судов, связанные с категорией причинно-следственной связи.

Научная новизна исследования. Настоящее исследование представляет собой комплексный анализ категории причинно-следственной связи как одного из

2007. № 1 / Под ред. Д.В. Дождева. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. С. 631–647).

Функциональный метод предполагает, что правопорядки стараются найти наиболее справедливые решения для схожих ситуаций, что приводит к определенному сближению получаемых ими результатов. Вместе с тем необходимо учитывать, что интенсивное развитие деликтного права пришлось на XIX век, когда первая волна кодификаций уже была завершена, в связи с чем обязательства из причинения вреда отличаются большим национальным колоритом в сравнении, к примеру, с договорным правом (см.: Zimmermann R. *Die Europäisierung des Privatrechts und die Rechtsvergleichung*. Berlin, 2006. S. 24–28 (цит. по: Ширвиндт А.М. Указ. соч. С. 634). Причинно-следственная связь в системе оснований ответственности присутствует во всех сравниваемых правопорядках, однако из-за специфики соотношения оснований ответственности, имеющейся в каждом правопорядке (см.: Цвайгерт К., Кётц Х. *Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права*. В 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 1998. С. 362–395), подходы к решению проблем, так или иначе связанных с причинно-следственной связью, в них могут отличаться. В этой связи сравнение решений некоторых обсуждаемых в настоящей работе проблемных ситуаций в различных странах может быть не во всех случаях в полной мере корректным.

условий деликтной ответственности, помимо отечественной доктрины учитывающий опыт континентально-европейских правовых порядков и стран общего права. Проведенное исследование позволило автору сформулировать и обосновать следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Обосновано, что ряд теорий причинно-следственной связи не могут использоваться для целей установления пределов ответственности, поскольку либо не предлагают применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи (объективная теория выделяемого условия в изложении К. Биркмайера), либо сводят проблему причинно-следственной связи к проблеме противоправности (субъективный вариант теории выделяемого условия К. фон Бара и И. Наглера), либо признают причиной вреда ближайшее к нему его необходимое условие без каких-либо исключений, не предлагая критерий разграничения ближайших условий, являющихся основанием ответственности, и условий, не являющихся таковыми (объективная теория выделяемого условия в части взглядов К. Биндинга и Р. Ортмана; теория прямой и косвенной причинной связи Н.Д. Егорова; теория необходимой и случайной причинной связи в изложении Т.Л. Сергеевой и М.Д. Шаргородского; теория возможности и действительности О.С. Иоффе в части, признающей юридически значимой причиной поведение, превратившее возможность причинения вреда в действительность; теория создания ненормальной обстановки В.И. Кофмана).

2. Продемонстрировано, что в основе теорий, предлагающих применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи, не приводящий к смешению проблемы причинно-следственной связи с проблемой противоправности и не сводящийся к признанию причиной вреда ближайшего к нему его необходимого условия, лежит идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода, излагаемая в различных формах (повышение вероятности причинения вреда или типичность последствий в теории адекватной причинной связи; предвидимость последствий в теории отдаленности последствий; учет общественной практики в теории необходимой и случайной причинной связи в изложении Е.А. Флейшиц,

Л.А. Лунца, Б.С. Антимонова и в теории необходимой причинной связи В.П. Грибанова; повторяемость явлений действительности в теории возможности и действительности О.С. Иоффе в части, признающей юридически значимой причиной поведение, создавшее конкретную возможность причинения вреда).

3. Доказано, что для проблемы альтернативной причинной связи (ситуации, характеризующейся наличием нескольких потенциальных причинителей вреда, один из которых точно причинил вред, и отсутствием возможности установить действительного причинителя вреда) наиболее сбалансированным решением является механизм долевой ответственности потенциальных причинителей вреда. Размер ответственности каждого потенциального причинителя вреда пропорционален вероятности того, что именно его действия стали причиной вреда. При определении размера доли ответственности каждого потенциального причинителя вреда, в частности, могут учитываться период, объем и интенсивность потенциально вредоносного поведения, доля, занимаемая ответчиком на соответствующем товарном рынке. При невозможности определения вероятностей причинения вреда потенциальными причинителями их доли предполагаются равными.

4. Продемонстрировано, что проблема утраты (снижения) шанса является частным случаем альтернативной причинной связи, в которой одной из потенциальных причин нереализации шанса является поведение правонарушителя, а другой – обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего или внешним факторам, в связи с чем проблема утраты шанса также должна решаться с помощью механизма распределения последствий нереализации шанса между потерпевшим и лицом, чьи действия привели к утрате (снижению) шанса.

5. Доказано, что при опережающей причинной связи (ситуация, когда лицо причиняет такой вред, который все равно бы наступил впоследствии из-за действия иного лица, действия самого потерпевшего или внешнего обстоятельства) ответственность должна быть возложена на первоначального правонарушителя, так как именно его поведение привело к возникновению вреда, а последующие обстоятельства не могли причинить вред уже уничтоженному благу.

При этом в отношении вопроса о возмещении «длящегося» вреда (например, утраченного заработка или упущенной выгоды) теоретически возможна конструкция солидарной ответственности первого и последующего правонарушителей с момента совершения второго правонарушения.

6. Обосновано, что проблема соотношения дублирующей причинной связи (ситуация, когда два или более лица, действующие обособленно друг от друга, совершают правонарушения, каждое из которых само по себе является достаточным для возникновения вреда) и опережающей причинной связи (ситуация, когда лицо причиняет такой вред, который все равно бы наступил впоследствии из-за действия иного лица) должна решаться через презумпцию дублирующей причинной связи: предполагается, что ответчики действовали одновременно или негативный эффект их действий наступил одновременно, если конкретный ответчик не докажет, что на момент совершения им правонарушения или на момент материализации негативного эффекта его поведения объект, которому он мог причинить вред, уже был уничтожен в результате правонарушения другого лица.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость исследования определяется актуальностью затронутых в нем проблем и новизной полученных выводов. В этой части материалы и результаты работы могут быть использованы в преподавательской деятельности и при проведении дальнейших исследований, посвященных роли категории причинно-следственной связи в механизме гражданско-правовой ответственности.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения сформулированных теоретических положений при совершенствовании законодательства и в правоприменительной деятельности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Степень достоверности исследования подтверждается произведенным анализом зарубежных и отечественных нормативных актов, судебной практики и доктринальных источников, постановкой целей и задач исследования и избранной методологической основой исследования.

Диссертация выполнена и обсуждена на кафедре гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Результаты проведенного исследования использованы в учебном процессе на юридическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова при проведении занятий со студентами по курсу гражданского права. Основная часть сформулированных в ходе настоящего исследования выводов и их аргументация нашли отражение в научных публикациях автора: «Концепция фактической причинной связи и некоторые проблемы ее применения» // Вестник гражданского права. 2018. № 3. С. 103–161; «Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности» // Вестник гражданского права. 2019. № 4. С. 82–144; «К вопросу о допустимости возмещения расходов, понесенных независимо от факта причинения вреда» // Закон. 2019. № 3. С. 67–75; «Влияние предрасположенности потерпевшего на возмещение причиненного ему вреда» // Закон. 2020. № 6. С. 84-94; «Природное явление и перерыв причинной связи» // Вестник экономического правосудия. 2020. № 4. С. 4–14.

Структура исследования включает введение, две главы (первая глава состоит из шести параграфов, вторая – из пяти параграфов), заключение и список использованных источников и литературы.

Глава 1. Теории причинно-следственной связи и установление пределов ответственности

§ 1. Теория равноценных условий

Большая часть теорий проводят разграничение фактической и юридически значимой причинной связи и концентрируются на выработке критериев разграничения условий и причин вреда.

Между тем высказывалась и точка зрения, согласно которой категория причинной связи ограничивается фактической причинной связью и не охватывает вопрос о допустимости вменения лицу последствий, находящихся в условной связи с его поведением. Данная позиция легла в основу теории равноценности условий (теории равноценных условий), которая исходит из того, что причиной вреда является любое его необходимое условие.

Зачатки теории равноценности условий, вероятно, находятся в идее *versari in re illicita*, применявшейся многими системами уголовного права в прошлом. Тот, кто принимает участие в незаконной деятельности, ответствен за весь вред, который не был бы причинен без его участия. Но впервые данная теория была изложена австрийским ученым Ю. Глазером. Ю. Глазер полагал, что если при мысленном исключении действия ответчика из цепи событий конечный результат не меняется, то такой результат не может быть приписан ответчику. Если же при мысленном исключении действия ответчика конечный результат не наступает или наступает совершенно иным образом, то фактически наступивший результат может быть справедливо вменен ответчику¹⁹.

Вскоре после Ю. Глазера аналогичные взгляды были развиты М. фон Бури в Германии. На позицию М. фон Бури оказали влияние механистические аналогии, свойственные аргументации сторонников теории выделяемого условия. М. фон Бури утверждал, что по общему правилу невозможно разделить вред на части: если три вора крадут по 1000 марок из сундука, содержащего 3000 марок,

¹⁹ Hart H.L.A., Honoré T. Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1985. P. 442–443.

убыток можно разделить на части, но, как правило, вред является неделимым, например, в случае, когда три лица убивают четвертого. М. фон Бури стремился доказать, что неправильно считать одного соучастника в большей мере причинившим вредный результат, чем другого. С его точки зрения, малейшая прикосновенность к вредной деятельности имеет такое же значение, как наибольшее в ней участие. Для того чтобы доказать данный тезис, М. фон Бури проводит аналогию с действием мельницы. Если, говорит М. фон Бури, необходимо известное количество воды для того, чтобы привести мельничный жернов в движение, и первое лицо проводит из своего пруда $\frac{4}{5}$ этого количества, а второе лицо из другого пруда – $\frac{1}{5}$ того же количества, то нельзя утверждать, что первое лицо причинило вращение жернова в $\frac{4}{5}$, а второе лицо – в $\frac{1}{5}$, так как ни одна из этих двух сил не может быть признана причиной явления сама по себе, но лишь в соединении с другой²⁰.

Таким образом, представители теории равноценности условий полагали, что причиной конкретного события является сумма всех необходимых условий, из которых ни одно не может отпасть без того, чтобы не привести изменения в этой сумме и вместе с тем и в результате. Каждое условие равно необходимо, так как действие не может наступить, пока отсутствует хотя бы одно условие его наступления. Отсюда дальнейший вывод: все условия, которые привели к известному результату, для этого результата равнозначны: ни одно из этих условий нельзя выделить как настоящую причину и утверждать, что ему лишь принадлежит производящая сила. Из этого бесчисленного числа причин каждого события круг условий, имеющих значение для вопроса об ответственности, должен быть выделен при помощи момента вины (предвидения результата)²¹.

Уголовное отделение Германского имперского суда с самого начала восприняло теорию равноценности условий. В 1880 г. Германским имперским

²⁰ G'sell F. Causation, Counterfactuals and Probabilities in Philosophy and Legal Thinking // Chicago-Kent Law Review. 2016. Vol. 91. P. 513; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 443; Кривцов А.С. Указ. соч. С. 143–144; Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 116–117.

²¹ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 210–211.

судом было рассмотрено следующее дело: жена оставила бутылку из-под вина, содержащую раствор мышьяка, на подоконнике, хотя должна была предвидеть, что ее муж, склонный к выпивке, может попробовать содержимое бутылки. Муж выпил содержимое бутылки и умер. Жена была обвинена в неосторожном причинении смерти, несмотря на вмешавшуюся неосмотрительность мужа, поскольку «в отсутствие действий жены, оставившей бутылку с ядом, ее муж бы не умер, следовательно, возникновение всего результата было обусловлено действиями с ее стороны, в связи с чем ее действия находились в причинно-следственной связи со смертью». Немецкие уголовные суды, включая Федеральный верховный суд Германии, с тех пор остаются верными данной теории, однако вытекающая из нее слишком широкая ответственность ограничивается критериями вины или противоправности²². В области же гражданского права в Германии теория равноценности условий пользовалась незначительным успехом²³.

Теория равноценных условий долгое время использовалась французскими судами. К примеру, судами было констатировано наличие причинно-следственной связи между аварией и вредом, причиненным впоследствии лицу, пострадавшему в аварии, в результате врачебной ошибки или переливания зараженной крови²⁴.

Г. Харт и Т. Оноре в качестве достоинств теории равноценных условий отмечают, что она, во-первых, сводит проблему причинной связи к вопросу чистого факта, во-вторых, является единственной теорией, которая избегает проблемы смешения причинной связи и вины²⁵. О. Морето указывает, что идея *conditio sine qua non* позволяет судам исключить из предмета исследования действия, которые никак не повлияли на возникновение вреда²⁶.

Теория равноценных условий встретила серьезные возражения. И. Наглер, критикуя данную теорию, указывал, что во многих случаях невозможно выделить

²² Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 444–445.

²³ Ibid. P. 445.

²⁴ Fairgrieve D., G'sell-Macrez F. Causation in French Law: Pragmatism and Policy // Perspectives on Causation / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011. P. 117–118.

²⁵ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 445. См. также: Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / Ed. by H. Koziol. Vienna: Jan Sramek Verlag, 2015. P. 48.

²⁶ Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 49.

весь набор условий события, по крайней мере в случаях, когда в такой набор включаются отрицательные условия, например, условиями распространения пожара, который мог быть погашен, является то, что он не был потушен лицом А, лицом Б и т.д. (неопределенным кругом лиц)²⁷.

Кроме того, по мнению К. Биркмайера, если результат не может возникнуть при отсутствии хотя бы одного своего необходимого условия, то причиной такого результата может быть только сумма всех его условий²⁸.

Во французской доктрине концепция равноценности условий также оспаривались учеными, поддерживающими идею о непосредственном характере причинной связи и утверждающими, что причиной является только событие, наиболее тесно связанное с результатом (что может определяться исходя из факторов времени, степени влияния на возникновение вреда, вероятности и предвидимости)²⁹.

Между тем основное возражение против теории равноценности условий заключается в том, что она допускает возможность привлечения к ответственности за очень далеко идущие последствия совершенного деяния. Так, П. Эртман приводил следующий пример: «Если мой пес надоедает прохожему и он вследствие этого изменяет маршрут своей ежедневной прогулки, а затем, спустя несколько недель, прохожий попадает под автомобиль, гуляя по вновь избранному маршруту, то я должен буду нести ответственность, ибо если бы моя собака не вела себя определенным образом, то прохожий не изменил бы прежнего направления своей прогулки и не попал бы под автомобиль. Моя собака, за которую я должен отвечать и при отсутствии вины с моей стороны согласно ст. 833 Гражданского уложения, создала условие, без которого не могло наступить увечье или смерть прохожего»³⁰.

²⁷ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 446.

²⁸ Ibid. P. 443.

²⁹ Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 47.

³⁰ Цит. по: Курс советского уголовного права: Преступление. В 6 т. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1970. С. 172. Аналогичным образом теория равноценных условий критиковалась Г.Ф. Шершеневичем, который обращал внимание на то, что «практические выводы теории равноценности условий оказываются слишком суровыми в уголовном праве и явно несправедливыми в гражданском праве. При принятии этой точки зрения уголовная и гражданская ответственность шли бы в

Г. Коциоль также выражает сомнение в обоснованности подхода, предполагающего возложение на лицо ответственности за все последствия, необходимым условием возникновения которых являлось его поведение (которые не возникли бы в отсутствие его поведения)³¹.

Теория равноценных условий имела сторонников и в отечественной доктрине уголовного права. В дореволюционный период теорию равноценных условий поддерживал Н.Д. Сергеевский³². В советский период данная теория была развита в работах Т.В. Церетели. По ее мнению, неправильно при установлении уголовной ответственности противопоставлять причины условиям, поскольку это приводит к необоснованному ограничению ответственности. Для установления ответственности достаточно, чтобы поступок лица являлся необходимым условием вредного последствия³³. Поступок лица должен быть признан необходимым условием изменения во внешнем мире, когда при отсутствии этого действия изменения не произошли бы. Для выяснения же того, произошли бы или нет изменения во внешнем мире при отсутствии действия, допустимо пользоваться методом мысленного исключения данного действия из общей причинной цепи. Если при таком исключении окажется, что последствие все равно наступило бы и притом наступило бы именно в том порядке, в каком оно осуществилось в действительности, то это подтверждает, что исследуемое действие человека не было необходимым условием наступившего последствия. Если же, наоборот, окажется, что при отпадении действия последствие или вовсе не наступило бы, или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло на самом деле, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий последствия³⁴.

бесконечность. Идя в этом направлении, можно признать родителей вора, родивших и воспитавших его, ответственными за произведенную им кражу» (Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие. В 2 т. Т. 2. М.: Юрид. колледж МГУ, 1995. С. 265–266).

³¹ Koziol H. Natural and Legal Causation // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007. P. 59–60.

³² Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1880. Ч. 2. С. 174; Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 175–176.

³³ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М.: Госюриздат, 1963. С. 160.

³⁴ Там же. С. 179–180. В своей более ранней работе (Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических

Для того чтобы исключить ответственность за самые отдаленные условия, сторонниками теории равноценных условий (Н.Д. Сергеевским) был предложен так называемый корректив виновности, согласно которому вопрос о квалификации определенного действия в качестве причины вреда может быть поставлен только в том случае, если такое действие носит виновный характер. Однако с этой точки зрения виновность становится неотъемлемым атрибутом причинности³⁵. Т.В. Церетели обращала внимание на то, что последовательное развитие данной идеи приводит к отрицанию значения причинной связи как предпосылки ответственности³⁶.

«Корректив виновности» теоретически может решить проблему ограничения пределов ответственности в сфере уголовного права, где ответственность возможна только за виновное поведение. В отличие от уголовного права гражданское право в некоторых случаях допускает безвиновную ответственность, в связи с чем «корректив виновности» не может выступать в качестве универсального средства ограничения пределов ответственности³⁷.

Кроме того, категория вины в ряде случаев не позволит ограничить ответственность за «отдаленные» последствия, находящиеся в условной связи с виновным поведением правонарушителя³⁸.

наук. М., 1949) Т.В. Церетели исходила из положения о неравноценности каузальных факторов и активного, производящего характера причины по отношению к следствию. Действие признавалось причиной вредоносного последствия, если не только было необходимым условием его возникновения, но и в то же время имело активный, производящий характер по отношению к нему. Действие человека имеет активный, производящий характер, когда без данного поведения последствие не имело бы места, если при этом в момент совершения поступка лицо имело реальную возможность вмешаться в объективный ход событий и своим вмешательством оказать воздействие на этот ход событий. Впоследствии под влиянием критики (см., к примеру: Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 84–85) Т.В. Церетели отказалась от противопоставления причины условиям и от критерия «реальной возможности вмешательства» в пользу теории равноценности условий в ее классическом понимании (см.: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 159–160).

³⁵ Антимонов Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1–6 июля 1946 г. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948. С. 68.

³⁶ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 90.

³⁷ Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 97.

³⁸ Гражданское право. Учебник: Т. 4 / Отв. ред. Е.А. Суханов – М.: Статут, 2020. С. 493 (автор главы – А.А. Ягельницкий).

Предположим, что правонарушитель совершил противоправное и виновное действие, которое непосредственно привело к возникновению определенного вреда, однако впоследствии возник дополнительный «отдаленный» вред, также находящийся с виновным действием правонарушителя в условной связи (дополнительный вред не наступил бы, если бы не виновное поведение правонарушителя). Например, правонарушитель нанес потерпевшему незначительную травму (первоначальный вред), для лечения которой потерпевший был госпитализирован. В период, когда потерпевший находился на лечении, в больнице возник пожар, в результате которого потерпевший погиб (дополнительный вред).

Для целей оценки пригодности категории вины для установления пределов ответственности введем презумпцию о том, что вменение правонарушителю дополнительного вреда является несправедливым и ответственность правонарушителя должна ограничиваться только первоначальным вредом.

Если редуцировать причинно-следственную связь до условной связи и пытаться устанавливать пределы ответственности через виновность, то в обсуждаемом примере есть два возможных варианта решения.

Первое решение исходит из того, что правонарушитель подлежит привлечению к ответственности и за первоначальный вред, и за дополнительный вред, так как и первоначальный вред, и дополнительный вред находятся в условной связи с поведением правонарушителя, носящим противоправный и виновный характер. Однако такой вывод противоречит ранее введенной нами презумпции о недопустимости вменения правонарушителю дополнительного вреда.

Второе решение предполагает ограничение ответственности правонарушителя только первоначальным вредом со ссылкой на то, что в части причинения первоначального вреда поведение правонарушителя является виновным, а в части причинения дополнительного вреда – невиновным.

Между тем виновность является свойством, характеризующим само поведение. Поведение является либо виновным, либо невиновным. Одно и то же действие не может одновременно быть и виновным (в части первоначального

вреда), и невиновным (в части дополнительного вреда).

Категория юридически значимой причинной связи, напротив, позволяет в таких случаях гибко регулировать пределы ответственности. Ограничение ответственности правонарушителя только первоначальным вредом может обосновываться тем, что первоначальный вред находится в юридически значимой причинной связи с виновным поведением правонарушителя, а между дополнительным вредом и виновным поведением правонарушителя такая связь отсутствует.

С учетом указанных недостатков теории равноценных условий в большинстве правопорядков предполагается, что для возложения на лицо, чье поведение является условием вреда, обязанности по возмещению вреда необходимо установить, что действия лица являются юридически значимой причиной вреда. Критериям выделения юридически значимой причинной связи посвящена бóльшая часть теорий причинной связи.

§ 2. Общая характеристика теорий причинно-следственной связи, предусматривающих выделение нормативной стадии исследования причинной связи

§ 2.1. Германия

Немецкие юристы видят основание для выделения юридически значимой причинной связи в том, что фактическая причинная связь является безграничной, а отнесение образовавшихся последствий к ответственности определенного лица требует установления определенных границ. Для того чтобы обязанность по возмещению вреда не была бескрайней, немецкой доктриной были предложены дополнительные критерии, которые могли послужить справедливым основанием для вменения неблагоприятных последствий в вину нарушителю³⁹.

Так, во второй половине XIX в. было разработано несколько теорий,

³⁹ Егоров А.В. Указ. соч. С. 75.

пытавшихся определить критерий, разграничивающий условия и причины вреда (несмотря на то, что данные теории прямо не выделяли фактическую и нормативную стадии исследования причинно-следственной связи, данное разграничение представляет собой суть указанных теорий).

Данные теории можно разделить на две подгруппы. Некоторые теории, именуемые как «обобщающие», признают, что каждое утверждение о причинной связи является общим в том смысле, что его истинность зависит от истинности некоторых общих утверждений о закономерностях. Теории, которые этого не признают, называются «индивидуализирующими»⁴⁰. Индивидуализирующие теории полностью отделяют идею причинности от обобщающих утверждений и законов о причинных связях и настаивают на том, что существует некое особое свойство «быть причиной», относящееся к конкретному действию, бездействию или событию (подобно тому, как удар может иметь свойство «сильный», удар может иметь свойство «быть причиной»). С этой точки зрения первостепенное значение имеет то обстоятельство, что качество причины и приписывается конкретному акту или событию, а не то, что действие (событие) является примером факта такого типа, который, как предполагается, постоянно или обычно связан с фактом другого типа⁴¹.

Индивидуализирующие теории делятся на два главных вида: теория исключительной причинности настаивает не только на том, что «быть причиной» есть внутреннее свойство конкретных фактов, но и на том, что, если факт действительно является причиной, он с необходимостью порождает свой результат исходя из своей природы («смертельная» рана с необходимостью является причиной смерти; если бы она не причиняла смерть, то она не была бы «смертельной»). Вторым видом индивидуализирующих теорий является теория выделяемого условия. Данная теория, в отличие от теории исключительной причинности, допускает, что факты могут иметь каузальное действие в разной степени или пропорции. Бóльшая часть немецких теоретиков относит к

⁴⁰ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 433; см. также: Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 215, 262.

⁴¹ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 433.

индивидуализирующим теориям и доктрину эквивалентности условий, согласно которой любое необходимое условие (как вариант – вся совокупность необходимых условий) может быть названо причиной.

Обобщающие теории исходят из того, что если конкретное действие или событие является причиной чего-либо, то их каузальное значение связано с тем, что они относятся к типу фактов, которые, как предполагается, обычно связаны с фактами другого типа. Наиболее важной обобщающей теорией является теория адекватных причинных связей, которая неразрывно связана с идеей вероятности. В соответствии с одним из вариантов адекватной теории для целей права обстоятельство является причиной вреда, если оно повысило вероятность возникновения вреда такого рода. К обобщающим теориям, вероятно, должна быть отнесена и телеологическая теория Э. Рабеля, согласно которой при оценке причинно-следственной связи необходимо учитывать, относится ли причиненный потерпевшему вред к той категории вреда, для предотвращения которого законодателем была введена определенная норма.

§ 2.1.1. Теория исключительной причинности

В немецкой доктрине теории равноценных условий предшествовала теория исключительной причинности, пользовавшаяся наибольшей популярностью в начале XIX в.

Теория исключительной причинности исходила из того, что под причиной в праве понимается «необходимая» причина в том смысле, что при наличии предполагаемой причины с необходимостью возникает предполагаемое последствие в силу внутренних свойств предполагаемой причины⁴². Для признания причинной связи требовалось, чтобы повреждение, взятое вообще, т.е. помимо индивидуальных особенностей конкретного лица и конкретного случая, влекло за собой вред без возможности излечения⁴³.

Эта идея, в частности, была применена при характеристике убийств в уголовном праве, где было проведено разграничение между смертельными и

⁴² Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 436–437.

⁴³ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 5.

несмертельными ранами. Согласно данной теории для признания наличия причинной связи при убийстве требуется непосредственное лишение жизни другого человека, например убийство топором, выстрел в упор. Всякое привходящее обстоятельство, содействующее наступлению результата, устраняло вменение содеянного в вину лицу⁴⁴. Если обвиняемый нанес смертельную рану и жертва умерла, то он причинил смерть в правовом смысле, но если он нанес несмертельную рану и жертва умерла в результате гангрены, сопряженной с неправильным лечением или некоторыми другими вмешивающимися факторами, то его действия уже не могут быть признаны причиной смерти.

Эта позиция давала необоснованные преимущества правонарушителю и была основана на представлении, что «смертельность» есть атрибут, присущий одним и не присущий другим ранам. К. Штюбель и позднее К. Кёстлер отмечали, что человеческий опыт не содержит примеров «необходимых причин» и праву для установления наличия причинной связи не требуется, чтобы исследуемый акт был «необходимым или даже достаточным, преобладающим или обязательным в конкретных обстоятельствах». С другой стороны, каждый акт для достижения его эффекта предполагает наличие множества внешних обстоятельств и условий в качестве вспомогательных причин; только совокупность всех субъективных и объективных условий, взятая совместно, может быть рассмотрена в качестве причины в том смысле, чтобы быть обязательной в конкретных обстоятельствах⁴⁵.

К. Штюбель указывал, что с точки зрения теории исключительной причинности человек, нанесший другому рану ударом топора в голову, от которой пострадавший умер, должен быть освобожден от ответственности при наличии доказательств того, что в одном подобном случае такая рана не привела к смерти. С развитием медицины те повреждения, которые ранее считались неизбежно смертельными, становились излечимыми, следовательно, число неизбежно

⁴⁴ Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 163; Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 3–4.

⁴⁵ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 437.

смертельных повреждений постоянно должно уменьшаться⁴⁶.

В ходе последующей дискуссии Ф. Леонгард, критикуя теорию исключительной причинности, указывал, что довольно редко представляется возможным утверждать, что определенное последствие всегда следует за единичным предшествующим условием. Очевидно, что это не так в случаях психологического влияния; когда на одно лицо можно повлиять посредством побуждения, внушения или угроз со стороны другого лица, это ни в коем случае не означает, что на него всегда так же можно будет повлиять с помощью такой же угрозы и т.д. То же самое можно сказать в отношении естественных событий: выстрел из револьвера в плечо может причинить смерть при определенных обстоятельствах, хотя за таким выстрелом не всегда следует смерть пострадавшего. Пример со смертельной раной может показаться свидетельствующим об обратном, однако рана называется смертельной только потому, что практически точно известно, что отсутствуют противодействующие условия, которые могли бы предотвратить смерть. Самое большее, о чем можно утверждать в отношении единичного условия, – это то, что за ним часто (но не всегда) следует определенное событие⁴⁷.

§ 2.1.2. Теория выделяемого условия

Объективный вариант теории выделяемого условия. В немецкой доктрине была предпринята попытка дифференцировать условия по объективному масштабу и выделить среди них особое условие, отличающееся особыми свойствами, в качестве главной, «рождающей» причины. Подобные концепции исходят из того, что по внутренней природе условия могут быть разбиты на две группы:

- 1) условия, служащие воспроизведению известной силы энергии; порождающие результат (причины);
- 2) условия, не порождающие результат, а делающие его лишь возможным (условия)⁴⁸.

⁴⁶ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 6, 8.

⁴⁷ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 437–438.

⁴⁸ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 228.

Как указывал Пфицер, «причина и условие последствия или явления должны быть различаемы: причина производит (*bewirkt*), условие делает возможным (*ermöglicht*) явление: только причина, но не условие обладает продуктивной силой; для того, чтобы последствие, сделанное возможным через условие, действительно возникло, необходимо присоединение дальнейшего обстоятельства, от условия независимого»⁴⁹.

В литературе отмечается, что теория выделяемого условия основана на аристотелевской концепции действующей причины (*causa efficiens*)⁵⁰.

Сторонники данной теории учат, что всякое изменение во внешнем мире есть результат борьбы одних сил над другими: разрушающих сил над силами, стремящимися к сохранению *status quo*. С этой точки зрения причинение идентично нарушению равновесия между двумя категориями условий: удерживающими (негативными) и способствующими (положительными) в пользу последних.

Так, по мнению К. Биндинга, существует две категории фактов, стоящих в известном отношении к результату: во-первых, содействующие и, во-вторых, противодействующие. При нормальном положении между обеими категориями

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 438. Аристотелем было развито учение о четырех причинах как четырех основных способах объяснения сущности, которые при этом выступают и как основные принципы существования. Аристотель утверждал, что бытие имеет четыре измерения, т.е. у каждой индивидуальной вещи есть четыре такие «причины», которые имеют для нас значение, если мы хотим понять, что такое эта вещь. «Причины» вещи – это факторы, которые, объединившись в сочетание, совместно отвечают за то, что эта вещь является тем, что она есть, и за то, что она вообще чем-то является. Все, что существует, обязано своим существованием и идентичностью материальной причине (лат. *causa materialis*) – веществу, из которого состоит, и формальной причине (лат. *causa formalis*) – плану или модели, которая делает это существующее тем, что оно есть. Соединяет эти два измерения третье измерение – действующая причина (лат. *causa efficiens*), которая вызывает последствия самим фактом своего действия. Как утверждает Аристотель, это «ближайший движитель», иными словами, то, что приводит в движение и заставляет изменяться первичную материю. Например, скульптор есть действующая причина статуи, так же как непогода, загрязнение воздуха и туристы суть действующие причины ее неизбежного разрушения. А чтобы понимать, что такое вещи, мы должны также искать у каждой из них целевую причину (лат. *causa finalis*) – цель ее существования. Для искусственных вещей этой целью является применение, для которого они разработаны; для естественных вещей – раскрытие своих возможностей (см.: Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / Сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. СПб.: Алетейя, 2002. С. 36–37).

фактов существует полное равновесие. Причиной по К. Биндингу является такой факт, который нарушает установившееся равновесие⁵¹.

При этом К. Биндинг указывал, что человеческая деятельность участвует в производстве какого-либо изменения двумя способами: человеческая деятельность либо усиливает условия, содействующие последствию, либо ослабляет противодействующие условия. Например, лицо, которое задумало спровоцировать наводнение, может или усилить напор воды на плотину настолько, чтобы она была разрушена, или ослабить саму плотину, чтобы она не сдержала поток воды. Пока решающее условие не достигло надлежащего развития, до тех пор и явление невозможно; оно превращается в результат в тот момент, когда последнее становится необходимостью, т.е. когда оно или вовсе необратимо, или может быть предотвращено лишь с помощью новой силы, в комбинации не участвовавшей. Следовательно, причиной может быть признана только последняя по времени сила, с наступлением которой явление следует с неизбежностью⁵².

Ближайшее условие наступившего последствия признавалось причиной и Р. Ортманом⁵³. По его мнению, причинная связь между действием человека и последствием существует тогда, когда действие человека или увеличивает положительные условия последствия, или уменьшает отрицательные условия последствия таким образом, что положительные условия получают перевес над отрицательными. Следовательно, только последний из тех фактов, последовательным содействием которых было обусловлено возникновение конкретного последствия, может рассматриваться в качестве его причины. Если же между действием ответчика и возникшим результатом находится действие другого лица, то действие ответчика является не причиной, а только поводом⁵⁴.

Т.М. Яблочков и Н.Д. Сергеевский обращали внимание на практическую непригодность концепций К. Биндинга и Р. Ортмана применительно к ситуациям, когда результат следует не непосредственно за деятельностью лица, а через

⁵¹ Кривцов А.С. Указ. соч. С. 120; Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 129.

⁵² Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 128–129, 137; Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 228–229.

⁵³ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 441.

⁵⁴ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 161, 165.

некоторое время за счет иных сил (например, смертельная рана вызывает осложнения и ведет к смерти)⁵⁵.

К. Биркмайер утверждал, что из понятия причины следует не равноценность, а принципиальное неравенство условий. Причиной является то из условий результата, которое содействовало более, чем прочие условия, созданию результата. По мнению К. Биркмайера, каждое условие события наделено определенным количеством энергии, и право под причиной события понимает то его условие, которое было наделено самым большим количеством энергии. Если два действия одинаково содействовали наступлению последствия, то каждое действие может быть признано причиной и влечь за собой ответственность. Однако количество энергии не может быть с точностью измерено, поэтому причиняющая сила какого-либо действия определяется судьей в соответствии с его полным усмотрением⁵⁶.

Т.М. Яблочков называл теорию К. Биркмайера несостоятельной как с теоретическо-логической, так и с практической точки зрения. Т.М. Яблочков указывал, что отдельные условия, влияющие на создание результата, существуют не самостоятельно, а образуют вместе единую и неразлагаемую силу. Эти условия каждое в отдельности не осуществляют известную часть результата, а приводят все вместе к единому результату, в связи с чем содействие отдельных условий может быть выражено не знаком сложения, а знаком умножения. По этой причине с логической точки зрения недопустимо разлагать результат по арифметическому подсчету отдельных сил, содействующих его реализации⁵⁷.

Н.Д. Сергеевский обращал внимание на то, что во многих случаях применение формулы, предложенной К. Биндингом, нуждается в сильной натяжке. К примеру, злоумышленник поджиг строение. Н.Д. Сергеевский сомневался в том, что в данном случае возможно выделить силы, содействующие и противодействующие возникновению пожара, поскольку до осуществления

⁵⁵ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 240; Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 137.

⁵⁶ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 438.

⁵⁷ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 237–238.

злоумышленником поджога отсутствовала как сила, стремящаяся к производству пожара, так и сила, этому противодействующая⁵⁸.

Субъективный вариант теории выделяемого условия. Субъективная теория выделяемого условия, предложенная К. фон Баром, в отличие от объективной теории, основывает различие условий и причин не на отношении условий к последствиям, а на свойстве самих действий человека. Как указывал Т.М. Яблочков, исходным пунктом субъективной теории выделяемого условия является представление о мыслимом нормальном ходе событий⁵⁹.

По мнению К. фон Бара, вопрос о причине можно ставить лишь при наличии какого-либо обстоятельства, изменяющего нормальное течение событий. То, что соответствует «установившемуся порядку жизни», не может обосновать причинную связь с последующим событием. С этой точки зрения причиной является только такое действие, которое противоречит установившемуся порядку жизни и обычному течению явлений или состояний⁶⁰. По мнению К. фон Бара, «человек является в правовом смысле причиной результата в той степени, в которой он может рассматриваться в качестве условия, которое изменяет то, что человеческим опытом расценивается как обычный ход событий»⁶¹.

Если результат вызывается стечением ряда неправомерных действий, то причиной является последнее из этих действий. Так, если правонарушитель нанес потерпевшему несмертельную рану, но в связи с плохим лечением со стороны врача рана потерпевшего стала смертельной, то ответственным за смерть потерпевшего является не правонарушитель, а только врач.

С другой стороны, на правонарушителя падают все последующие деяния, которые лежат в порядке вещей. Например, тот, кто разбил окно в чужой комнате, отвечает за ущерб, возникший в результате попадания в комнату капель дождя. Продавец некачественных строительных материалов отвечает за вред, возникший

⁵⁸ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 133.

⁵⁹ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 241.

⁶⁰ G'sell F. Op. cit. P. 515; Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 114; Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 242; см. также: Кривцов А.С. Указ. соч. С. 56.

⁶¹ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 466.

в результате разрушения здания, вызванного использованием при его возведении некачественных материалов⁶².

Таким образом, с точки зрения субъективной теории выделяемого условия причиной является последнее необычное событие, которое вызывает результат как свое регулярное последствие. Субъективная теория выделяемого условия расщепляет критерий «закономерности жизненных явлений» на две части и для привлечения лица к ответственности требует, чтобы:

- 1) само деяние правонарушителя отклонялось от «правила жизни»;
- 2) деяние правонарушителя вызвало результат «сообразно правилам жизни», а не через привхождение других событий, отклоняющихся от «правила жизни»⁶³.

Идеи К. фон Бара получили дальнейшую разработку в трудах А. Гесса. По мнению А. Гесса, каузальное свойство деяния определяется более сильной степенью этического неодобрения, в связи с чем поиск причины должен быть направлен на отыскание лица, действовавшего наиболее нецелесообразно. Отсюда следует, что отыскание причины сводится к отысканию вины⁶⁴.

От теории К. фон Бара концепция А. Гесса отличается тем, что на место узкого понятия «необычное» она ставит широкое понятие «нецелесообразное», при этом суждение о целесообразности должно исходить от объективного судьи, а не от действующего субъекта. С точки зрения А. Гесса, понятие «правило жизни» является негибким и шаблонным. Индивидуальный случай с точки зрения целесообразности может потребовать отклонения от «правила жизни», и в таком случае нецелесообразное следование «правилу жизни» будет порождать каузальную связь.

В отличие от теории К. Биркмайера, различающей причину и условие по объективной силе их действия, концепция А. Гесса исходит из того, что причиной является условие, оказавшее более сильное впечатление на суждение оценивающего субъекта (объективного судьи).

⁶² Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928. С. 148.

⁶³ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 242–243.

⁶⁴ Там же. С. 246–248.

Как отмечают Г. Харт и Т. Оноре, в XX в. наметился упадок теорий выделяемого условия. Между тем в немецкой науке предпринимались попытки «оживить» данную теорию путем внедрения нового критерия разграничения условия и причины. Так, по мнению И. Наглера, причиной в правовом смысле является только такое условие, которое представляет собой социально осуждаемое поведение (к примеру, только действия участника дорожного движения, нарушившего правила дорожного движения, могут быть признаны причиной дорожного происшествия)⁶⁵.

Субъективная теория выделяемого условия была подвергнута критике по следующим основаниям⁶⁶.

Во-первых, была подвергнута критике основная идея К. фон Бара о зависимости понятия причины от представлений о предполагаемом нормальном течении событий. Отмечалось, что всякое человеческое деяние вызывает результат, который не имел бы места при отсутствии данного деяния, в связи с чем последовательное применение теории Бара должно вести к представлению о том, что обычное течение явлений в человеческой жизни есть абсолютное бездействие.

Во-вторых, конструкция Бара не может быть применена в случаях, когда нельзя заранее определить нормальное течение событий, в связи с чем безразлично, какой – обычный или необычный – оборот приняли бы прежние события без привхождения человеческой деятельности. М. фон Бури, в частности, приводит следующий пример: путешественник стоит на перекрестке: одна дорога ведет к обрыву, другая – к конечной цели его путешествия. Пока он размышляет, какую ему выбрать дорогу, никто не может сказать, пойдет он по правильной дороге или нет. Если другое лицо укажет ему ложный путь, ведущий к обрыву, то можно утверждать, что оно причинило смерть путешественнику, хотя нельзя сказать, что оно изменило «регулярное течение явлений».

В-третьих, К. фон Баром не разрешается вопрос о том, какой порядок

⁶⁵ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 442.

⁶⁶ Критика субъективной теории выделяемого условия приводится по: Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 258–262.

событий является закономерным течением человеческой жизни. «Правильный порядок жизни» означает у К. фон Бара то правомерность («течение человеческой деятельности в пределах права»), то адекватность (житейская, фактическая обычность явлений), хотя данные понятия далеко не тождественны. Противоправное деяние может являться адекватным последствием возникших обстоятельств. Так, например, тот, кто открыл все двери в чужом доме, положил адекватное условие тому, что хозяин дома будет впоследствии обокраден. В данном случае действия вора, обокравшего открытый дом, являются, с одной стороны, противоправными, с другой – адекватными в существовавших обстоятельствах. И наоборот, необычными могут быть и правомерные действия (к примеру, попытка очевидца пожара спасти человека, находящегося внутри горящего дома, при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о наличии существенной опасности для его (очевидца) жизни).

В-четвертых, теория Бара ведет к признанию лишь одной причины и исключает возможность сосуществования нескольких причин, что не отвечает потребностям ни уголовного, ни гражданского права.

Указывая на несостоятельность концепции А. Гесса, Т.М. Яблочков отмечал, что утверждение Гесса о том, что причина производит на наблюдающего субъекта более сильное впечатление, чем условие, основано на необоснованном смешении каузальности и ответственности. И теория Бара, и теория Гесса стремятся вместе с вопросом о причинно-следственной связи сразу разрешить и все иные условия ответственности (вина, неправомерность). Такой подход встретил серьезное осуждение в литературе. Указывалось, что ответственность является не условием, а результатом причинной связи; что вина и причина относятся к двум различным областям: если причина порождает известный результат, то вина порождает ответственность.

М. Рюмелин обращал внимание на то, что смешение понятий каузальности и ответственности особенно опасно при построении понятия причины на этических соображениях, предложенном Гессом, поскольку в таком случае ведет к чистому субъективизму и неограниченному судейскому произволу при оценке причинно-

следственной связи.

§ 2.1.3. Теория адекватной причинно-следственной связи

Как было указано выше, теория адекватной причинной связи относится к категории обобщающих теорий.

Согласно адекватной теории причинная связь есть созданное наблюдением представление о нормальном обычном ходе вещей, т.е. представление о неизбежности или вероятности результата после известного события. Путем обобщающего наблюдения (т.е. не связанного особенностями конкретного случая) возможно прийти к выводу, что за известными явлениями следуют с некоторой частотой известные изменения, и определить то условие, которое заставляет с некоторым правдоподобием ждать результата, однородного с наступившим. Теория адекватной причинной связи не ставит вопроса о том, могло ли конкретное поведение привести к конкретному результату; она настаивает на необходимости исследования вопроса о том, способно ли подобное поведение привести к подобному результату. Таким образом, с точки зрения данной теории условия должны исследоваться не в конкретной обстановке, а в их общем значении и признаются причинами, если они представляют собой обстоятельства, вообще благоприятствующие наступлению данного вида результата. Последствия, объективная возможность наступления которых вообще заметно не повышается через определенное деяние, являются случайными событиями и ложатся на самого потерпевшего⁶⁷.

Как отмечает К. Ларенц, фундаментальная идея теории адекватного причинения заключается в исключении ответственности за непредвидимый вред, поскольку такой вред не контролируется лицом и, соответственно, не может быть отнесен к сфере его свободного волеизъявления⁶⁸. Ф. Быдлински обращает внимание на связь теории адекватного причинения с идеей превенции, поскольку возложение на лицо ответственности за вред, который объективно не мог быть предвиден, не будет иметь стимулирующего эффекта в отношении поведения

⁶⁷ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 213.

⁶⁸ Koziol H. Natural and Legal Causation. P. 63.

данного лица⁶⁹.

Философским обоснованием теории адекватного причинения является учение Д. Юма⁷⁰. Понятие причинности родилось, по мнению Юма, из следующего обыденного умозаключения: «после этого – значит, по причине этого». Такое ошибочное умозаключение со временем переросло в устойчивую ассоциацию ожидания и стало массовой привычкой. Люди начали верить, что если где-то появляется А, то оно непременно вызовет в будущем событие В⁷¹. Таким образом, заключает Юм, представление о причинно-следственной связи есть лишь привычка наблюдать, как одинаковые (или похожие) между собой события происходят после других, так же схожих между собой⁷².

Основоположником этой теории в 1880-х гг. выступил немецкий физиолог И. фон Криз. Он интересовался математической теорией вероятности и статистическими аспектами социологии и полагал, что идея вероятности может быть применена и в праве. И. фон Криз разграничивал объективную и субъективную вероятность, различие которых заключалось в том, что объективная вероятность не зависит от наших знаний. И. фон Криз применяет концепцию объективной вероятности в целях определения причинно-следственной связи следующим образом: поведение ответчика (или обстоятельство, за которое он ответствен) будет адекватной причиной, если и только если оно удовлетворяет двум требованиям:

- 1) оно являлось условием причинения вреда;
- 2) оно существенно увеличило объективную вероятность причинения вреда такого рода⁷³.

К. ван Дам обращает внимание на то, что во всех вариациях данной теории элемент вероятности играет ключевую роль⁷⁴.

⁶⁹ Ibidem.

⁷⁰ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 304, 318.

⁷¹ Юм Д. Трактат о человеческой природе / Юм Д. Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1996. С. 225–227.

⁷² Там же. С. 159–160.

⁷³ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 469; G'sell F. Op. cit. P. 520.

⁷⁴ Van Dam C. Op. cit. P. 271.

Идея увеличения объективной вероятности объясняется И. фон Кризом на следующем примере: определенная часть населения болеет туберкулезом, из этого можно вывести объективную вероятность заболевания туберкулезом. Среди шахтеров число болеющих туберкулезом составляет более высокий процент, и для шахтера объективная вероятность заболеть туберкулезом соответственно выше. Следовательно, решение человека стать шахтером увеличило вероятность заболевания им туберкулезом, и если будет установлено, что он не заболел бы туберкулезом в случае выбора другой профессии, то это решение является адекватной причиной его болезни. Простое отношение, обозначаемое как необходимая причина (*conditio sine qua non*), рассматривается И. фон Кризом как «неадекватное» или «случайное» казуальное отношение, отличное от адекватной причинной связи: данная неадекватная взаимосвязь может быть установлена при рассмотрении конкретного случая без обращения к обобщениям⁷⁵.

И. фон Криз утверждал, что результаты, достигаемые при применении его адекватной теории, очень схожи с результатами, которых достигают обыватели и юристы с «тренированным чувством справедливости» при обращении к учениям об опыте и обычном ходе событий, и предлагал свою теорию в качестве рациональной реконструкции этих идей, являвшихся в большей мере интуитивными. Некоторыми авторами (к примеру, Л. Эннексерусом) адекватная теория излагается в более свободной форме таким образом, что условие признается адекватной причиной результата, если исходя из человеческого опыта и обычного хода событий за ним обычно следует результат такого вида⁷⁶.

В качестве примера неадекватной причинной связи И. фон Криз приводит случай с кучером, который задремал во время движения, и карета отклонилась от запланированного маршрута, во время движения по которому в пассажира попадает молния. В этом случае сон кучера не увеличил существенно вероятность попадания молнии в пассажира. Вероятность попадания молнии очень мала независимо от того, спит или бодрствует кучер, и если пассажир кареты пострадал

⁷⁵ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 469–470.

⁷⁶ Ibid. P. 470; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 397.

от попадания молнии, то это может быть описано как нечто, отличающееся от обычного хода событий. Факт попадания молнии в определенную точку с позиции здравого смысла будет расценен как случайное стечение обстоятельств⁷⁷.

По мнению И. фон Криза, причиной вреда может быть признано только такое условие, которое *существенно* увеличило вероятность наступления вреда. Не все его последователи были согласны с данной идеей. Так, Г. Тарновски, ссылаясь на расплывчатость категории «существенность», утверждал, что даже малейшего увеличения вероятности достаточно для квалификации условия в качестве причины⁷⁸. Между тем, как отмечают Г. Харт и Т. Оноре, подход, предложенный Г. Тарновски, приведет к тому, что практически все условия события будут признаны его адекватными причинами. Решение лица пойти на прогулку не является причиной наезда автомобиля на него, несмотря на то, что такое решение в какой-то степени повышает вероятность наезда на него. Подъем в горы повышает вероятность срыва со скалы, но обычно не называется причиной такого срыва. Следовательно, по мнению Г. Харта и Т. Оноре, убедительным является только подход, согласно которому поведение лица является адекватной причиной вреда, если оно не просто увеличило риск наступления вреда, а сделало такой риск *существенным*⁷⁹.

И. фон Криз предлагал оценивать наличие адекватной причинной связи на основе всех обстоятельств, которые были известны или должны были быть известны делинквенту в момент его действия или бездействия (*ex ante*) с учетом основанных на опыте общих практических знаний (*ex post*)⁸⁰.

Отклонением от точки зрения И. фон Криза является взгляд А. Тона, который принимал во внимание точку зрения не действовавшего, а всякого благоразумного человека, поставленного в его положение перед действием⁸¹.

М. Рюмелин предложил теорию «объективного последующего прогноза»,

⁷⁷ Канторович Я.А. Указ. соч. С. 143–144; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 470–471.

⁷⁸ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 485.

⁷⁹ Ibid. P. 486–487.

⁸⁰ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 107.

⁸¹ Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 176; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 490.

согласно которой вопрос о значении условия как адекватного для причинения рассматриваемого результата должен быть разрешен с точки зрения последующего объективного прогноза, разрешаемого судьей⁸² исходя из его знаний естественных законов и собственного опыта⁸³. Идея М. Рюмелина заключается в том, что при решении вопроса о типичности причины судья должен учитывать весь опыт человечества и все обстоятельства, сопутствующие причинению вреда, – были бы они учтены самым осмотрительным лицом или должны были бы быть учтены исходя из окружающей обстановки (оценка *ex post*)⁸⁴, т.е. принимаются во внимание и условия, которые стали известны уже после наступления вредного результата.

В итоге немецкие суды взяли на вооружение другой вариант адекватной теории, предложенный Л. Трэгером. Согласно его взглядам поведение тогда является адекватной причиной, когда ощутимо расширяет объективную возможность возникновения результата того рода, который фактически наступил, при этом во внимание принимаются:

1) все обстоятельства, которые были бы учтены в момент причинения вреда абстрактной фигурой опытного наблюдателя (самым предусмотрительным человеком);

2) обстоятельства, которые были известны конкретному причинителю вреда⁸⁵.

В.В. Сераков относит критерий «опытного наблюдателя» к главным недостаткам теории адекватной причинной связи⁸⁶. Ссылаясь на К. Ларенца, он

⁸² Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 179.

⁸³ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 490.

⁸⁴ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 107.

⁸⁵ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 107; Treitel G.H. Remedies for Breach of Contract: A Comparative Account. Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 163; Von Bar C. Op. cit. P. 439–440; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 401–402; Wagner T. Limitations of Damages for Breach of Contract in German and Scots Law — A Comparative Law Study in View of a Possible European Unification of Law // Hanse Law Review. Vol. 10. № 1. P. 83–84; Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности. С. 10; Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юридическая литература, 1991. С. 43.

⁸⁶ Сераков В.В. Указ. соч. С. 242.

отмечает, что от «опытного наблюдателя» ничто не остается скрытым, он будет знать практически все. Для всезнающего человека фактическое течение событий, даже если оно будет необычным, всегда является прогнозируемым.

С другой стороны, по мнению А.В. Егорова, критерий «опытного наблюдателя», являясь неопределенным правовым понятием, оставляет судье пространство для маневра, которое может быть сужено путем сопоставления между собой близких по фабуле дел, однако в пограничных случаях требует от судьи собственной оценки⁸⁷.

Несмотря на то что последний подход чрезвычайно расширяет сферу привлечения к ответственности, он впервые получил поддержку гражданской коллегии Имперского Верховного суда Германии в 1898 г. и оказался воспринятым Верховным судом ФРГ⁸⁸.

Так, в одном из дел Имперский Верховный суд указал, что «если дело идет о ряде событий, чередующихся во времени и стоящих друг с другом с внешней стороны в связи, предшествующее событие может считаться причиной последующего при том условии, что при подобных обстоятельствах оно по опыту повседневной жизни имеет необходимым или обычным следствием фактически наступивший результат»⁸⁹.

Теория адекватной причинной связи была применена Верховным судом ФРГ в следующем деле: женщина развелась со своим мужем и вступила в отношения с другим мужчиной. Несколько дней спустя бывший муж ворвался в квартиру брата нового сожителя женщины, выбив при этом дверь квартиры. Брат нового сожителя женщины, испугавшись за свою жизнь, выпрыгнул из окна и упал с высоты около 8–10 метров, получив травму. Верховный суд ФРГ указал, что действия потерпевшего, направленные на то, чтобы избежать физического конфликта с разъяренным ответчиком (бывшим мужем женщины), находились в пределах нормальной реакции на чрезвычайно агрессивные действия, и взыскал с ответчика

⁸⁷ Егоров А.В. Указ. соч. С. 76.

⁸⁸ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 472; см. также: van Dam C. Op. cit. P. 271.

⁸⁹ Канторович Я.А. Указ. соч. С. 156; см. также: Шапп Я. Указ. соч. С. 137.

в пользу потерпевшего возмещение вреда, причиненного здоровью⁹⁰.

Определенную специфику теория адекватной причинной связи приобретает в отношении случаев умышленного причинения вреда. Как указал Верховный суд ФРГ в 1981 году, «желаемые последствия всегда являются адекватными»⁹¹.

§ 2.1.4. Телеологическая теория

Во второй половине XX в. в немецкой практике распространилась телеологическая теория Эрнста Рабеля. Согласно этой теории следует учитывать защитную функцию нормы, предписывающей возмещение вреда. Если вред причиняется путем нарушения определенного законодательного запрета, то

⁹⁰ Van Dam C. Op. cit. P. 272.

⁹¹ Von Bar C. Op. cit. P. 477; Wagner T. Op. cit. P. 84.

Теория адекватной причинной связи также получила распространение во Франции, при этом на французский подход большее влияние оказал вариант адекватной теории, предложенный Л. Трэгером (см.: G'sell F. Op. cit. P. 516). Вместе с тем в отличие от немецкой концепции адекватной причины во Франции редко упоминается идея вероятности. Для большинства французских ученых действие является адекватной причиной, если оно обычно порождает результат в соответствии с естественным ходом событий. Также отмечается, что необходимые условия могут быть признаны адекватными причинами, если они обычно влекут за собой вред того вида, который фактически наступил. В отличие от адекватных причин чистые случайности порождают негативный результат только в связи с наличием непредвидимых и чрезвычайных обстоятельств (см.: Fairgrieve D., G'sell-Macrez F. Op. cit. P. 118–119; G'sell F. Op. cit. P. 520). Р. Саватье в обоснование своего тезиса о том, что причинная связь между виновным действием и ущербом должна быть адекватной, т.е. логичной и не случайной (типичной), приводит следующий пример: автомобилист оставил свою машину в городе на улице на стороне четных номеров домов, тогда как ее следовало бы поставить на стороне нечетных, в результате чего в нее врезалась другая машина. Он допустил виновное нарушение. Если бы он поставил машину в ином месте, другая машина не разбилась бы. Таким образом, между его виновным действием и ущербом имеется причинная связь, по меньшей мере нетипичная. Но если предположить, что неправильно поставленная машина была единственной в этой части улицы и что водитель второй машины попал в аварию из-за того, что, зажигая сигарету, выпустил из рук руль, то в этом случае несчастный случай мог бы произойти и тогда, когда первая машина была бы поставлена в надлежащем месте. Таким образом, виновное действие собственника припаркованного автомобиля было лишь случайной причиной аварии. Другое дело, если бы улица была загромождена, неправильно поставленная автомашина затрудняла бы уличное движение и это вызвало бы аварию. В таком случае собственник, неправильно поставивший свою автомашину, понес бы ответственность (см.: Саватье Р. Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972. С. 357). При этом во французской литературе высказываются различные точки зрения по поводу соотношения теории равноценных условий и теории адекватной причинной связи. Р. Саватье, П. Кatala, О. Морето и Ф. Ляфе отмечают тенденцию французских судов ограничивать теорию равноценных условий использованием теории адекватной причинной связи (см.: Саватье Р. Указ. соч. С. 357; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 710–711; Digest of European Tort Law. P. 27 (авторы раздела – О. Moréteau, F. Lafay)). По мнению же Ф. Жи'сель-Макре, наоборот, по общему правилу применяется теория равноценности условий, а адекватная теория действует только в качестве исключения из общего правила (см.: Fairgrieve D., G'sell-Macrez F. Op. cit. P. 121).

ответчик несет ответственность за последствия этого нарушения в той мере, в какой, судя по смыслу и цели данного запрета, предполагалось воспрепятствовать наступлению этих последствий, чреватых причинением вреда⁹².

В 1958 г. Верховный суд ФРГ применил телеологическую теорию в следующем деле: в результате ДТП погиб человек. Супруга погибшего инициировала уголовное преследование истца, являвшегося вторым участником ДТП, за неосторожное причинение смерти ее мужу. Суд первой инстанции признал истца виновным и оштрафовал его. Суд апелляционной инстанции оправдал истца, установив, что сам погибший был виновником ДТП. Истец предъявил иск к супруге погибшего о взыскании судебных расходов, которые он понес в связи с уголовным преследованием, инициированным ответчицей. В удовлетворении иска было отказано, поскольку ни одно из прав, перечисленных в абз. 1 § 823 Германского гражданского уложения (далее также – ГГУ), не было нарушено. При этом Верховный суд ФРГ отметил, что «ни один вид вреда, на предотвращение которого был направлен закон, не материализовался». Суд указал, что хотя экономические последствия физического вреда, такие как расходы на лечение и утрата заработка, находятся в пределах обязанности не причинять телесные повреждения другим людям, расходы на защиту от обвинения в совершении преступления выходят за границы этой обязанности⁹³.

Ситуации, когда истец не относится к категории лиц, которых предполагалось защитить принятием законодательного запрета, или ситуации, когда закон предусматривает защиту не индивидуального, а только группового интереса, также относятся к случаям применения теории Э. Рабеля. Кроме того, телеологическая теория может быть применена в случае, когда вред причиняется способом, который не охватывался законом⁹⁴.

Телеологическая теория позволяет отнести необычные последствия деликта, обусловленные особенностями потерпевшего, на причинителя вреда. Другими

⁹² Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 367–368; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 398.

⁹³ Von Bar C. Op. cit. P. 492; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 476.

⁹⁴ Koziol H. Natural and Legal Causation. P. 58–59; Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 109.

словами, ответственность ответчика даже за «отдаленные» последствия (за исключением «обычных рисков жизни») относится к сфере применения телеологической теории⁹⁵. Так, ответчик, причинивший вред здоровью истца, отвечает также и за вред, причиненный истцу во время его транспортировки в госпиталь.

Телеологическая теория хорошо работает, когда не составляет особых трудностей определить конкретную цель конкретного закона. Согласно К. ван Даму, телеологическая теория применяется в рамках абз. 2 § 823 (нарушение закона, целью которого является защита другого лица), § 839 (нарушение служебных обязанностей), абз. 1 § 823 ГГУ (вред, причиненный жизни, телу, здоровью, собственности или любому другому принадлежащему лицу праву, например праву на основание и ведение коммерческого предприятия)⁹⁶. В то же время эту теорию практически невозможно применять в случаях широко сформулированных деликтов⁹⁷: например, ответственность, установленная в § 826 ГГУ, – «лицо, умышленно причинившее вред другому лицу способом, противным добрым нравам, обязано возместить последнему этот вред»⁹⁸.

В таких ситуациях Б. Маркезинис, У. Магнус и К. ван Дам предлагают передавать определение цели законодателя на уровень судебного правотворчества, что позволило бы, по их мнению, расширять или сужать ответственность с учетом правовой политики⁹⁹.

Вместе с тем есть основания предположить, что телеологическая теория находится на границе причинно-следственной связи и противоправности.

⁹⁵ Van Dam C. Op. cit. P. 274.

⁹⁶ Ibid. P. 272.

⁹⁷ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 109.

⁹⁸ См. подробнее о применении §§ 823, 826 ГГУ: Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 369.

⁹⁹ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65; Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 109; van Dam C. Op. cit. P. 275.

К. ван Дам указывает, что во Франции концепция, согласно которой лицо отвечает только за прямые последствия своего поведения, часто выполняет роль, которая в иных правовых порядках выполняется телеологической теорией. Например, в одном из дел несовершеннолетнему лицу была продана пиротехника, в результате использования которой возник пожар. Кассационный суд не увидел в данной ситуации наличия причинно-следственной связи, однако она имела бы место, если бы вред был причинен здоровью человека (см.: van Dam C. Op. cit. P. 279).

Телеологическая теория исходит из того, что законодатель, устанавливая определенный запрет, стремится ограничить вероятность причинения вреда определенного рода (например, вреда здоровью). При таком подходе нарушение установленного запрета будет порождать ответственность в том случае, если оно привело к возникновению вреда такого рода (в данном случае – вреда здоровью). Если же в результате нарушения запрета будет причинен вред иного вида (к примеру, повреждение имущества), то ответственность не возникнет в силу того, что действия ответчика не носят запрещенный (противоправный) характер.

§ 2.2. Англия и США

В общем праве предлагалась концепция, похожая на объективную теорию выделяемого условия (К. Биндинг, Р. Ортман), признававшую в качестве причины ближайшее условие наступившего последствия. Так, Ф. Уортоном поддерживалось «правило последнего (или ближайшего) правонарушителя» (*"Last (or Nearest) Wrongdoer Rule"*), согласно которому причиной является последнее (ближайшее к вреду) виновное человеческое действие¹⁰⁰.

Вместе с тем данная концепция не получила широкого распространения (вероятно, по тем же причинам, по которым объективная теория выделяемого условия не получила поддержки в немецком праве) и была вытеснена теорией отдаленности последствий.

§ 2.2.1. Теория отдаленности последствий

По общему правилу если лицо причинило вред, то оно должно возместить его в полном объеме. Вместе с тем в некоторых случаях правопорядок освобождает причинителя от обязанности по возмещению причиненного вреда, если вред является «слишком отдаленным» (*"too remote"*) следствием поведения ответчика (английский подход) или поведение ответчика не было непосредственной причиной (*"proximate cause"*) наступления вреда (американский подход)¹⁰¹.

¹⁰⁰ Smith J. Legal Cause in Actions of Tort // Harvard Law Review. 1911. Vol. 25. P. 111.

¹⁰¹ Stapleton J. Choosing What We Mean by "Causation" in the Law. P. 448; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 719.

Согласно этим теориям вред, возмещения которого требует потерпевший, должен представлять собой неизбежное следствие правонарушения ответчика. Если ничто не вмешивается в причинную связь между поведением ответчика и наступлением вреда, то проблем не возникает. Однако далеко не всегда ясно, сможет ли потерпевший требовать возмещения вреда также и за то, что его страдания усилились из-за врачебной ошибки или продлился срок его пребывания в госпитале, поскольку он там заразился инфекционным заболеванием. Именно в такой ситуации английским или американским судьям надлежит выяснить, можно ли квалифицировать поведение ответчика как «непосредственную причину» (*"proximate cause"*) или же является ли вред, который следует возместить, не слишком или слишком отдаленным (*"too remote"*) следствием, чтобы ответственность за него можно было возложить на ответчика¹⁰². Как отмечается в работе К. Цвайгерта и Х. Кётца, одним из самых дискуссионных вопросов в англо-американском деликтном праве является вопрос о том, какой критерий следует применить для определения того, является ли последствие правонарушения непосредственным или слишком отдаленным¹⁰³.

Дж. Вейр приводит в качестве примеров применения теории отдаленности последствий следующие дела: судно, принадлежащее ответчику, сталкивается в гавани с судном истца, в результате чего срываются с якоря суда, принадлежащие истцу и третьему лицу. Через 20 минут в гавани происходит столкновение между судном истца и судном третьего лица. Суд решил, что ответчик не несет ответственность за второе столкновение, – два судна имели достаточно времени для устранения последствий первого столкновения. В другом деле ответчик был привлечен к ответственности за второе столкновение, так как в результате случившегося по его вине первого столкновения был поврежден механизм рулевого управления судна истца, следовательно, действия правонарушителя до сих пор оказывали влияние на его (истца) корабль¹⁰⁴.

¹⁰² Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 378.

¹⁰³ Там же. С. 378–379.

¹⁰⁴ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 720.

Разграничение «отдаленных» и «прямых» последствий тех или иных действий лица осуществляется на основании критерия «предвидимости» ("foreseeability") ущерба. Как правило, вред будет считаться «отдаленным» последствием поведения ответчика, если ответчик в момент совершения правонарушения не мог разумно предвидеть, что в результате его поведения потерпевшему будет причинен вред того вида, который фактически был ему причинен¹⁰⁵. В деле *Jolley v. Sutton LBC* (2000) Лорд Хоффманн отметил, что «предвидимым должен быть не конкретный вред, который был причинен, а вред такого типа. Предвидимость относится не к частностям, а к роду. Тип вреда формулируется путем ссылки на природу риска, который должен быть предвиден».

В упомянутом деле местный совет владел участком земли, рядом с которым располагались жилые дома. На данном участке лежала старая лодка, которая была в очень плохом состоянии, в связи с чем дети, часто игравшие на этом участке, могли забраться на лодку и провалиться из-за сгнивших досок лодки. Согласно закону (*Occupiers' Liability Act 1957*) местный совет должен был принять меры к тому, чтобы убрать старую лодку со своего участка, однако в течение двух лет ничего не сделал. Двое мальчишек увидели лодку и решили ее починить. Обычно дети с помощью автомобильного домкрата поднимали лодку с одной стороны, залезали под нее и занимались ремонтом. В один из дней домкрат не выдержал, и лодка упала на одного мальчика, причинив ему серьезные травмы. Потерпевший обратился с иском к местному совету. Спор свелся к тому, являлся ли вред, причиненный истцу из-за неосторожности ответчика, предвидимым. Суд первой

¹⁰⁵ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 342–343. Критерий предвидимости вреда предлагался и представителями отечественной доктрины. Так, Г.Ф. Шершеневич отмечал следующее: «Последствия незаконного действия, за которые действовавший отвечает, не могут идти дальше того, что можно было предусмотреть в момент совершения действия на основании общежитейского опыта среднему разумному человеку. Суд, оценивающий ex post происшедшее, должен стать на точку зрения ex ante и не предъявлять к человеку требования большей предусмотрительности, чем та, на какую рассчитывает закон, обращающийся со своими угрозами к подчиненному ему населению» (Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 268). В современной российской литературе аналогичная позиция поддерживается В.В. Витрянским. По его мнению, без критерия предвидимости невозможно определить, где лежит граница тем последствиям, на которые распространяется ответственность лица, допустившего нарушение (см.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. 2-е изд. М.: Статут, 2007. С. 723).

инстанции удовлетворил иск, посчитав, что местный совет должен был предвидеть «физический вред, причиненный в результате взаимодействия с лодкой». Суд апелляционной инстанции отказал в иске, указав, что предвидимым был только «физический вред, причиненный в результате проваливания сквозь сгнившие половицы лодки». Палата Лордов в итоге поддержала позицию суда первой инстанции¹⁰⁶. Комментируя данное дело, Н. МакБрайд и Р. Бэгшоу высказывают предположение, что Палата Лордов исходила из того, что разумное лицо, поставленное на место ответчика, осознавало бы, что, если старая лодка будет продолжать находиться на участке, имеется реальный риск причинения детям вреда в результате различных событий, а не только в результате падения из-за сгнившего дна лодки¹⁰⁷.

Классическим примером применения теста предвидимости является дело *Palsgraf v. Long Island Railroad Co.* (1928). Работники железнодорожной станции (ответчика) помогали опаздывающему пассажиру забраться на уходящий поезд, но из-за неловкости чемодан пассажира был обронен на рельсы. Оказалось, что в чемодане перевозились пиротехнические средства, которые от удара взорвались. На другом конце платформы в результате взрыва на потерпевшую упали платформенные весы, причинив ей вред. В удовлетворении иска потерпевшей к железнодорожной станции было отказано, так как работники станции могли предвидеть возможность причинения вреда багажу опаздывающего пассажира либо его здоровью, но никак не здоровью потерпевшей¹⁰⁸.

Для целей определения степени отдаленности причиненного потерпевшему вреда ранее использовался «тест непосредственности» ("*direct consequence test*")¹⁰⁹. Самые большие споры в судах вызывали ситуации, когда причиненный вред не был предвидимым, но являлся прямым следствием поведения ответчика.

Изначально английское право придерживалось взгляда, что лицо несет

¹⁰⁶ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 343–344; *Von Bar C.* Op. cit. P. 475.

¹⁰⁷ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 344.

¹⁰⁸ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 722; Prosser W.L. Op. cit. P. 415; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 130–132.

¹⁰⁹ Elliott C., Quinn F. Tort Law. 8th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2011. P. 112.

ответственность за все прямые последствия своего поведения, даже если наступившие последствия отличаются или являются более серьезными в сравнении с теми последствиями, которые разумное лицо могло предвидеть¹¹⁰. В 1921 г. было вынесено решение по делу *Re Polemis & Furness, Withy & Co. Ltd.* Ответчик зафрахтовал судно у истца. Корабль перевозил емкости с бензином. Уже в пути произошла протечка емкости с бензином. Пока судно разгружалось, работники ответчика уронили тяжелую доску в трюм, в результате удара о борт которой возникла искра. Искра воспламенила пары бензина в трюме, возник пожар, и судно сгорело. Апелляционный суд удовлетворил требования истца, основываясь на том, что ответчик, не соблюдающий необходимые меры предосторожности, должен нести ответственность за «прямой» ущерб, даже если его нельзя было предвидеть¹¹¹.

В 1961 г. было рассмотрено известное дело *Overseas Tankship (UK) Ltd. v. Morts Dock and Engineering Co. Ltd. (The Wagon Mound No. 1)*. В порту из-за халатности команды танкера ответчика *Wagon Mound* в море вылилось большое количество нефти, которая растеклась по большой акватории, достигнув верфи истца в 180 метрах от места инцидента. Получив заверение, что при нормальных условиях растекшаяся по поверхности воды нефть не пожароопасна, истец продолжил ремонт судна на своей верфи. При этом в процессе сварочных работ капли раскаленного металла падали в воду. Два дня спустя несколько из них попали на проплывающие мимо обрывки старого тряпья и ветоши, которые загорелись и, подобно фитилю, брошенному в нефть, послужили причиной пожара, который причинил значительный ущерб как верфи, так и ремонтируемому судну. Главный вопрос состоял в том, несет ли ответчик ответственность за ущерб, причиненный пожаром. В решении по делу *The Wagon Mound No. 1* судьи Тайного совета пересмотрели правило, закрепленное в решении по делу *Re Polemis*, постановив,

¹¹⁰ Ibid. P. 113.

¹¹¹ Lunney M., Oliphant K. Tort Law: Text and Materials. 5th ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 269; Матвеев Ю.Г. Англо-американское деликтное право. М.: Юридическая литература, 1973. С. 63–64; Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2017. С. 237.

что ответчик отвечает за весь тот ущерб, который разумный человек должен был бы предвидеть. В данном случае были основания предположить, что разлившаяся нефть может загрязнить верфь истца, но не повлечь пожар, тем более вызванный таким необычным способом¹¹².

Как следует из дела *The Wagon Mound No. 1*, тестом «отдаленности» является не предвидимость возможности причинения абстрактного вреда, а предвидимость возникновения вреда того рода, который фактически был причинен потерпевшему¹¹³.

В деле *Overseas Tankship (UK) Ltd. v. Miller Steamship Co. (The Wagon Mound No. 2)* (1967), также связанном с вышеуказанным инцидентом с танкером *Wagon Mound*, было признано, что не будет слишком отдаленным вред, который был предвидимым, несмотря на то, что вероятность его наступления была очень мала¹¹⁴. В данном деле исследовался вопрос о возможности присуждения возмещения вреда владельцам судов, уничтоженных при пожаре, который возник в результате действий команды танкера *Wagon Mound*. При рассмотрении спора истцами были представлены доказательства того, что возгорание нефти являлось предвидимым для ответчика, хотя и было очень маловероятным¹¹⁵. Тайный совет отметил, что риск возгорания нефти был незначительным, однако объективно существовал, в связи с чем вред, причиненный владельцам сгоревших судов, не являлся слишком отдаленным и подлежал возмещению.

В ряде других дел судами было отмечено, для привлечения к ответственности не требуется, чтобы ответчик предвидел точный размер вреда¹¹⁶.

¹¹² Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 379; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 409–412; Von Bar C. Op. cit. P. 476; Hodgson D. Op. cit. P. 33; Матвеев Ю.Г. Указ. соч. С. 67–69; Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Указ. соч. С. 238; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 125–126.

¹¹³ Van Dam C. Op. cit. P. 276.

¹¹⁴ Elliott C., Quinn F. Op. cit. P. 116.

¹¹⁵ При рассмотрении дела *The Wagon Mound No. 1* истцом таких доказательств представлено не было, в связи с чем судом было установлено, что возгорание нефти не могло быть предвидено ответчиком.

¹¹⁶ Treitel G.H. Op. cit. P. 154.

Необходимо отметить, что критерий предвидимости применяется только в случае правонарушения, совершенного неосторожно¹¹⁷. Желаемое последствие не может быть слишком отдаленным¹¹⁸. Намерение ответчика делает связь прямой, а умысел показывает, что вред был предвидимым¹¹⁹.

§ 2.2.2. Телеологическая теория

Телеологическая теория получила распространение и в общем праве. В качестве примера можно привести дело *Gorris v. Scott* (1874). Нормативным актом была установлена обязанность содержать животных в загонах определенной конструкции при их морской перевозке. Во время перевозки овцы ответчика были смыты волной за борт. Было установлено, что этого бы не случилось, если было бы соблюдено требование об их перевозке в специальном загоне, при этом такое развитие событий было предвидимым. Однако суд отказал истцу в возмещении вреда, поскольку целью нормативного акта было обеспечение санитарной безопасности, а не предупреждение потери животных при их перевозке. Следовательно, требование, вытекающее из нарушения установленной законом обязанности, ограничено ущербом, относящимся к риску, для предотвращения которого был принят данный закон¹²⁰.

Существует множество примеров, когда в возмещении вреда, причиненного истцу, было отказано на том основании, что нарушенная ответчиком обязанность принять необходимые меры предосторожности ("*duty of care*") не была направлена на предотвращение вреда того вида, который был причинен потерпевшему.

К примеру, небрежные действия ответчика привели к прекращению электроснабжения фабрики, принадлежащей истцу, что привело к двум независимым друг от друга последствиям: уничтожению продуктов, которые находились в процессе производства во время прекращения энергоснабжения, и

¹¹⁷ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 377; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 725.

¹¹⁸ Moore M. Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics. Oxford, 2009. P. 249; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 43; Von Bar C. Op. cit. P. 477.

¹¹⁹ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 742.

¹²⁰ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 44; Von Bar C. Op. cit. P. 492; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 416; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 93; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 341.

невозможности дальнейшей работы фабрики. В деле *Spartan Steel & Alloys Ltd. v. Martin & Co.* (1973) суд пришел к выводу, что возмещению подлежит вред, вызванный порчей продуктов, но не чистые экономические убытки, вызванные невозможностью осуществления работ в течение определенного периода времени. Данный вывод был основан на том, что обязанность ответчика по принятию необходимых мер предосторожности в отношении истца была возложена на ответчика в целях недопущения причинения вреда имуществу истца, а не для того, чтобы предотвратить создание каких-либо помех его бизнесу¹²¹.

§ 2.3. Россия

§ 2.3.1. Теория адекватной причинно-следственной связи

Теория адекватной причинности получила определенную поддержку в советской цивилистике, в частности со стороны А.Е. Семеновой¹²² и М.М. Агаркова¹²³.

По мнению А.Е. Семеновой, для установления причинно-следственной связи необходимо, чтобы причиненный вред был нормальным результатом действия ответчика¹²⁴. М.М. Агарков в учебниках гражданского права 1938 и 1944 гг. указывал, что суд должен установить, принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным причинным связям, с которыми приходится считаться на практике. Практика является тем критерием, которым в конечном счете должен руководствоваться суд.

В современной российской литературе позицию, исходящую из

¹²¹ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 353. Данное дело является хорошей иллюстрацией обозначенной выше идеи о том, что телеологическая теория (как минимум в части, ставящей возникновение ответственности в зависимость от типа причиненного вреда) тесно связана с категорией противоправности.

¹²² Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928. С. 18.

¹²³ Гражданское право: Учебник. Ч. 2 / Отв. ред. Я.Ф. Миколенко, П.Е. Орловский, И.С. Перетерский. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 396 (автор главы – М.М. Агарков); Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. С. 327 (автор главы – М.М. Агарков).

¹²⁴ Семенова А.Е. Указ. соч. С. 18.

необходимости ограничения ответственности типичными последствиями правонарушения, разделяет В.А. Белов¹²⁵. А.Г. Карапетов предлагает использовать критерии выделения причинной связи, сформулированные в рамках теории адекватной причинной связи, в качестве одного из способов улучшения положения дел в сфере компенсационной защиты гражданских прав¹²⁶.

В советской уголовно-правовой и цивилистической доктрине теория адекватной причинной связи подвергалась ожесточенной критике.

А.А. Пионтковский, в частности, отмечал, что в основе теории адекватной причинности лежит субъективистское представление о причинности, поскольку она в любом из своих вариантов исходит из понимания причинной связи не как объективной связи между явлениями внешнего мира, а как существующего в человеческом сознании представления о типичных связях между явлениями, опирающихся на «всеобщий опыт»¹²⁷. Схожим образом возражала против теории адекватного причинения Е.А. Флейшиц¹²⁸.

О.С. Иоффе критиковал сторонников теории адекватной причинной связи за то, что они «пренебрегают анализом конкретной обстановки, в условиях которой наступили те или иные последствия, и ориентируются на какие-то заранее предустановленные причины, якобы всегда и во всех случаях действующие с одинаковой силой»¹²⁹.

Б.С. Антимонов¹³⁰, поддержанный Е.А. Флейшиц¹³¹, указывал, что «причиной может быть и атипичный фактор, и атипичная причинная связь может быть необходимой». В качестве примера такой атипичной необходимой связи они приводили ранение пулей, вылетевшей не вперед, а в сторону от стрелявшего при

¹²⁵ Белов В.А. Указ. соч. С. 37-45.

¹²⁶ Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия. 2014. № 11. С. 55; Он же. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016. С. 316–317.

¹²⁷ Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 179–180.

¹²⁸ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 63.

¹²⁹ Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 120.

¹³⁰ Антимонов Б.С. Указ. соч. С. 76.

¹³¹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 62.

разрыве ствола. Представляется, что данный пример не совсем подтверждает довод о том, что атипичная причинная связь может быть необходимой. В чем же здесь выражается «необходимость» такой причинной связи? Если необходимость выражается в том, что попадание пули в тело человека необходимо влечет ранение, то получается, что Б.С. Антимонов и Е.А. Флейшиц, критикуя адекватную теорию, анализируют, каким образом пуля вылетела из пистолета, а при обсуждении поддерживаемой ими теории необходимой и случайной причинной связи делают акцент только на стадии попадания пули в тело потерпевшего. Между тем если рассматривать одну и ту же стадию (процесс попадания пули в потерпевшего), то необходимо заключить, что в данном случае причинная связь является типичной (попадание пули в тело, как правило, приводит к ранению потерпевшего). Следовательно, в обсуждаемом примере нет никаких различий между типичной и необходимой причинной связью.

В настоящее время теория адекватного причинения с некоторыми уточнениями получила поддержку со стороны Верховного Суда РФ. Так, Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 5 постановления от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» было дано следующее разъяснение: «При установлении причинной связи между нарушением обязательства и убытками необходимо учитывать, в частности, то, к каким последствиям в обычных условиях гражданского оборота могло привести подобное нарушение. Если возникновение убытков, возмещения которых требует кредитор, является обычным последствием допущенного должником нарушения обязательства, то наличие причинной связи между нарушением и доказанными кредитором убытками предполагается».

Как следует из данного разъяснения, Верховный Суд РФ поддержал теорию адекватного причинения не через идею повышения вероятности причинения вреда, а через идею типичности последствий. При этом теория адекватной причинной связи была сформулирована Верховным Судом РФ в виде опровержимой презумпции (при представлении потерпевшим доказательств того, что возникший

вред является обычным последствием действий того рода, которые были совершены ответчиком, ответчик по иску о возмещении вреда не лишается возможности доказать, что в данном конкретном случае его действия не привели к таким типичным последствиям), что, по вероятному замыслу авторов постановления, должно позволить при необходимости учесть обстоятельства конкретного дела для принятия справедливого решения.

§ 2.3.2. Теория необходимой и случайной причинной связи

Советскими учеными в сфере уголовного и гражданского права (А.А. Пионтковский¹³², Т.Л. Сергеева¹³³, М.Д. Шаргородский¹³⁴, Б.С. Антимонов¹³⁵, Л.А. Лунц¹³⁶, Е.А. Флейшиц¹³⁷) была выдвинута теория необходимой и случайной причинной связи.

А.А. Пионтковский предлагал четко разграничивать понятия необходимости и случайности, в различии которых он видел основу решения всей проблемы причинности в праве. Необходимое последствие есть проявление закономерности развития данного явления, оно внутренне ему присуще. Случайное последствие закономерно не вытекает из данного явления, хотя оно само причинно обусловлено. Оно наступает потому, что в своем развитии данная закономерность переплетается с действием других, посторонних для нее обстоятельств. Случайные последствия возникают под влиянием другой цепи причинности, оказавшей влияние на развитие рассматриваемых событий. В случае, когда правонарушитель причиняет потерпевшему легкое телесное повреждение и потерпевший гибнет от того, что ему на голову упал кирпич, сорвавшийся с карниза дома в то время, когда он шел в больницу, смерть потерпевшего является объективно случайным последствием действий правонарушителя, она не вытекает закономерно из

¹³² Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 183–204.

¹³³ Сергеева Т.Л. Вопросы причинной связи в практике по уголовным делам Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1950. № 3. С. 26–37.

¹³⁴ Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право. 1956. № 7. С. 38–51.

¹³⁵ Антимонов Б.С. Указ. соч. С. 62–79.

¹³⁶ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 307–313.

¹³⁷ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 52–72.

нанесенного потерпевшему телесного повреждения¹³⁸. Необходимые связи выражают то положение, что одно явление порождает при определенных условиях как свое необходимое следствие другое. Случайное явление не связано с сущностью предшествующих ему явлений, не имеет в них своей основы, хотя косвенно и может быть зависимо от них. Ответственность наступает только при наличии необходимой связи между поведением лица и наступившими последствиями. При этом А.А. Пионтковский считал, что установление необходимой причинной связи требует выяснения, было ли наступившее в действительности последствие реально возможным последствием совершенного виновным деяния. Необходимая причинная связь между действием и последствием создается в результате превращения этой реальной возможности в действительность. Реальная возможность наступления определенного последствия означает возможность дальнейшего развития событий под влиянием совершенного действия в соответствии с закономерностью внешнего мира; необходимыми последствиями являются те, которые были внутренне присущи данному действию в конкретных условиях его совершения. Случайными последствиями рассматриваемого деяния будут те, которые в этой конкретной обстановке не вызывались закономерным развитием событий, не были внутренне присущи совершенному действию, а наступили в результате пересечения данной цепи причинности с другой¹³⁹.

А.А. Пионтковский обращал внимание на необходимость учета роли объективной случайности в наступлении тех или иных последствий от совершенных действий. Действие человека создает реальную возможность наступления того или иного результата. Однако процесс превращения этой возможности в действительность может опосредствоваться случайными для данного действия моментами, которые вместе с тем не меняют общего характера необходимой закономерной связи между действием лица и наступившими

¹³⁸ Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 184–185.

¹³⁹ Там же. С. 186–187.

последствиями. Правонарушитель открыл беспорядочную стрельбу в узком проходе между двумя стоящими у платформы поездами, где находилось много народа, и при этом убил двух человек из числа провожающих. Правонарушитель своим поведением создал реальную возможность гибели людей в проходе между поездами, но вопрос о том, кто был бы при этом убит, зависел от случайных для действий правонарушителя обстоятельств. Конкретный пострадавший оказался убитым потому, что в момент выстрела он пытался войти в тамбур вагона. Тем не менее наступивший преступный результат является необходимым последствием действий правонарушителя: реальная возможность гибели людей была создана его действиями, случайность, которая при этом опосредствовала превращение возможности в действительность, не меняет характера необходимой причинной связи между действиями правонарушителя и наступившими последствиями. Иной характер имеют взаимоотношения между закономерным развитием причинной связи и случайностью, когда наступившее последствие не имело опоры в поведении данного лица. В приведенном выше примере (правонарушитель нанес побои потерпевшему, который вынужден был отправиться в больницу и по дороге погиб от упавшего ему на голову кирпича) гибель потерпевшего не является закономерным последствием действий правонарушителя. Нанесением побоев правонарушитель не создал реальной возможности гибели потерпевшего, этим не было определено направление событий, приведших к его гибели. Этот результат чисто внешне связан с теми действиями, которые были совершены правонарушителем. Смерть потерпевшего была поэтому объективно случайным последствием действий правонарушителя. Правонарушитель не вызвал своими действиями смерть потерпевшего. Она явилась необходимым последствием другого события (падения кирпича). Между действиями правонарушителя и смертью потерпевшего нет внутренней необходимой связи, а имеется лишь чисто внешнее сцепление событий.

Таким образом, А.А. Пионтковский отождествлял необходимую причинную связь с созданием реальной возможности причинения вреда¹⁴⁰.

¹⁴⁰ См.: Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по

По мнению М.Д. Шаргородского, при действиях, случайно причиняющих результат, создается абстрактная возможность его наступления, однако она превращается в действительность не на основе существующих условий, а путем присоединения каких-то дополнительных условий. При действиях, с необходимостью причиняющих результат, создается достаточное основание наступления результата, которое претворяется в действительность на основе существующих условий¹⁴¹. Между пожаром, возникшим на новогоднем утреннике в связи с нарушением правил пожарной безопасности, и гибелью ребенка во время этого пожара имеется необходимая причинная связь. Смерть ребенка в результате болезни, вызванной инфекцией, которой он заразился по дороге на новогодний утренник, находится с организацией новогоднего утренника только в случайной причинной связи¹⁴². Следовательно, по М.Д. Шаргородскому различие между случайной и необходимой причинной связью заключается в том, что при случайной причинной связи между действием ответчика и неблагоприятным результатом имеется дополнительное звено, а в случае необходимой причинной связи такое дополнительное звено между поведением и результатом отсутствует¹⁴³.

Т.Л. Сергеева объясняет понятие необходимости через категорию действительности, указывая, что последствие является необходимым тогда, когда преступный результат действительно причинен обвиняемым¹⁴⁴. Действительное причинение имеет место тогда, когда поведение лица, являясь одним из необходимых условий наступления результата, вместе с тем претворило в действительность реальную возможность наступления этого результата, созданную им самим, другими лицами или иными силами¹⁴⁵.

По мнению Е.А. Флейшиц, причиной признается лишь то явление, предшествующее результату, с которым этот результат связан внутренней,

уголовным делам. С. 77–78.

¹⁴¹ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 45.

¹⁴² Там же. С. 46.

¹⁴³ Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 187–188.

¹⁴⁴ Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. С. 76, 81.

¹⁴⁵ Там же. С. 90.

необходимой связью, поскольку следует различать внутреннюю, или необходимую, связь явлений и связь внешнюю, случайную¹⁴⁶. В качестве критериев для определения «закономерности» связи Е.А. Флейшиц предлагала использовать повседневную практику (прежде всего практику производства, а равно и практику других отраслей жизни общества) и научно поставленный опыт, целью которого является обнаружение или проверка наличия причинной связи одних определенных явлений с другими¹⁴⁷. Похожее мнение высказывалось М.Д. Шаргородским и Б.С. Антимоновым, которые указывали, что критерием разграничения необходимого и случайного является общественная практика¹⁴⁸ (опыт над вещами и воспроизводство факта в практике¹⁴⁹).

Л.А. Лунц отмечал, что «действие человека лишь в том случае может быть признано причиной данного результата, если связь этого действия с данным результатом является проявлением «необходимости», «закономерности», а не носит характера «случайного» сцепления событий. Причинно-необходимая связь имеет место, если практически (на опыте) доказано, что факты первого рода влекут за собой результаты того же рода, к которому относится второй факт. Результаты же человеческих действий, вытекающие из случайного сцепления фактов, лежат вне пределов того, что может быть признано причиной и, следовательно, учтено правом: случайные результаты лежат вне пределов причинения. Заключение о необходимой связи явлений основано на том уровне знаний о природе, которое достигнуто в данный исторический период. Этим, по мнению Л.А. Лунца, оно отличается от представлений о типичной связи явлений, которые базируются на субъективных мнениях (действующего лица или «среднего человека») о том, что является обычным, «вероятным»¹⁵⁰.

По мнению ряда авторов, практическая неприемлемость теории необходимой и случайной причинной связи состоит в том, что ее сторонники не дали сколько-

¹⁴⁶ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 56.

¹⁴⁷ Там же. С. 57–58.

¹⁴⁸ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 47.

¹⁴⁹ Антимонов Б.С. Указ. соч. С. 74.

¹⁵⁰ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 309.

нибудь убедительного критерия разграничения необходимых и случайных причинных связей¹⁵¹.

Как указывает В.П. Грибанов, одни авторы сводят все дело к возможности предвидеть необходимый результат и невозможности предвидения случайного; другие исходят из того, что необходимый результат есть обязательный результат действия причины, случайный же может быть, а может и не быть; третьи считают необходимой такую связь явлений, при которой поведение правонарушителя создает конкретную возможность наступления результата; четвертые рассматривают необходимость как понятие, равнозначное действительности; высказана и точка зрения о том, что необходимую и случайную причинную связь можно различить только практическим путем, используя достижения науки и практики той или иной конкретной отрасли знания¹⁵².

Другим объектом критики стало использование сторонниками теории необходимой и случайной причинной связи круга в определении. Н.Д. Егоров отмечает, что представители теории необходимой и случайной причинной связи раскрывают философские категории причинности, используя философские понятия необходимости и случайности, а для разграничения последних вынуждены привлекать другие философские категории (реальная возможность, действительность), что, однако, никак не способствует решению проблемы¹⁵³. О.С. Иоффе, критикуя взгляды Т.Л. Сергеевой, также обращает внимание на то, что Т.Л. Сергеева определяет необходимость через действительность («последствие является необходимым тогда, когда результат действительно причинен обвиняемым»), которая сама также определяется через категорию

¹⁵¹ Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Корнеев, П.Е. Орловский. М.: Юрид. лит., 1969. С. 533 (автор главы – В.П. Грибанов); Егоров Н.Д. Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право. 1981. № 9. С. 127; Советское гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. В.Т. Смирнов и др. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. С. 372 (автор главы – А.А. Собчак).

¹⁵² Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Корнеев, П.Е. Орловский. С. 533 (автор главы – В.П. Грибанов); см. также: Кофман В.И. Границы юридически-значимого причинения // Правоведение. 1960. № 3. С. 47.

¹⁵³ Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 127. Аналогичный аргумент высказывался и В.И. Кофманом (см.: Кофман В.И. Границы юридически-значимого причинения. С. 49; Он же. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 180).

действительности («действительное причинение имеет место тогда, когда поведение лица претворило в действительность реальную возможность наступления этого результата»)¹⁵⁴.

§ 2.3.3. Теория необходимой причинной связи

Сторонник теории необходимой причинности В.П. Грибанов считал, что причинная связь есть всегда необходимая связь явлений, из которых одно (причина) при данных конкретных условиях обязательно влечет возникновение данного результата (следствия). С этой точки зрения случайных причинных связей нет, и если одно явление послужило причиной другого, то между ними может существовать только необходимая связь¹⁵⁵.

В качестве возможных критериев выделения необходимых причинных связей В.П. Грибановым были предложены практика, накопленный человеческий опыт и достижения различных наук¹⁵⁶.

При этом В.П. Грибанов допускает существование в природе случайных связей (но не случайных причинных связей) и случайных явлений. Случайный (по сравнению с обычным) результат действия какой-либо причины может быть вызван либо тем, что наряду с ней действовала еще какая-то другая породившая его причина, либо тем, что причина действовала в данный момент в каких-то иных условиях, что и привело к необычному результату. В первом случае между действием рассматриваемой причины и случайным результатом вообще нет причинной связи, а имеет место лишь случайное совпадение результата с действием указанной причины. Но данный результат, случайный для этой причины, есть вместе с тем необходимый результат другой причины. Во втором же

¹⁵⁴ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву / Иоффе О.С. Избранные труды. В 4 т. Т. 1. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 463.

¹⁵⁵ Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Корнеев, П.Е. Орловский. С. 528, 533–534 (автор главы – В.П. Грибанов). Аналогичная идея высказывалась А.А. Собчаком: «там, где связь результата с предшествующим ему действием случайна, вообще нет причинной связи, а есть лишь простая последовательность явлений» (см.: Советское гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. В.Т. Смирнов и др. С. 370 (автор главы – А.А. Собчак); см. также: Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 72, 75).

¹⁵⁶ Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Корнеев, П.Е. Орловский. С. 531 (автор главы – В.П. Грибанов).

случае случайный (по сравнению с обычным) результат есть необходимое следствие действия рассматриваемой причины при иных, чем обычно, условиях. И если точно воспроизвести эти условия, то получится тот же кажущийся случайным результат, который в действительности является необходимым результатом ее действия в данных условиях¹⁵⁷.

§ 2.3.4. Теория создания ненормальной обстановки

Взгляды В.И. Кофмана в литературе иногда называются теорией создания ненормальной обстановки¹⁵⁸. В.И. Кофман отмечает, что нельзя считать причиной результата поведение, без которого он все равно бы наступил. Если же будет установлено, что при ином поведении ответчика вред не наступил бы, то необходимо установить характер этой причинной обусловленности, т.е. разрешить вопрос о том, является исследуемая причинная связь прямой или косвенной.

Прямая причина вызывает наступление вреда в условиях, уже сложившихся к моменту ее воздействия, давая толчок к последовательному разворачиванию событий. Результат здесь непосредственно вытекает из поведения лица. Косвенная же причина на основе имеющихся условий к наступлению вреда не приводит. Она лишь создает необходимую предпосылку для последующего воздействия других (независимых от нее) привходящих причин, вызывающих вред¹⁵⁹.

В качестве примера В.И. Кофман приводит следующее дело: в процессе разгрузки вагона был поврежден товар. Повреждение возникло вследствие удара о платформу. Вместе с тем были выявлены нарушения, допущенные при упаковке товара, при этом при отсутствии этих нарушений вредный результат, несмотря на удар, не наступил бы. Действия транспортной организации явились прямой причиной вреда, поскольку в сложившихся условиях именно они привели к повреждению товара. Действия же грузоотправителя явились косвенной причиной убытков, так как, с одной стороны, если бы разгрузка была произведена аккуратно, возникновения убытков они бы не вызвали, а с другой – они создали такое условие,

¹⁵⁷ Там же. С. 528–529, 533.

¹⁵⁸ Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2012. С. 967.

¹⁵⁹ Советское гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1968. С. 487 (автор главы – В.И. Кофман).

при отсутствии которого действия транспортной компании не повлекли бы за собой причинение вреда.

Лицо, между поведением которого и наступившим вредом имеется прямая причинная связь, является причинителем этих убытков. Косвенная причинная связь должна признаваться значимой лишь в том случае, когда косвенным причинителем создано отклонение от обычных результатов человеческой деятельности (к примеру, ненадлежащая упаковка товара в примере, приведенном выше). Если же действия лица косвенно обуславливают убытки, но не создают при этом факторов, отклоняющихся от обычных результатов человеческой деятельности, то причинная связь между такими действиями и убытками признается несущественной и не должна учитываться правом¹⁶⁰.

О.С. Иоффе обращал внимание на то, что теория создания ненормальной обстановки в части, относящейся к характеристике косвенной причины, отождествляет причинность с противоправностью. Для возложения ответственности за результат наряду с причинной связью необходима неправомерность причинившего его поведения. Являясь противоправным, поведение уже в силу этого его качества не может не отклоняться от обычных результатов человеческой деятельности. Следовательно, по мнению О.С. Иоффе, из концепции В.И. Кофмана проистекает тождество противоправности и причинности, поскольку, раз поведение противоправно, оно как отклоняющееся от нормального становится одновременно причиной вредного результата¹⁶¹.

§ 2.3.5. Теория прямой и косвенной причинной связи

Н.Д. Егоров выдвинул теорию прямой и косвенной причинной связи. Он предлагает исследовать причинную связь в рамках, которые определяются теми явлениями, которые влияют на юридическую ответственность. Для юридической

¹⁶⁰ Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 269–270, 276, 312–313; Советское гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1968. С. 488 (автор главы – В.И. Кофман).

¹⁶¹ Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть II) // Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. М., 2000. С. 485–486. Аналогичное возражение было высказано и В.А. Тарховым (см.: Тархов В.А. Указ. соч. С. 129–130).

ответственности имеют значение лишь противоправное поведение человека и противоправный результат. Все причинно-следственные связи, лежащие между этими двумя явлениями, а также за их пределами, выходят за рамки рассматриваемого случая и потому находятся вне границ юридически значимого причинения. Для решения вопроса о юридической ответственности необходимо ограничиться выявлением непосредственной причины, т.е. «ближайшего по отношению к исследуемому результату явления, имеющего значение для юридической ответственности». Противоправное поведение человека только тогда является причиной исследуемого с точки зрения юридической ответственности результата, когда оно прямо (непосредственно) связано с этим результатом. Наличие же косвенной (опосредованной) причинной связи между противоправным поведением человека и его результатом означает, что данное поведение лежит за пределами конкретного случая и юридически значимой причинной связи. Поэтому при косвенной причинной связи противоправного поведения человека с неправомерным результатом отсутствует основание для привлечения к юридической ответственности (в этом позиция Н.Д. Егорова расходится с позицией В.И. Кофмана, который придавал юридическое значение в некоторых случаях и косвенной причине). Косвенная (опосредованная) причинная связь налицо тогда, когда в цепи последовательно развивающихся событий между противоправным поведением человека и его результатом существуют какие-либо обстоятельства, имеющие значение для юридической ответственности (противоправное поведение других лиц, действие непреодолимой силы и т.д.). В случае же отсутствия таких обстоятельств между противоправным поведением человека и рассматриваемым результатом имеет место прямая (непосредственная) причинная связь, необходимая для возложения юридической ответственности¹⁶².

В первую очередь необходимо отметить, что взгляды Н.Д. Егорова очень схожи с позицией представителей объективной теории выделяемого условия (К. Биндинг, Р. Ортман), признававших в качестве причины ближайшее условие наступившего последствия, в связи с чем к ней применимы те же возражения,

¹⁶² Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 128–129.

которые выдвигаются против объективной теории выделяемого условия. Практическая непригодность теории прямой причинной связи очевидна в случаях, когда результат следует не непосредственно за деятельностью лица, а через некоторое время, за счет иных сил (например, смертельная рана вызывает осложнения и ведет к смерти)¹⁶³. Как указывал Л.А. Лунц, «несостоятельность критерия о непосредственном причинении ясна уже из того, что все вообще действия человека влекут за собой следствия лишь через посредство других фактов: одним из результатов развития техники производства является то, что воздействие человека на природу имеет место через посредство все большего и большего числа промежуточных факторов... Применение критерия о непосредственном причинении в практике по гражданским делам приводило к произвольным решениям вопроса об ответственности за убытки. Если, например, поставщик А по ошибке отгрузил подверженный скорой порче товар не в адрес покупателя, а в адрес другого лица (организации Б), а последняя, получив товар, не приняла надлежащих мер к предотвращению порчи товара, то причинителем гибели товара следует считать не только Б, но и А»¹⁶⁴.

А.Б. Бабаев отмечает, что теория прямой и косвенной причинной связи не позволяет объяснить феномен совместного причинения вреда. Следование критериям, предложенным Н.Д. Егоровым, приведет к тому, что причиной вреда будет признано только последнее по времени действие одного из сопричинителей, что явно не соответствует самой сути понятия о совместном причинении вреда¹⁶⁵.

§ 2.3.6. Теория возможности и действительности

Данная теория была предложена О.С. Иоффе. В основе концепции лежит идея разграничения условий, создавших возможность наступления результата (абстрактную или конкретную), и условий, превративших возможность в действительность. Причинная связь между поведением человека и наступившим

¹⁶³ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 240.

¹⁶⁴ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 305–306.

¹⁶⁵ Бабаев А.Б. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: Т. 2 / Под общ. ред. В.А. Белова – М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 414.

результатом приобретает правовое значение лишь при том условии, что это поведение вызвало действительность результата или по крайней мере создало конкретную возможность его наступления.

К обстоятельствам, превратившим возможность в действительность, могут быть отнесены только те, причиняющая сила которых получила свое выражение в индивидуальных физических и общественных свойствах данного результата. Поведение, создавшее лишь возможность неправомерных последствий и потому не проявляющееся в их индивидуальных особенностях, может быть вменено в ответственность правонарушителю, если указанная возможность носила конкретный характер, т.е. была превращена в действительность объективно повторяющимся обстоятельством. При объективной неповторяемости в данной конкретной ситуации тех же обстоятельств находящееся в связи с ними поведение создает лишь абстрактную возможность результата, исключаящую ответственность¹⁶⁶.

О.С. Иоффе объяснял свою теорию на следующих примерах: ученица была оставлена учительницей после занятий для уборки в классной комнате. Во время уборки ученица выглянула на улицу, где в это время стоял правонарушитель и стрелял из самопала. Выстрел попал в ученицу. Превращение возможности в действительность было обусловлено поведением правонарушителя, так как именно качество выстрела проявилось в индивидуальных особенностях наступившего результата. Учительница, оставившая ученицу для уборки в классной комнате, создала только абстрактную возможность причинения вреда, поскольку обстоятельство, превратившее возможность в действительность (выстрел из самопала), не относится к числу объективно повторяющихся явлений¹⁶⁷.

О.С. Иоффе обращал внимание на то, что обстоятельства, превращающие возможность в действительность, по-разному проявляют себя в различных конкретных ситуациях. Например, выстрелы на полигоне повторяются каждодневно и систематически, а выстрелы на заполненной городской улице –

¹⁶⁶ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 472–476.

¹⁶⁷ Там же. С. 473–474.

явление исключительное, чрезвычайное. Если бы ученица должна была пересечь площадку полигона, это создало бы конкретную возможность результата, так как для превращения его в действительность налицо объективно повторяющиеся факты – систематически производимые выстрелы. Но когда ученица выглянула из окна школы, то своим поведением она создала лишь абстрактную возможность результата, который был превращен в действительность объективно неповторяющимся фактом – выстрелом из самопала на улице¹⁶⁸.

В качестве примера создания конкретной возможности причинения вреда О.С. Иоффе приводится следующее дело: инженерная организация, устанавливая газовую сеть, уменьшила зазор в местах пересечения газовых и водопроводных труб ниже установленного предела. После того как работа была закончена, дорожная организация приступила к ремонту мостовой на том же участке, используя вибрационную машину и другие механические средства. В результате давления этих средств на подземные сооружения водопроводные трубы, отделенные небольшим зазором от газовых труб, лопнули, и хлынувшей водой были затоплены товары двух торговых точек. Действительность результата вызвана здесь давлением на подземные сооружения механических средств, примененных при асфальтировании участка дорожной организацией, а его возможность обусловила своими действиями инженерная организация, уменьшившая величину зазора между газовыми и водопроводными трубами. Инженерной организацией была создана конкретная возможность результата, поскольку она находилась в связи с таким фактом, как появление на поверхности дороги движущихся объектов, оказывающих давление на подземные сооружения, что относится к разряду обстоятельств, объективно повторяющихся при данной конкретной ситуации¹⁶⁹.

Данная теория получила дальнейшее развитие в работах А.А. Собчака¹⁷⁰. А.А. Собчак уточнял, что действие, превращающее конкретную возможность

¹⁶⁸ Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 119.

¹⁶⁹ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 474–475.

¹⁷⁰ Советское гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. В.Т. Смирнов и др. С. 372 (автор главы – А.А. Собчак); Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 75.

результата в действительность, всегда вызывает конкретный, строго индивидуальный результат. Действия же, создавшие конкретную возможность, заключают в себе не строго индивидуализированный результат, а результат определенного рода, видовой разновидностью которого и будет фактически наступивший результат. Так, владелец автомашины, превысивший скорость в неблагоприятных погодных условиях (туман, гололедица и т.п.), создает конкретную возможность причинения вреда окружающим и будет отвечать за любой фактически причиненный вследствие этого вред¹⁷¹.

А.А. Собчаком также были выделены следующие варианты превращения противоправного поведения, создавшего конкретную возможность, в действительность:

1) непосредственно без присоединения каких-либо посторонних факторов (например, превышение скорости, завершившееся наездом);

2) при присоединении к нему событий, т.е. обстоятельств стихийного характера (например, при установке телефона не было смонтировано грозозащитное устройство, что повлекло за собой гибель работника, дежурившего у телефона, от удара молнии);

3) при присоединении к нему правомерных действий других лиц (например, подрядчик при рытье котлована под жилой дом повредил городскую канализационную трассу из-за неправильного указания ее расположения в документации, представленной заказчиком, на которого и была возложена ответственность за возникшие убытки);

4) при присоединении к нему противоправных действий других лиц, вследствие чего юридически значимая причинная связь устанавливается как с поведением, создавшим конкретную возможность, так и с действиями, превратившими ее в действительность (например, в случае обморожения сторожа магазина, которого бандиты связанным бросили в подвал, а администрация в результате нарушения режима охраны обнаружила его только на второй день)¹⁷².

¹⁷¹ Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 76.

¹⁷² Советское гражданское право. Ч. 1 / Отв. ред. В.Т. Смирнов и др. С. 374–375 (автор

Г.К. Матвеев и Н.Д. Егоров подвергли критике теорию О.С. Иоффе за то, что, по их мнению, для разграничения причинных связей им был предложен субъективный критерий – связи между действием и результатом подразделяются на возможные и действительные по признаку предвидения и предотвращения ущерба причинителем¹⁷³. Н.Д. Егоров, в частности, указывает, что «если возможность превращается в действительность объективно повторяющимися в данных условиях обстоятельствами, то тот, кто создал такую возможность, мог и должен был предвидеть наступление противоправного результата. И наоборот, если возможность превращается в действительность объективно не повторяющимися при данных условиях обстоятельствами, то лицо, создавшее такую возможность, не предвидело и не могло предвидеть наступление противоправного результата именно потому, что последнее связано с объективно не повторяющимися в конкретной ситуации обстоятельствами, предвидеть которые невозможно»¹⁷⁴.

По мнению В.А. Тархова и Т.В. Церетели, недостаток теории О.С. Иоффе заключается в том, что выдвигаемое им понятие конкретной возможности страдает неопределенностью¹⁷⁵. В.И. Кофман, в частности, обращал внимание на то, что в качестве объективно неповторяющейся причины может быть рассмотрена как причина, в данной ситуации исключительная, «неповторимая», находящаяся где-то на грани невозможности, так и причина, встречающаяся изредка, не часто, как правило, не воздействующая¹⁷⁶.

§ 3. Сопоставление теорий причинно-следственной связи с точки зрения критерия выделения юридически значимой причинной связи

Рассмотренные во втором параграфе настоящей главы теории причинной

главы – А.А. Собчак); Смирнов В.Т., Собчак А.А. Указ. соч. С. 77–78.

¹⁷³ Матвеев Г.К. Указ. соч. С. 104.

¹⁷⁴ Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 126.

¹⁷⁵ Тархов В.А. Указ. соч. С. 123; Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 159.

¹⁷⁶ Кофман В.И. Границы юридически-значимого причинения. С. 49.

связи можно условно¹⁷⁷ разделить на четыре группы:

- 1) теории, не предлагающие применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи;
- 2) теории, сводящие проблему причинно-следственной связи к проблеме противоправности;
- 3) теории, признающие юридически значимой причиной ближайшее к вреду необходимое условие вреда;
- 4) теории, признающие юридически значимой причиной вреда необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода.

§ 3.1. Теории, не предлагающие применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи

Вариант объективной теории выделяемого условия, предложенный К. Биркмайером, предполагает, что каждое условие результата наделено определенным количеством энергии, и право под причиной события понимает то его условие, которое было наделено самым большим количеством энергии.

В качестве главного недостатка концепции К. Биркмайера указывается на отсутствие критерия для определения причиняющей силы различных условий¹⁷⁸.

Отсутствие такого критерия признавалось и самим К. Биркмайером, который отмечал, что количество энергии не может быть с точностью измерено, поэтому причиняющая сила какого-либо действия должна определяться судьей в соответствии с его полным усмотрением¹⁷⁹.

Т.М. Яблочков указывал, что концепция К. Биркмайера применима лишь в

¹⁷⁷ Мы понимаем, что предложенное распределение теорий причинно-следственной связи не вполне соответствует принципу единства основания классификации, в связи с чем и называем такое распределение теорий условным. Теории, включенные в группы 2, 3 и 4, по нашему мнению, предлагают применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи, тем самым противопоставляются теориям, включенным в группу 1, не предлагающим такой критерий. Теории, предлагающие применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи, в свою очередь, распределяются по группам 2, 3 и 4 исходя из предлагаемого критерия выделения юридически значимой причинной связи.

¹⁷⁸ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 239; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 434, 439.

¹⁷⁹ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 438.

тех случаях, когда результат может быть разложен количественно на составные части таким образом, что при отпадении первого условия он наступил бы в одном размере, при отпадении второго – в другом размере (например, при исследовании вопроса о том, сколько калорий тепла дают две печи в одной комнате), при этом в большинстве случаев условия стоят к результату в таком отношении, что при отпадении одного из них весь результат вовсе не наступает¹⁸⁰.

Кроме того, если предложить, что причиняющую силу каждого условия можно установить, то из концепции К. Биркмайера следует, что в ситуации, когда два правонарушителя с разной степенью интенсивности способствовали наступлению вредоносного результата, причиной вреда должно быть признано только поведение правонарушителя, действовавшего с большей причиняющей силой, а второй правонарушитель должен быть освобожден от ответственности в связи с отсутствием причинно-следственной связи между его поведением и вредом. Между тем освобождение такого правонарушителя от ответственности только на том основании, что имеется второй правонарушитель, который «сильнее» способствовал наступлению результата, является как минимум спорным решением¹⁸¹.

Т.В. Церетели также отмечала, что на основе критерия количественной разницы между отдельными условиями невозможно построить ответственность в тех случаях, когда в смысле механической энергии человек внес в возникновение результата значительно меньше, чем силы природы. К примеру, укротитель зверей запирает дверь клетки, в которой находится лев, за вошедшим в клетку человеком, после чего лев убивает находящегося в клетке человека. С точки зрения «наиболее действенного условия» нельзя обосновать ответственность укротителя зверей, так как он затратил минимальную механическую энергию для достижения

¹⁸⁰ Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 239.

¹⁸¹ Применительно к проблеме дублирующей причинной связи несправедливость такого подхода была признана в большинстве правовых порядков. См.: Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65; Galand-Carval S. Causation under French Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. P. 60; Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 50; Schwartz G.T. Causation under US Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. P. 126.

вредоносного результата¹⁸².

§ 3.2. Теории, сводящие проблему причинно-следственной связи к проблеме противоправности

К. фон Бар, являющийся сторонником субъективного варианта теории выделяемого условия, отмечал, что вопрос о причине можно ставить лишь при наличии поведения, не соответствующего «установившемуся порядку жизни»¹⁸³. С этой точки зрения причиной является только такое условие, которое нарушает предполагаемое обычное течение явлений или состояний.

И. Наглер признавал качество юридически значимой причины только за условием, представляющим собой социально осуждаемое поведение (к примеру, только действия участника дорожного движения, нарушившего правила дорожного движения, могут быть признаны причиной дорожного происшествия)¹⁸⁴.

Подход, предложенный К. фон Баром и И. Наглером, приводит к отождествлению причинности и противоправности. Правонарушение не может не нарушать предполагаемое обычное течение явлений (обычное течение явлений предполагает правомерное поведение участников оборота) или не быть социально осуждаемым поведением. Следовательно, любое противоправное поведение, являющееся ближайшим (последним по времени) условием вреда¹⁸⁵, должно автоматически признаваться причиной вреда¹⁸⁶. Такой подход, с одной стороны, девальвирует значение причинной связи как самостоятельного условия ответственности, а с другой стороны, может привести к чрезмерному расширению ответственности правонарушителя (вменению ему любых последствий, находящихся в условной связи с его противоправным поведением). При

¹⁸² Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 109.

¹⁸³ Hart H.L.A., Honore T. Op. cit. P. 466.

¹⁸⁴ Ibid. P. 442.

¹⁸⁵ По мнению К. фон Бара, если результат вызван стечением нескольких неправомерных действий, то причиной является последнее из этих действий. См.: Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 242.

¹⁸⁶ Схожим образом О.С. Иоффе критиковал теорию создания ненормальной обстановки В.И. Кофмана (см.: Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. С. 485–486).

правомерном поведении лица, действия которого являются условием вреда, вопрос о причинной связи уже не будет иметь значения, поскольку такое лицо не будет подлежать привлечению к ответственности в связи с отсутствием в его действиях признака противоправности (за исключением случаев ответственности за правомерное поведение).

§ 3.3. Теории, признающие юридически значимой причиной ближайшее к вреду необходимое условие вреда

В рамках данной группы теорий можно выделить две подгруппы:

1) первая часть таких теорий исходит из того, что причиной вреда всегда является только последнее («ближайшее», «непосредственное») условие вреда (объективная теория выделяемого условия в части взглядов К. Биндинга и Р. Ортмана, теория прямой и косвенной причинной связи Н.Д. Егорова, теория необходимой и случайной причинной связи в изложении Т.Л. Сергеевой и М.Д. Шаргородского);

2) вторая подгруппа теорий предполагает, что последнее («ближайшее», «непосредственное») условие вреда всегда является причиной вреда, одновременно допуская возможность признания причиной и предшествующих обстоятельств, удовлетворяющих определенным критериям (теория возможности и действительности О.С. Иоффе и теория создания ненормальной обстановки В.И. Кофмана).

Первоначально концепция, согласно которой причиной может быть признана только последняя по времени сила, была предложена К. Биндингом.

К. Биндинг указывал, что человеческая деятельность участвует в производстве какого-либо изменения двумя способами: человеческая деятельность либо усиливает условия, содействующие последствию, либо ослабляет противодействующие условия. Пока решающее условие явления не достигло надлежащего развития, до тех пор и само явление невозможно; оно превращается в результат в тот момент, когда последнее становится необходимостью, т.е. когда оно или вовсе необратимо, или может быть

предотвращено лишь с помощью новой силы, в комбинации не участвовавшей. Следовательно, причиной может быть признана только последняя по времени сила, с наступлением которой явление следует с неизбежностью¹⁸⁷. Ближайшее условие наступившего последствия признавалось причиной и Р. Ортманом¹⁸⁸.

В отечественной литературе сходные точки зрения высказывалась Н.Д. Егоровым, Т.Л. Сергеевой и М.Д. Шаргородским.

Так, по мнению Н.Д. Егорова, для решения вопроса о юридической ответственности необходимо ограничиться выявлением непосредственной причины, т.е. «ближайшего по отношению к исследуемому результату явления, имеющего значение для юридической ответственности». Противоправное поведение человека только тогда является причиной исследуемого с точки зрения юридической ответственности результата, когда оно прямо (непосредственно) связано с этим результатом (при отсутствии между противоправным поведением человека и вредоносным результатом каких-либо обстоятельств, имеющих значение для юридической ответственности, к примеру, противоправного поведения других лиц, действия непреодолимой силы и т.д.)¹⁸⁹.

Т.Л. Сергеева указывала, что причиной является необходимое условие вредоносного результата, которое претворило в действительность реальную возможность наступления этого результата, созданную им самим, другими лицами или иными силами¹⁹⁰, т.е., видимо, последнее по времени условие вреда.

По М.Д. Шаргородскому различие между необходимой причинной связью, являющейся основанием для привлечения к ответственности, и случайной причинной связью, не имеющей правового значения, заключается в том, что при случайной причинной связи между действием ответчика и неблагоприятным результатом имеется дополнительное звено, а в случае необходимой причинной связи такое дополнительное звено между поведением и результатом отсутствует¹⁹¹.

¹⁸⁷ Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 128–129, 137; Яблочков Т.М. Указ. соч. С. 228–229.

¹⁸⁸ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 441; Сергеевский Н.Д. Указ. соч. С. 161, 165.

¹⁸⁹ Егоров Н.Д. Указ. соч. С. 128–129.

¹⁹⁰ Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. С. 90.

¹⁹¹ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 45.

Следовательно, концепция М.Д. Шаргородского также предполагает, что причиной вреда является только последнее по времени условие вреда, поскольку только между последним по времени условием вреда и возникновением вреда отсутствуют какие-либо дополнительные звенья, а для всех других (предшествующих) условий вреда таким дополнительным звеном, превращающим причинную связь в случайную, является последнее по времени условие вреда.

Недостаток первой подгруппы теорий заключается в том, что данные теории фактически рассматривают только узкую проблему перерыва причинной связи, исключая ответственность лица, если причинная связь между его поведением и наступившим вредом была «прервана» внешними обстоятельствами (поведением других лиц, действием сил природы и т.д.).

Данная позиция сама по себе является дискуссионной, поскольку возможны ситуации, когда лицо использует действия третьих лиц или сил природы для причинения вреда другому лицу. Такой подход приводит к спорным выводам в случаях, когда одно лицо создает возможность наступления вредного последствия, а ее превращение в действительность происходит благодаря присоединившейся деятельности другого лица или самого потерпевшего. Например, кто-то с намерением убийства поставил на стол больного стакан с отравленной водой, зная, что больной ночью принимает лекарство и запивает водой. Сиделка подает больному стакан с водой, не зная ничего о содержащемся в нем яде, или больной сам берет стакан. Поскольку возможность наступления вредоносного результата в данном случае была претворена в действительность не поступком злоумышленника, а сиделкой или самим потерпевшим, действие злоумышленника не находится в необходимой причинной связи со смертью больного, и, следовательно, он не может быть привлечен к ответственности¹⁹².

Второй недостаток данной группы теорий заключается в следующем: ими вообще не рассматривается вопрос о том, в каких случаях «ближайшее» условие вреда является основанием ответственности, а в каких – не является. Между тем мыслимо большое количество примеров, когда злоумышленник, зная или

¹⁹² Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 144–145.

предполагая дальнейшее развитие событий, использует эти события для причинения вреда потерпевшему. В приведенном выше примере с сиделкой и стаканом воды с отравленной водой «ближайшим» условием являются действия сиделки, однако вряд ли они могут быть признаны юридически значимой причиной вреда (при этом никем не оспаривается, что действия сиделки являются необходимым условием, т.е. фактической причиной вреда).

Попытка устранения первого недостатка (безусловное исключение ответственности лица, если причинная связь между его поведением и наступившим вредом была «прервана» внешними обстоятельствами) была предпринята О.С. Иоффе и В.И. Кофманом.

Теории О.С. Иоффе и В.И. Кофмана, как и первая подгруппа теорий, исходят из того, что «ближайшее условие» (обстоятельство, превратившее возможность в действительность, в концепции О.С. Иоффе и прямая причина в концепции В.И. Кофмана) всегда является юридически значимой причиной вреда¹⁹³.

При этом О.С. Иоффе признавал правовое значение и за поведением, которое непосредственно не причинило вред, но создало возможность причинения вреда, если такая возможность носила конкретный характер, т.е. была превращена в действительность объективно повторяющимся обстоятельством¹⁹⁴.

По мнению же В.И. Кофмана, косвенная причинная связь (когда между поведением ответчика и вредом имеется дополнительный элемент, например поведение третьего лица) является основанием ответственности в случаях, когда поведение «косвенного причинителя» создало отклонение от обычных результатов человеческой деятельности¹⁹⁵.

Уточнения, высказанные О.С. Иоффе, предлагают способ решения проблемы

¹⁹³ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 472, 476; Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 276, 312; Советское гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1968. С. 487–488 (автор главы – В.И. Кофман).

¹⁹⁴ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 472–476; Он же. Обязательственное право. С. 119.

¹⁹⁵ Советское гражданское право: Учебник. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1968. С. 488 (автор главы – В.И. Кофман); Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 269–270, 276, 312–313.

безусловного исключения ответственности лица в случаях, когда вред возник только в результате присоединения к его поведению дополнительного обстоятельства (например, действий третьих лиц).

При этом предложенный В.И. Кофманом критерий выделения косвенной причинной связи, порождающей ответственность, является достаточно спорным. Признание в качестве юридически значимой любой косвенной причины, создавшей отклонение от обычных условий, приведет к тому, что лицо, создавшее какое-либо отклонение от обычных условий, должно будет отвечать за любое присоединяющееся обстоятельство, находящееся в условной связи с его поведением. К примеру, лицо, нанеся потерпевшему незначительную травму (косвенная причина, создавшая отклонение от обычных условий), должно отвечать и за вред, причиненный здоровью потерпевшего в результате грубой ошибки врача, к которому обратился потерпевший для лечения (прямая причина). Сам В.И. Кофман в разделе своей диссертации, посвященном критике теории равноценных условий, признает ошибочность такого подхода¹⁹⁶.

Видимо, ожидая такого рода возражения против своей теории, В.И. Кофман обосновывает недопустимость вменения лицу, причинившему потерпевшему первоначальный вред, последствий врачебной ошибки тем, что направление потерпевшего в больницу являлось обычным последствием причинения вреда здоровью и нахождение потерпевшего в больнице объективно не представляло ничего аномального¹⁹⁷.

Дополнительный тест, вводимый В.И. Кофманом, по нашему мнению, несколько размывает предлагаемый им критерий выделения юридически значимой косвенной причинной связи, так как при таком подходе косвенная причина, очевидно создавшая отклонение от обычных результатов человеческой деятельности (в обсуждаемом примере – причинение вреда), перестает быть таковой, если за ней последует какое-либо обычное обстоятельство.

¹⁹⁶ Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 157–158.

¹⁹⁷ Там же. С. 293–294.

Предположим, что первоначальный вред, причиненный правонарушителем потерпевшему, выразился в вывихе руки. Вместо того, чтобы направиться в больницу, потерпевший обратился к костоправу. Из-за допущенной костоправом ошибки рука потерпевшего навсегда перестала сгибаться. По В.И. Кофману причинитель первоначального вреда должен отвечать и последствия ошибки костоправа, поскольку обращение потерпевшего к костоправу не представляет собой обычное последствие вывиха руки, которым является обращение в больницу. Кроме того, из данного примера видно, что в концепции В.И. Кофмана вопрос признания косвенной причины, создавшей отклонение от обычных условий, может быть поставлен в зависимость от последующего поведения потерпевшего (если потерпевший обратился для лечения вывиха в больницу, косвенная причина не будет влечь ответственность, если к костоправу – будет), что не представляется правильным.

Обсудим другой пример. Правонарушитель причинил потерпевшему травму, требующую обязательного проведения операции, которая при текущем уровне развития медицины сопряжена с риском неблагоприятного исхода и причинения здоровью потерпевшего дополнительных вреда. По логике В.И. Кофмана правонарушитель не должен отвечать за реализацию риска неблагоприятного исхода операции, так как направление потерпевшего в больницу является обычным последствием причинения вреда.

Представляется, что критерий выделения юридически значимой косвенной причинной связи (в терминологии В.И. Кофмана) заключается не в том, последовало ли за косвенной причиной какое-либо обычное обстоятельство, а в характере взаимосвязи между косвенной причиной и вредом, причиненным в результате воздействия прямой причины.

Лицо, причинившее незначительную травму потерпевшему, не должно отвечать за последствия грубой врачебной ошибки не потому, что направление в больницу является обычным последствием причинения вреда, а потому, что при лечении таких незначительных травм врачами, как правило, не совершаются грубые ошибки, причиняющие существенный вред здоровью потерпевшего. По

этой же логике на причинителя вреда возлагается ответственность за последствия реализации риска неблагоприятного исхода операции, поскольку причинение такого рода вреда обусловило необходимость проведения операции, которая достаточно часто завершается неблагоприятно (т.е. своим поведением правонарушитель существенно увеличил риск причинения потерпевшему вреда в результате опасной операции).

Кроме того, теориями О.С. Иоффе и В.И. Кофмана не устраняется основной недостаток первой подгруппы теорий (отсутствие критерия разграничения «ближайших» условий, являющихся и не являющихся основанием ответственности).

Это ярко прослеживается в примере, который приводился О.С. Иоффе в обоснование своей теории. Инженерная организация некачественно выполнила работы по прокладке водопроводных труб. После того как водопроводные трубы были проложены, другая (дорожная) организация приступила к ремонту мостовой на том же участке, используя вибрационную машину и другие механические средства. В результате давления этих средств на подземные сооружения лопнули водопроводные трубы, некачественно проложенные первой организацией, а хлынувшей водой были затоплены товары третьей организации¹⁹⁸.

В данном случае действия дорожной организации по ремонту мостовой с использованием различной техники по своей сути аналогичны действиям сиделки в приведенном выше примере со стаканом с отравленной водой и не могут быть признаны юридически значимой причиной вреда, являющейся основанием для привлечения к ответственности, несмотря на то, что, безусловно, находятся в фактической причинной связи с наступившим вредом.

§ 3.4. Теории, признающие юридически значимой причиной вреда условие, за которым обычно следует вред такого рода

В основе большинства теорий лежит идея о том, что причиной вреда является

¹⁹⁸ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 474–475.

то его необходимое условие, за которым обычно («на практике», «повторяемо») следует вред такого рода.

Впервые идея о том, что правонарушитель должен нести ответственность за все последствия своего деяния, которые находятся в порядке вещей, была предложена К. фон Баром в рамках субъективной теории выделяемого условия. Например, правонарушитель подмешивает яд в пищу потерпевшего, а ни о чем не подозревающий потерпевший через какое-то время самостоятельно принимает отравленную пищу и умирает. Собственные действия потерпевшего не являются причиной его смерти, поскольку действия потерпевшего были обычными и не являлись невероятными для правонарушителя.

Эта же идея легла в основу теории адекватной причинной связи. Теория адекватной причинной связи не ставит вопроса о том, привело ли поведение к конкретному результату, а предлагает ограничиться исследованием вопроса о том, способно ли подобное поведение вообще привести к подобному результату.

При этом теория адекватной причинной связи излагается в двух основных формах:

1) через признание причиной необходимого условия, которое существенно повысило объективную вероятность причинения вреда такого рода, который фактически наступил (И. фон Криз, Л. Трэгер);

2) через признание причиной необходимого условия, которое обычно (исходя из человеческого опыта и обычного хода событий) влечет за собой результат такого рода, который фактически наступил (Л. Эннексерус).

Предлагаемые сторонниками теории адекватного причинения критерии являются очень близкими по содержанию, так как совершение действий, которые обычно влекут за собой определенный результат, существенно увеличивает вероятность наступления такого рода результата.

Идея о допустимости вменения в вину лицу только типичных последствий поведения лица обнаруживается и в других теориях.

Так, в рамках англо-американской теории отдаленности последствий ("*remoteness of damage*" или "*proximate cause*") основным тестом определения

отдаленности последствий является предвидимость возникновения вреда того рода, который фактически был причинен потерпевшему. Как правило, предвидимым является только вред, который обычно следует за определенными действиями. На близость теории адекватного причинения и теории предвидимости убытков обращалось внимание как в зарубежной, так и в отечественной науке¹⁹⁹.

Согласно телеологической теории при определении пределов ответственности необходимо учитывать защитную функцию нормы, предписывающей возмещение вреда. При этом законодатель, устанавливая какой-либо запрет или ограничение, преследует цель предотвращения вреда, который обычно наступает при несоблюдении такого запрета или ограничения. К примеру, устанавливая ограничения скорости на опасных участках дороги, законодатель исходит из того, что превышение скоростного режима на данных участках часто приводит к авариям или как минимум существенно повышает вероятность аварии. В связи с этим превышение водителем такси скорости, повлекшее за собой столкновение автомобилей и причинение вреда пассажиру такси, может быть признано юридически значимой причиной вреда. Если же в результате превышения водителем скорости автомобиль в определенный момент времени попросту оказался в том месте, в котором на него упало дерево, причинив вред пассажиру, то превышение скорости не может быть квалифицировано в качестве причины вреда, поскольку законодатель, устанавливая ограничение скорости, не стремился предотвратить причинение вреда в результате таких событий.

Теория адекватной причинной связи повсеместно критиковалась в советской доктрине. Но так ли существенно идеи советских ученых отличаются от критикуемой ими концепции?

Один из основоположников теории необходимой и случайной причинной связи А.А. Пионтковский считал, что установление необходимой причинной связи требует выяснения, было ли наступившее в действительности последствие реально

¹⁹⁹ Treitel G.H. *Op. cit.* P. 164–165; Новицкий И.Б., Лунц Л.А. *Указ. соч.* С. 318; Матвеев Ю.Г. *Указ. соч.* С. 59; Егоров А.В. *Указ. соч.* С. 80; Байбак В.В. *Причинная связь как условие договорной ответственности.* С. 11; Белов В.А. *Указ. соч.* С. 40–45.

возможным последствием совершенного виновным деяния. Необходимая причинная связь между действием и последствием создается в результате превращения этой реальной возможности в действительность. Реальная возможность наступления определенного последствия означает возможность дальнейшего развития событий под влиянием совершенного действия в соответствии с закономерностью внешнего мира²⁰⁰.

Между тем установление того, является ли наступившее в действительности последствие реально возможным последствием совершенного деяния «в соответствии с закономерностью внешнего мира», по сути равнозначно определению того, является ли наступивший вред обычным следствием такого рода деяния, которое было совершено правонарушителем.

Ярче всего это подтверждает пример, приводимый А.А. Пионтковским в обоснование своей концепции. Правонарушитель нанес побои потерпевшему, который был вынужден отправиться в больницу и по дороге погиб от упавшего ему на голову кирпича. В этом случае, по мнению А.А. Пионтковского, гибель потерпевшего не является закономерным последствием действий правонарушителя. Нанесением побоев правонарушитель не создал реальной возможности гибели потерпевшего, этим не было определено направление событий, приведших к гибели потерпевшего. Этот результат чисто внешне связан с теми действиями, которые были совершены правонарушителем. Смерть потерпевшего была поэтому объективно случайным последствием действий правонарушителя. Между действиями хулигана и смертью потерпевшего нет внутренней необходимой связи, а имеется лишь чисто внешнее сцепление событий²⁰¹.

Для сравнения вспомним пример неадекватной причинной связи, описанный И. фон Кризом. Кучер задремал во время движения, и карета отклонилась от запланированного маршрута, во время движения по которому в пассажира

²⁰⁰ Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 186–187.

²⁰¹ Там же. С. 188.

попадает молния. В этом случае ошибка кучера не увеличила существенно вероятность попадания молнии в пассажира. Вероятность попадания молнии очень мала независимо от того, спит или бодрствует кучер, и если пассажир кареты пострадал от попадания молнии, то это может быть описано как нечто, отличающееся от обычного хода событий. Факт попадания молнии в определенную точку с позиции здравого смысла расценивается как случайное стечение обстоятельств²⁰².

И ошибка кучера, и побои, нанесенные хулиганом, привели к тому, что потерпевший в определенный момент времени оказался в месте, где ему был причинен вред в результате попадания молнии или падения кирпича. При этом ни действия кучера, ни действия хулигана не создали реальной возможности (не увеличили существенно вероятность) причинения вреда – в обоих примерах она являлась чрезвычайно низкой независимо от действий кучера и хулигана. Как попадание молнии в карету не является обычным результатом изменения маршрута, так и падение кирпича на голову по пути в больницу не является обычным следствием нанесения побоев. И попадание молнии, и падение кирпича являются результатом случайного стечения обстоятельств, а не следствием поведения ответчиков.

А.Б. Бабаев, признавая теорию необходимой и случайной причинной связи наиболее предпочтительной теорией²⁰³, объясняет ее применение на типичном для теории адекватной причинной связи примере. Человек, возвращаясь из гостей, был сбит машиной. А.Б. Бабаев указывает, что в данном случае приглашение в гости является только случайной причиной вреда, «поскольку обычно перемещение в пространстве (в том числе – по дороге в гости и обратно) не сопровождается трагическими событиями», а необходимой причиной вреда является наезд на пешехода²⁰⁴.

Воззрения и иных сторонников теории необходимой и случайной причинной

²⁰² Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 470–471.

²⁰³ Бабаев А.Б. Указ. соч. С. 415.

²⁰⁴ Там же. С. 412.

связи также напоминают критикуемую ими теорию адекватной причинной связи.

В качестве критериев установления необходимой причинной связи Е.А. Флейшиц предлагала использовать повседневную практику (прежде всего практику производства, а равно и практику других отраслей жизни общества) и научно-поставленный опыт²⁰⁵. Л.А. Лунц, в свою очередь, отмечал, что причинно-необходимая связь имеет место, если практически (на опыте) доказано, что факты первого рода влекут за собой результаты того же рода, к которому относится второй факт²⁰⁶. По мнению Б.С. Антимонова и М.Д. Шаргородского, критериями разграничения необходимой и случайной причинно-следственной связи должны являться общественная практика или опыт над вещами и воспроизводство факта в практике²⁰⁷.

В.П. Грибанов, который в отличие от теории необходимой и случайной причинной связи отрицал существование случайных причинных связей, в качестве возможных критериев выделения необходимых причинных связей также предлагал практику, накопленный человеческий опыт и достижения различных наук²⁰⁸.

Еще О.С. Иоффе и В.И. Кофман, критикуя позицию Л.А. Лунца, обращали внимание на то, что идея Л.А. Лунца о том, что причинно-необходимая связь имеет место, если практически доказано, что факты первого рода влекут за собой результаты того же рода, к которому относится второй факт, возвращает теорию Л.А. Лунца на позиции теории адекватного причинения, поскольку она основывается на способности фактов определенного рода вообще причинять последствия определенного характера²⁰⁹.

Действительно, в том случае, если выделение необходимой причинной связи осуществляется на основе общественной практики, это должно означать, что

²⁰⁵ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 56–57.

²⁰⁶ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 309.

²⁰⁷ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 47; Антимонов Б.С. Указ. соч. С. 74.

²⁰⁸ Гражданское право: Учебник. Т. 1 / Отв. ред. С.М. Корнеев, П.Е. Орловский. С. 531 (автор главы – В.П. Грибанов).

²⁰⁹ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 464; Он же. Развитие цивилистической мысли в СССР. С. 484; Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 181; см. также: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 145–146.

ответственность возникает тогда, когда действия, аналогичные действиям, совершенным ответчиком, обычно (по практике) порождают последствия того рода, которые фактически наступили. С этой точки зрения теория необходимой и случайной причинной связи фактически редуцируется до адекватной теории.

К адекватной теории сводятся и предлагаемые авторами теории возможности и действительности (О.С. Иоффе и А.А. Собчаком) критерии разграничения условий, создавших конкретную возможность причинения вреда (являющихся основанием для привлечения лица к ответственности), и условий, создавших только абстрактную возможность причинения вреда (являющихся юридически безразличными), а именно объективная повторяемость явлений действительности (в концепции О.С. Иоффе) или возможность причинения результата определенного рода (в концепции А.А. Собчака)²¹⁰.

Утверждение о том, что некоторое обстоятельство на практике («повторяемо») приводит к определенному следствию или создает возможность причинения вреда определенного рода, равнозначно утверждению о том, что данное обстоятельство обычно приводит к определенному результату. Рассмотрим используемый О.С. Иоффе пример, связанный с некачественным выполнением работ по прокладке водопроводных труб²¹¹. Некачественное выполнение организацией работ по прокладке водопроводных труб на участке, на котором впоследствии другая организация будет осуществлять дорожные работы с использованием механических средств, оказывающих давление на подземные сооружения, обычно приводит к тому (существенно повышает вероятность того), что водопроводные трубы, некачественно проложенные первой организацией, лопнут в результате осуществления дорожных работ и причинят вред третьим лицам. Следовательно, с точки зрения теории адекватной причинной связи действия первой организации, некачественно выполнившей работы по прокладке водопроводных труб, должны быть признаны адекватной причиной вреда, причиненного третьим лицам, т.е. применение теории адекватной причинной связи

²¹⁰ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 158.

²¹¹ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 474–475.

в данном случае приводит к тем же выводам, что и использование теории возможности и действительности.

Следовательно, в случае если предложенные О.С. Иоффе и А.А. Собчаком критерии разграничения поведения, создавшего абстрактную и конкретную возможность причинения вреда (повторяемость явлений или возможность причинения вреда определенного рода), будут использованы в качестве общего критерия выделения юридически значимой причинной связи²¹², то их взгляды не будут существенно отличаться от адекватной теории.

Таким образом, идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода, находит свое отражение в том или ином виде (повышение вероятности причинения вреда, типичность последствий, предвидимость последствий, повторяемость явлений действительности, учет общественной практики и т.п.) в большинстве теорий, которыми предлагается применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи, не сводящийся к признанию причиной вреда ближайшего к нему его необходимого условия.

§ 4. Анализ основных аргументов, выдвигаемых против теории адекватной причинно-следственной связи

В основе теорий причинной связи, предлагающих применимый на практике критерий выделения юридически значимой причины, не сводящийся к признанию причиной вреда ближайшего к нему его необходимого условия, лежит идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует

²¹² Необходимо учитывать, что О.С. Иоффе, признавая некоторое сходство своей теории с теорией адекватного причинения, прямо указывал на то, что критерий объективной повторяемости явлений применяется только к поведению, создавшему конкретную возможность, но не к поведению, превратившему возможность в действительность («Прежде всего признание поведения превратившим возможность в действительность с его повторяемостью вообще не связано. Значит, о сходстве с теорией типичного причинения можно было бы говорить только применительно к случаям, когда поведение создает конкретную возможность результата, превращаемую в действительность объективно повторяющимися обстоятельствами» (Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 123)).

вред такого рода.

Вместе с тем наиболее выпукло и четко данная идея была сформулирована в теории адекватной причинной связи, в связи с чем необходимо рассмотреть основные аргументы противников теории адекватной причинно-следственной связи.

Главным аргументом, выдвигаемым против теории адекватного причинения, является указание на то, что теория адекватной причинной связи вводит субъективный элемент в анализ причинно-следственной связи. Так, О. Морето в качестве недостатка данной теории называет ее акцент на критериях вероятности и предвидимости вреда, что может привести к тому, что выводы о причинной связи станут более нормативными и отдаленными от идеи фактической причинной связи. С его точки зрения, сильный нормативный оттенок адекватной теории может привести к смешению причинной связи и вины²¹³.

Аналогичные соображения высказывались представителями советской уголовно-правовой и цивилистической доктрины. В частности, советские ученые отмечали, что в основе теории адекватной причинности лежит субъективистское представление о причинности, поскольку она в любом из своих вариантов исходит из понимания причинной связи не как объективной связи между явлениями внешнего мира, а как существующего в человеческом сознании представления о типичных связях между явлениями, опирающихся на «всеобщий опыт»²¹⁴.

Данное возражение само по себе не может свидетельствовать об ошибочности теории адекватного причинения. Во-первых, теорией адекватной причинной связи предлагаются более или менее объективные критерии установления причинной связи, не связывающие возможность привлечения лица к ответственности с субъективными представлениями ответчика и предлагающие рассматривать вопрос об «адекватности» причинной связи с точки зрения среднего (А. Тон, М. Рюмелин) или самого предусмотрительного лица (Л. Трэгер). Теория

²¹³ Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 48.

²¹⁴ Курс советского уголовного права: Преступление. Т. 2: Часть общая / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. С. 179–180; Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 63.

адекватной причинной связи даже в своем первоначальном виде (И. фон Криз) предлагала учитывать не только обстоятельства, которые были известны или должны были быть известны правонарушителю в момент его действия или бездействия, но и общие практические знания.

Во-вторых, так называемый субъективный элемент (в действительности таковым не являющийся) вводится в причинную связь и самими противниками теории адекватного причинения, которыми, как показано в предыдущем параграфе настоящей главы, как правило, предлагается такой же критерий выделения юридически значимой причинной связи, конечно, в несколько иных формулировках.

Если конструирование причинной связи в качестве максимально объективной категории является самоцелью, то следует отказаться от попыток создания какой-либо теории причинной связи и вернуться на 150 лет назад к теории равноценных условий (теории *conditio sine qua non*), поскольку только данная теория сводит проблему причинной связи к вопросу чистого факта. Однако вряд ли признание любого необходимого условия вреда его причиной сможет помочь установить справедливые пределы ответственности, что предполагает необходимость использования дополнительного ограничителя ответственности (в рамках причинной связи или иного основания ответственности (вины или противоправности) либо в рамках самостоятельного дополнительно сконструированного основания ответственности).

О.С. Иоффе усматривал недостаток теории адекватной причинной связи в том, что она пренебрегает анализом конкретной обстановки, в условиях которой наступили те или иные последствия, и ориентируется на какие-то заранее предустановленные причины, якобы всегда и во всех случаях действующие с одинаковой силой²¹⁵.

Проблема игнорирования конкретной обстановки причинения вреда может возникнуть, к примеру, в случаях, когда вред причиняется действиями, которые обычно не приводят к возникновению вреда такого рода.

²¹⁵ Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 120.

Г. Харт и Т. Оноре объясняли проблему игнорирования конкретной обстановки причинения вреда на следующем примере: ответчик выстрелил из пистолета в сторону потерпевшего с очень дальней дистанции, в связи с чем в момент выстрела вероятность попадания пули в потерпевшего и соответственно причинения ему ранения являлась очень незначительной, однако пуля все-таки попала в потерпевшего, т.е. действия ответчика фактически привели к причинению вреда. Г. Харт и Т. Оноре обращали внимание на то, что с точки зрения здравого смысла в данном случае если пуля попала в потерпевшего, то выстрел будет являться причиной вреда независимо от оценки степени вероятности попадания пули в потерпевшего, существовавшей в момент выстрела²¹⁶.

Такая же проблема может возникнуть в случае, если ответчиком были совершены действия, которые обычно приводят к возникновению вреда того рода, который в данном конкретном случае возник в результате действий самого потерпевшего или иного события, не имеющего никакого отношения к ответчику. В такой ситуации потерпевший может использовать формулу адекватной причинной связи для обоснования того, что действия ответчика являлись причиной вреда, поскольку такие действия обычно приводят к вреду того рода, который был причинен потерпевшему.

Проблему игнорирования конкретной обстановки отчасти может решить формулирование теории адекватного причинения в виде опровержимой презумпции:

– при представлении потерпевшим доказательств того, что возникший вред является обычным последствием действий того рода, которые были совершены ответчиком, ответчик по иску о возмещении вреда не лишается возможности доказать, что в данном конкретном случае его действия не привели к таким типичным последствиям²¹⁷;

– при представлении ответчиком доказательств того, что совершенные им

²¹⁶ Hart H.L.A., Honore T. Op. cit. P. 487.

²¹⁷ См. абз. 2, 3 п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».

действия обычно не влекут за собой вред того рода, который был причинен потерпевшему, потерпевший не лишается возможности доказать, что в данном конкретном случае действия ответчика повлекли за собой такой вред.

К очевидному достоинству теории адекватного причинения необходимо отнести и то обстоятельство, что только идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода, может помочь решить проблему перерыва причинной связи (к примеру, злоумышленник открыл все двери в доме потерпевшего в надежде на то, что какой-либо прохожий, не находящийся с ним в сговоре, похитит имущество из незапертого дома; такой прохожий находится и похищает имущество потерпевшего). Теория адекватной причинной связи (как и иные теории, в основе которых лежит идея о допустимости вменения лицу только обычных последствий его поведения) не исключает возможности признания причинами вреда и действий злоумышленника, открывшего двери дома потерпевшего, и действий вора, непосредственно осуществившего хищение имущества потерпевшего.

Таким образом, необходимо признать, что теория адекватной причинной связи не лишена недостатков, однако данные недостатки могут быть устранены путем уточнения некоторых положений теории без отказа от ее ключевой идеи (причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода). Кроме того, теория адекватной причинной связи предоставляет правоприменителю инструментарий, позволяющий решить проблемы, которые в рамках иных теорий разрешены быть не могут (к примеру, проблему перерыва причинной связи).

§ 5. Проблема перерыва причинной связи

Проблема перерыва причинной связи связана со случаями, когда вред²¹⁸ возникает не непосредственно в результате действия (бездействия) ответчика, а

²¹⁸ Необходимо заметить, что речь идет не о каком-то абстрактном вреде, а о вреде, возникшем в результате присоединения к поведению лица, инициировавшего цепь событий, действий третьих лиц, действий потерпевшего или природного явления. Действия лица,

только в силу последующего присоединения к нему дополнительного обстоятельства²¹⁹ (например, действий третьего лица, действий самого потерпевшего или природного явления)²²⁰. В таких ситуациях действия ответчика сами по себе не могли привести к причинению вреда, но были необходимым условием его возникновения, поскольку в их отсутствие присоединяющееся обстоятельство к этому бы не привело.

К примеру, ответчик нанес потерпевшему легкое телесное повреждение. Когда потерпевший шел в больницу, ему на голову упал сорвавшийся с карниза дома кирпич (присоединяющееся обстоятельство), из-за чего потерпевший погиб. Действия правонарушителя, нанесшего потерпевшему легкое телесное повреждение, были необходимым условием смерти потерпевшего (если бы ответчик не нанес побои потерпевшему, тот не пошел бы в больницу и ему на голову не упал бы кирпич), однако вменение ответчику последствий, вызванных таким присоединяющимся обстоятельством, вряд ли будет отвечать требованиям справедливости.

В некоторых случаях поведение лица, инициировавшего цепь событий, которые привели к причинению вреда, может выражаться и в форме бездействия. Например, строитель по окончании рабочего дня оставил дорогостоящее оборудование на улице, забыв убрать его на склад. Ночью прошел дождь, из-за которого оборудование вышло из строя. В данном случае также возникает вопрос о допустимости вменения последствий, вызванных дождем, строителю, оставившему оборудование на улице. При этом вопрос ответственности лица, инициировавшего цепь событий, может быть поставлен в зависимость от характера присоединяющегося обстоятельства (к примеру, правопорядок теоретически может исходить из того, что строитель, оставивший оборудование на улице,

инициировавшего цепь событий, также могут причинять определенный вред (см. описанный далее пример про нанесение побоев потерпевшему и получение последним дополнительной травмы по пути в больницу), но в таком случае проблема перерыва причинной связи ставится только применительно к дополнительному вреду, вызванному наличием присоединяющегося обстоятельства.

²¹⁹ Далее для упрощения мы будем называть его присоединяющимся обстоятельством.

²²⁰ Hodgson D. Op. cit. P. 4; Mulheron R. Principles of Tort Law. Cambridge, 2016. P. 457.

отвечает за повреждения, вызванные прошедшим дождем, но, к примеру, не понес бы ответственность, если бы оставленное на улице оборудование было повреждено в результате попадания в него молнии).

Таким образом, вопрос перерыва причинной связи является частью более общей проблемы определения пределов ответственности²²¹ и, соответственно, не может рассматриваться в отрыве от теорий причинно-следственной связи, основное предназначение которых заключается в выработке критериев, позволяющих установить справедливые пределы ответственности.

Это, в частности, подтверждается и тем, что авторы различных теорий причинной связи для объяснения своих концепций приводят в пример случаи перерыва причинной связи. Так, И. фон Криз, являющийся основоположником теории адекватного причинения, в качестве примера неадекватной причинной связи приводил случай с кучером, который задремал во время движения, и карета отклонилась от запланированного маршрута, во время движения по которому в пассажира попала молния. В этой ситуации сон кучера не увеличил существенно вероятность попадания молнии в пассажира — она очень мала независимо от того, спит или бодрствует кучер, и если пассажир кареты пострадал от попадания молнии, это может быть описано как нечто, отличающееся от обычного хода событий. Факт попадания молнии в определенную точку является случайным стечением обстоятельств²²².

В английской литературе в качестве примера случайного обстоятельства, прерывающего причинную связь, обычно приводится описанный выше случай с падением кирпича на голову лица, направлявшегося в больницу из-за нанесенной правонарушителем травмы²²³.

Абсолютно такой же пример использовался в советской теории необходимой

²²¹ Causation in European Tort Law / Ed. by M. Infantino, E. Zervogianni. Cambridge, 2017. P. 621 (авторы раздела – M. Infantino, E. Zervogianni); Digest of European Tort Law. P. 100 (автор раздела – R. Zimmermann); Moore M. Op. cit. P. 232–233; Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 397; Green M.D., Cardie W.J. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of the USA // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / Ed. by H. Koziol. Vienna: Jan Sramek Verlag, 2015. P. 500.

²²² Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 470–471.

²²³ Hodgson D. Op. cit. P. 140.

и случайной причинной связи для иллюстрации случайной связи, не являющейся основанием юридической ответственности (согласно данной теории ответственность наступает только при наличии необходимой связи между поведением лица и наступившими последствиями). Падение кирпича на голову потерпевшему является случайным последствием действий правонарушителя и закономерно не вытекает из его поведения. Это случайное последствие возникло под влиянием другой цепи причинности, оказавшей влияние на развитие рассматриваемых событий. Нанесением побоев правонарушитель не создал реальной возможности гибели потерпевшего, этим не было определено направление событий, приведших к его гибели. Этот результат чисто внешне связан с теми действиями, которые были совершены правонарушителем²²⁴.

Похожий пример приводил О.С. Иоффе для объяснения своей теории. Учительница оставила одну из учениц после занятий для уборки в классной комнате. Во время уборки ученица выглянула на улицу, где в это время стоял правонарушитель и стрелял из самопала. Выстрел попал в ученицу. Превращение возможности в действительность было обусловлено поведением правонарушителя, так как именно качество выстрела обусловило индивидуальные особенности наступившего результата. Действия учительницы, оставившей ученицу для уборки в классной комнате, создали только абстрактную возможность причинения вреда, поскольку обстоятельство, превратившее возможность в действительность (выстрел из самопала), не относится к числу объективно повторяющихся явлений²²⁵. О.С. Иоффе обращал внимание на то, что обстоятельства, превращающие возможность в действительность, по-разному проявляют себя в различных конкретных ситуациях. Например, выстрелы на полигоне повторяются каждодневно и систематически, а выстрелы на городской улице — явление исключительное, чрезвычайное. Если бы ученица должна была пересечь площадку полигона, то это создало бы конкретную возможность результата, так как для

²²⁴ Курс советского уголовного права: Преступление. В 6 т. Т. 2: Часть общая / редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе. М., 1970. С. 184–187.

²²⁵ Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву. С. 473–474.

превращения его в действительность налицо объективно повторяющиеся факты — систематически производимые выстрелы. Но когда ученица выглянула из окна школы, своим поведением она создала лишь абстрактную возможность результата, который был превращен в действительность объективно неповторяющимся фактом — выстрелом из самопала на улице²²⁶.

Можно выделить ряд типовых ситуаций, в рамках которых обсуждается проблема перерыва причинно-следственной связи. В данных типовых ситуациях присоединяющееся обстоятельство, прерывающее или не прерывающее причинную связь, может выражаться:

1) в действиях третьего лица, которые повлияли на причинение потерпевшему первоначального вреда (к примеру, водитель оставил ключи в замке зажигания, в результате чего автомобиль был угнан, а угонщик нарушил правила дорожного движения и попал в дорожно-транспортное происшествие, в котором травмы были причинены третьему лицу);

2) в природном явлении, которое повлияло на причинение потерпевшему первоначального вреда;

3) в поведении потерпевшего, которое повлияло на причинение ему первоначального вреда (потерпевший переходит дорогу в не предназначенном для этого месте непосредственно перед проезжавшей машиной, которая не успевает затормозить и сбивает его);

4) в действиях третьего лица, увеличивающих размер вреда, причиненного потерпевшему, или причиняющих потерпевшему дополнительный вред (ответчик оставил на улице потерпевшего, который в результате удара, нанесенного ответчиком, потерял сознание; находившийся без сознания потерпевший был обокраден третьим лицом);

5) в бездействии потерпевшего, не позволившем уменьшить размер причиненного ему вреда (потерпевший, получивший незначительное повреждение, отказался от медицинской помощи, что привело к намного более тяжким последствиям);

²²⁶ Иоффе О.С. Обязательственное право. С. 119.

б) в действиях третьего лица, направленных на оказание помощи лицу, которому ответчик причинил вред, в результате которых вред причиняется самому «спасателю».

§ 5.1. Действия третьего лица, которые повлияли на причинение потерпевшему первоначального вреда

Наиболее простым случаем перерыва причинной связи является ситуация, когда поведение ответчика приводит к совершению правонарушения третьим лицом, в результате которого причиняется вред потерпевшему (из-за неосмотрительности водителя автомобиль был угнан, а угонщиком был причинен вред третьему лицу).

С точки зрения французских юристов причинно-следственная связь отсутствует, если ущерб объясняется не действиями ответчика, а какой-либо «посторонней причиной», не имеющей отношения к делу ("*cause étrangère*"), которой могут выступать действия третьих лиц, собственная вина потерпевшего, обстоятельства непреодолимой силы²²⁷.

Кассационный суд пришел к выводу, что собственник автомобиля не несет ответственности за вред, причиненный укравшим его машину вором. Данное правило применяется даже в случае грубой неосторожности владельца автомобиля (например, если он оставил ключи в замке зажигания). Хотя небрежность владельца была основной причиной кражи, а причинение вреда в связи с использованием похищенного автомобиля произошло непосредственно после кражи, Кассационный суд отказался признавать небрежность владельца автомобиля находящейся в причинной связи с вредом²²⁸. Р. Саватье объясняет это

²²⁷ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 394.

²²⁸ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 711; Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 51.

В другом деле суд отказался признать владельца экскаватора, оставившего ключи в замке зажигания, ответственным за вред, причиненный вандалом, который завладел экскаватором и повредил с его помощью несколько припаркованных рядом автобусов, поскольку действия вандала не были разумно предвидимыми (Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/26–28).

тем, что «цепь причинной связи между этой небрежностью и вредом, причиненным потерпевшему, является слишком отдаленной для того, чтобы служить основанием признания ответственным собственника автомашины»²²⁹. Но из этого правила есть исключение: водитель будет нести ответственность, если он оставил автомобиль незапертым в районе, характеризующимся высоким уровнем преступности, поскольку он должен был предвидеть, что его небрежностью воспользуются злоумышленники²³⁰. Таким образом, во французском праве решение проблемы ответственности лица за вред, причиненный в результате присоединения действий третьего лица, зависит от предвидимости действий третьего лица, т.е. основано на идее адекватности (типичности) последствий²³¹.

В немецком праве решение проблемы ответственности собственника автомобиля за вред, причиненный угонщиком, вытекает из возложенной на собственника автомобиля обязанности по предотвращению несанкционированного использования автомобиля третьими лицами (§ 14(2) *Straßenverkehrsordnung*). В случае если собственник автомобиля неосмотрительно оставил ключи в замке зажигания, что позволило злоумышленнику совершить угон автомобиля, на собственника возлагается ответственность за вред, причиненный угонщиком третьим лицам²³².

Общий же подход немецких судов к проблеме ответственности правонарушителя за вред, возникший в результате присоединения действий третьего лица, основан на оценке того, являются ли действия третьего лица реализацией риска, созданного правонарушителем. Если действия третьего лица представляют собой последствия реализации риска, созданного правонарушителем, то последствия действий третьего лица могут быть вменены правонарушителю. Если же присоединение к поведению правонарушителя действий третьего лица является случайным совпадением обстоятельств, то последствия, вызванные действиями третьего лица, не могут быть вменены

²²⁹ Саватье Р. Указ. соч. С. 357.

²³⁰ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 736.

²³¹ Ibid. P. 736–737; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/28.

²³² Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 70.

правонарушителю²³³.

Данная позиция объясняется на примере следующего дела, рассмотренного Верховным Судом ФРГ в 1996 г. Инкассаторы, перевозившие крупную сумму денег в бронированном автомобиле, по вине ответчика попали в ДТП. В результате ДТП автомобиль инкассаторов опрокинулся в кювет и получил серьезные повреждения. Два инкассатора выбрались из автомобиля, но из-за полученных травм находились в шоковом состоянии, в связи с чем в течение некоторого периода времени машина не находилась под чьим-либо наблюдением. В этот период времени неустановленное третье лицо, воспользовавшись возникшей суматохой и повреждением автомобиля, обеспечивавшим доступ в его салон, похитило деньги, находившиеся в машине. Предметом спора являлся вопрос о том, обязан ли виновник ДТП возместить сумму денежных средств, похищенных третьим лицом. Разрешая данный вопрос, суд принял во внимание, что бронированный автомобиль был спроектирован специально для того, чтобы обеспечить безопасность перевозимых в нем денежных средств. Данное качество автомобиля было утрачено в результате ДТП, возникшего по вине ответчика. Кроме того, в результате травм, полученных в результате ДТП, инкассаторы не могли продолжать обеспечивать сохранность перевозившихся ими денег. С учетом данных обстоятельств суд пришел к выводу, что кража денег является реализацией риска, созданного противоправным поведением ответчика, в связи с чем на него может быть возложена ответственность по возмещению суммы похищенных третьим лицом денежных средств²³⁴.

Общий принцип английского права заключается в том, что действия третьего лица «разрывают» причинно-следственную связь, инициированную поведением ответчика, только в том случае, если действия третьего лица не являются обычным и предполагаемым результатом действий ответчика²³⁵. В качестве примера можно

²³³ Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/30.

²³⁴ Ibid. P. 429/29–30; Von Bar C. Op. cit. P. 472.

²³⁵ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 754–756; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/28; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 162–163; Матвеев Ю.Г. Указ. соч. С. 75–76; Томсинов А.В. Понятие договорных убытков в праве Англии, США и России. М.: Зерцало, 2010. С. 124.

привести дело *The Oropesa* (1943). По вине команды судна *Oropesa* произошло столкновение с другим судном, *Manchester Regiment*. Судно *Manchester Regiment* в результате столкновения получило серьезные повреждения. Капитан, учитывая данное обстоятельство, приказал команде пересест в шлюпку, однако из-за сильного волнения моря шлюпка перевернулась, и один из моряков утонул. При рассмотрении иска родственников погибшего моряка решение капитана судна *Manchester Regiment* о пересадке команды корабля на шлюпку не было признано «разорвавшим» причинную связь, инициированную виновными действиями команды судна *Oropesa*, поскольку такие действия капитана были обычными для сложившейся на тот момент ситуации²³⁶.

Действия третьего лица, совершенные в результате его осознанного выбора, скорее всего, «разорвут» первоначальную цепь причинной связи. В деле *Stultz v. Benson Lumber Company* (1936) ответчик продал работодателю истца дефектные доски, зная, что они будут использованы в строительных лесах. Работодатель обнаружил этот дефект, но все равно использовал доску, в результате чего леса обрушились и работнику (маляру) был причинен вред. Конечный результат (обрушение лесов и причинение вреда маляру), конечно, был ожидаемым последствием небрежности продавца. Если бы работодатель не обнаружил дефект, то продавец нес бы ответственность перед маляром. Но в данном деле элемент осознанного выбора третьего лица привел суд к выводу, что действия работодателя «разорвали» цепь причинности²³⁷.

Но даже правонарушение третьего лица не всегда освобождает ответчика от ответственности, например, если действия ответчика не соответствовали общим требованиям к предосторожности. В одном из дел (дело *Stansbie v. Troman* (1948) дизайнер оставил незакрытым помещение, в котором он работал, в результате чего из этого помещения было похищено имущество. Ответственность была возложена на дизайнера.

²³⁶ Hodgson D. Op. cit. P. 54–55; Green S. Causation in Negligence. Oxford: Hart Publishing, 2015. P. 48–49; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 325; Hart H.L.A., Honore T. Op. cit. P. 148.

²³⁷ Prosser W.L. Op. cit. P. 409–410.

Пример российского подхода к проблеме перерыва причинной связи представлен в п. 24 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1. Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ по общему правилу противоправные действия третьего лица «разрывают» причинную связь. Если владельцем источника повышенной опасности будет доказано, что этот источник выбыл из его обладания в результате противоправных действий других лиц (например, при угоне транспортного средства), то суд вправе возложить ответственность за вред на лиц, противоправно завладевших источником повышенной опасности. Между тем при наличии вины владельца источника повышенной опасности в противоправном изъятии этого источника из его обладания ответственность по возмещению вреда может быть возложена как на владельца, так и на лицо, противоправно завладевшее источником повышенной опасности, в долевом порядке в зависимости от степени вины каждого из них (например, если владелец транспортного средства оставил автомобиль на неохраняемой парковке открытым с ключами в замке зажигания, то ответственность может быть возложена и на него).

В примере, приведенном в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ, также можно заметить идею типичности последствий (увеличения риска наступления последствий определенного рода), поскольку оставление автомобиля на неохраняемой парковке открытым с ключами в замке зажигания объективно повышает вероятность угона автомобиля и причинения угонщиком вреда третьим лицам.

Таким образом, в большинстве правопорядков случаи, когда вред возникает в результате присоединения к действию ответчика поведения третьих лиц, как правило, разрешаются в русле теории адекватного причинения и аналогичных теорий.

§ 5.2. Природное явление, которое повлияло на причинение потерпевшему первоначального вреда

В некоторых случаях вред может быть причинен в результате присоединения

к поведению ответчика природного явления (ответчик плохо закрепил какую-либо конструкцию на здании, которая под воздействием сильного ветра упала на потерпевшего).

Общий подход зарубежных право порядков к рассматриваемой проблеме заключается в том, что обычное развитие природных сил признается не прерывающим причинную связь, вызванную действиями ответчика, которая может быть прервана только экстраординарными природными явлениями. При этом в случаях, когда ответчик предвидел действие природных сил и рассчитывал на их присоединение к его действию при естественном ходе вещей, причинная связь не может быть признана прерванной²³⁸. К примеру, в случае если ответчик, опираясь на прогноз погоды, согласно которому через час через эту местность будет проходить ураган, разводит костер, рассчитывая, что сильный ветер разнесет огонь, в результате чего пламя перекинется на постройки соседа, ураган не будет прерывать причинную связь между действиями ответчика по разведению огня и вредом, причиненным соседу в результате пожара²³⁹.

Согласно английскому праву причинно-следственная связь прерывается природным явлением, если оно было настолько маловероятным в существующих обстоятельствах, что может быть рассмотрено в качестве случайного стечения обстоятельств. В то же время обычное развитие природных сил не прерывает причинную связь, поскольку ответчик должен был их предвидеть и принять меры по недопущению вредных последствий²⁴⁰.

Схожей позиции придерживаются и американские суды. К примеру, в деле *Jacobson v. Suderman and Young Inc.* (1927) суд отклонил довод ответчика о том, что шквалистый ветер прервал причинную связь между ненадлежащим осуществлением ответчиком функции по обеспечению навигации и ущербом, причиненным истцу. Суд указал, что шквалистый ветер не был чрезвычайным обстоятельством в данной местности в это время года и вероятность его

²³⁸ Канторович Я.А. Указ. соч. С. 125; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 170; Moore M. Op. cit. P. 250.

²³⁹ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 170

²⁴⁰ Hodgson D. Op. cit. P. 133; Mulheron R. Op. cit. P. 465.

возникновения должна была предполагаться ответчиком²⁴¹.

Подход немецкого права заключается в том, что наличие присоединяющегося обстоятельства не служит основанием для освобождения от ответственности, если такое развитие событий является обычным и должно было предполагаться ответчиком²⁴². Французской судебной практикой также был воспринят принцип, предполагающий возможность освобождения ответчика от ответственности, если присоединяющееся обстоятельство образует обстоятельство непреодолимой силы (является внешним, непредвидимым и непреодолимым)²⁴³.

Ранее российские суды при разрешении споров о возмещении вреда, причиненного в результате падения различных объектов (деревьев, строительных конструкций и т.п.), часто отклоняли доводы ответчиков о том, что такое падение было вызвано не их бездействием, а сильным ветром, обосновывая это тем, что скорость ветра не соответствовала критериям опасного метеорологического явления, установленным нормативными актами МЧС России²⁴⁴. Таким образом, следуя логике от обратного, можно было бы сделать вывод о том, что при наличии у ветра признаков опасного метеорологического явления лицо, осуществлявшее функции контроля за упавшим объектом, не должно нести ответственность за вред, причиненный падением этого объекта.

Вместе с тем в судебной практике встречалась и позиция, согласно которой ветер, скорость которого соответствует критериям опасного метеорологического явления, представляет собой обычное природное явление, и его наличие само по

²⁴¹ Приводится по: Hodgson D. Op. cit. P. 135.

²⁴² Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 70.

²⁴³ Digest of European Tort Law. P. 401–403 (авторы раздела – O. Moréteau, F. Lafay, C. Pellerin-Rugliano); Van Gerven W., Lever J., Larouche P. Op. cit. P. 464; Causation in European Tort Law. P. 298 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz); Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 50. См. также: Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 394.

²⁴⁴ Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16 ноября 2015 г. по делу № А11-10958/2014; апелляционное определение Вологодского областного суда от 9 сентября 2016 г. по делу № 33-4940/2016; решение Промышленного районного суда города Смоленска от 16 января 2019 г. по делу № 2-243/2019; решение Кировского районного суда города Ярославля от 12 февраля 2016 г. по делу № 2-897/2016; решение Ленинского районного суда города Владикавказа от 3 апреля 2013 г. по делу № 2-317/2013; решение Куйбышевского районного суда города Омска от 2 ноября 2017 г. по делу № 2-4063/2017; решение Уссурийского районного суда Приморского края от 29 октября 2018 г. по делу № 2-4436/2018.

себе не освобождает лицо, ненадлежащим образом осуществлявшее функции по содержанию упавшего объекта, от ответственности за вред, причиненный в результате его падения²⁴⁵.

В 2019 г. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ было рассмотрено дело²⁴⁶, предметом спора в котором являлся вопрос о том, прерывается ли причинно-следственная связь, вызванная ненадлежащим осуществлением управляющей компанией контроля за безопасным состоянием зеленых насаждений, воздействием сильного ветра, подпадающего под признаки опасного метеорологического явления.

Обстоятельства данного дела заключались в следующем. Автомобиль, припаркованный во дворе многоквартирного жилого дома, был поврежден в результате падения на него дерева. Собственник автомобиля обратился в суд с иском к управляющей компании, обслуживающей этот дом, о возмещении ущерба, причиненного падением дерева на автомобиль.

Судами было установлено, что в день падения дерева в городе отмечался очень сильный ветер скоростью 24,5–28,4 м/с. В соответствии с нормативными актами МЧС России ветер такой силы относится к опасным метеорологическим явлениям.

Управляющая компания представила заключение специалиста, согласно которому из-за нарушения строительных норм и правил, допущенного при асфальтировании прилегающего участка, дерево имело недоразвитую корневую систему и было способно обрушиться самостоятельно в любой момент без внешних влияний. Первичной (основной) причиной его падения послужили дефекты корневой системы, а сильный ветер стал дополнительным фактором.

Отказывая в удовлетворении исковых требований, суды первой и апелляционной инстанций пришли к выводу об отсутствии вины управляющей

²⁴⁵ Решение Советского районного суда города Омска от 29 декабря 2014 г. по делу № 2-4058/2014; решение Ленинского районного суда города Пензы от 22 декабря 2011 г. по делу № 2-3370/2011; апелляционное определение Бийского городского суда Алтайского края от 22 октября 2013 г. по делу № 11-238/2013.

²⁴⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2019 г. № 11-КГ19-15.

компании в причинении истцу материального ущерба, поскольку дерево было посажено задолго до образования управляющей компании, которая не имеет никакого отношения к асфальтированию покрытия вокруг него. Кроме того, суды указали, что дерево не имело внешних дефектов, а причиной его падения стал сильный ветер.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ обратила внимание на то, что из заключения специалиста следует, что первичной (основной) причиной падения дерева, ответственность за содержание которого была возложена на управляющую компанию, являлись дефекты корневой системы, а ветер послужил лишь дополнительным фактором²⁴⁷. С учетом этого Коллегия отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции²⁴⁸.

Ветер, соответствующий критериям опасного метеорологического явления, наблюдается относительно редко, но все же периодически имеет место и в любом случае не может быть признан природным явлением исключительного характера. Следовательно, в этом смысле падение дерева, имеющего дефект корневой системы, под воздействием такого ветра будет обычным последствием неосуществления управляющей компанией контроля за безопасным состоянием зеленых насаждений.

С учетом этого обстоятельства представляется верным вывод Коллегии о том, что причиной падения дерева стал не сильный ветер, а физическое состояние дерева.

Аналогичный вывод можно сделать, опираясь на положения теории

²⁴⁷ Позиция Коллегии в этой части может рассматриваться в качестве подтверждения точки зрения, согласно которой причинно-следственная связь является вопросом права, а не факта, в связи с чем суды кассационной инстанции вправе высказывать собственные суждения о наличии или отсутствии причинно-следственной связи (см.: Ягельницкий А.А., Петроль О.Д. Указ. соч. С. 30).

²⁴⁸ В 2020 г. аналогичным образом Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ было разрешено дело со схожими обстоятельствами дела, в котором дерево упало под воздействием сильного ветра, не подпадающего под критерии опасного метеорологического явления (см.: определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 февраля 2020 г. № 5-КГ19-244).

адекватного причинения. Согласно наиболее распространенному варианту этой теории поведение лица признается адекватной причиной вреда, если оно существенно увеличило объективную вероятность возникновения вреда того рода, который фактически наступил²⁴⁹. Тот факт, что управляющая компания ненадлежащим образом осуществляла контроль за безопасным состоянием дерева (не спилила дерево, имевшее дефекты корневой системы), существенно увеличил вероятность его падения под воздействием сильного ветра и, соответственно, вероятность причинения вреда имуществу или здоровью третьих лиц в результате его падения.

При рассмотрении данного дела Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ оставила за скобками важное обстоятельство, которое дополнительно подтверждает, что причиной вреда стало состояние упавшего дерева, а не сильный ветер.

Достаточно часто суды, отклоняя доводы ответчиков о том, что причиной падения деревьев (иных объектов) был сильный ветер, принимают во внимание, что под воздействием сильного ветра упал только объект, имеющий определенный дефект, а все иные схожие объекты, не имеющие такой дефект, расположенные в той же местности, остались невредимыми²⁵⁰.

Применение такого метода можно обнаружить еще в римских источниках. При рассмотрении вопроса о том, отвечает ли собственник дома за вред, причиненный в результате падения под воздействием ветра плохо закрепленной черепицы, учитывалось, упала ли с соседних домов черепица, которая была уложена правильно. Если ветер был такой силы, что сорвал даже качественно уложенное покрытие, то собственник дома с плохо закрепленной черепицей не нес ответственность. Если же под воздействием ветра черепица упала только там, где была плохо закреплена, то ненадлежащее осуществление собственником этого

²⁴⁹ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 107; Treitel G.H. Op. cit. P. 163; Hart H.L.A., Honore T. Op. cit. P. 469.

²⁵⁰ Решение Промышленного районного суда города Смоленска от 16 января 2019 г. по делу № 2-243/2019; решение Уссурийского районного суда Приморского края от 29 октября 2018 г. по делу № 2-4436/2018; решение Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 11 января 2018 г. по делу № 2-19/2018.

дома обязанностей по его содержанию признавалось причиной вреда²⁵¹.

Наличие у ветра признаков опасного метеорологического явления само по себе еще не означает, что ветер такой силы вырывает любые деревья с корнем. В рассматриваемом деле под воздействием сильного ветра упало только дерево, которое имело дефект корневой системы. Если бы из-за такого ветра упало бы большое количество деревьев (как здоровых, так и имеющих какие-либо дефекты), можно было бы говорить о том, что причиной стало не их физическое состояние, а сильный ветер²⁵². А раз упало только дерево, имеющее недоразвитую корневую систему, то причиной его падения послужил именно дефект корневой системы, а не сильный ветер.

На это обстоятельство при новом рассмотрении спора сослался Верховный суд Республики Татарстан²⁵³, который, отклоняя довод управляющей компании о том, что причиной падения дерева явился ветер, а не физическое состояние дерева, отдельно обратил внимание на то, что рядом растущие деревья выдержали те же порывы ветра.

§ 5.3. Поведение потерпевшего, которое повлияло на причинение ему первоначального вреда

Некоторые сложности вызывает вопрос, когда лицо, которому был причинен вред, само вмешивается в причинно-следственную связь²⁵⁴.

Первая категория таких дел охватывает случаи, когда поведение потерпевшего влияет на причинение первоначального вреда (к примеру,

²⁵¹ Digest of European Tort Law. P. 391 (автор раздела – N. Jansen).

²⁵² По мнению Я.А. Канторовича, в таких случаях речь идет не о перерыве причинной связи, а о поглощении результата одной каузальной цепи результатом другой каузальной цепи. Например, при постройке здания строитель использовал некачественный материал. В результате землетрясения были уничтожены все здания, в том числе построенное с использованием некачественных материалов. В данном случае виновное действие строителя не может рассматриваться как *conditio sine qua non* вреда, поскольку здание было бы разрушено в результате землетрясения независимо от качества материалов, использованных при его строительстве (см.: Канторович Я.А. Указ. соч. С. 149).

²⁵³ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 3 октября 2019 г. по делу № 33-16916/2019.

²⁵⁴ См.: Сударев Г.А. Указ. соч. С. 83–135.

потерпевший переходил дорогу в не предназначенном для этого месте непосредственно перед проезжавшей машиной, которая не успела затормозить и сбила его).

Германское гражданское уложение (§ 254) устанавливает, что вина потерпевшего лица в возникновении первоначального вреда учитывается для уменьшения размера возмещаемого вреда²⁵⁵.

Французский правопорядок также исходит из того, что если вина потерпевшего также повлияла на возникновение вреда, то ответственность должна быть разделена между причинителем вреда и потерпевшим²⁵⁶. Объясняется это просто: потерпевший сам участвовал в возникновении вреда, поэтому должен хотя бы частично за него отвечать. Необходимо отметить, что распределение ответственности возможно только в случае виновных действий (бездействия) потерпевшего; если вина потерпевшего не установлена, то ответчик отвечает в полном объеме²⁵⁷. Определение «пропорции» относится к дискреции суда. Суды определяют, чья действия сильнее всего повлияли на возникновение вреда, учитывается также и моральная составляющая вопроса²⁵⁸.

Для того чтобы освободить ответчика от ответственности, необходимо, чтобы поведение потерпевшего являлось при данных обстоятельствах непреодолимым. Например, французский суд признал таким поведением падение потерпевшего непосредственно перед проезжавшей рядом машиной²⁵⁹.

В английском праве случаи, когда поведение потерпевшего влияет на причинение первоначального вреда, охватываются категорией вины потерпевшего ("*contributory negligence*"). Вплоть до середины XX в. английский потерпевший не мог рассчитывать на возмещение вреда в случае, если на причинение вреда повлияли в том числе его собственные действия. Такой подход объяснялся тем, что после вмешательства потерпевшего в причинную связь действия первоначального

²⁵⁵ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 110.

²⁵⁶ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 709–710. См. также: Морандьер Л.Ж. де ла. Гражданское право Франции. Т. 2. М.: Иностр. лит., 1960. С. 423.

²⁵⁷ Galand-Carval S. Op. cit. P. 54.

²⁵⁸ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 763–764.

²⁵⁹ Ibid. P. 761.

причинителя вреда более не являются непосредственной причиной вреда.

В старом прецеденте *Butterfield v. Forrester* (1809) ответчик незаконно установил препятствие на дороге, истец мчался верхом на лошади настолько быстро, что не смог остановиться перед видимым препятствием и столкнулся с ним. Потерпевший предъявил иск к лицу, установившему препятствие, в удовлетворении которого было отказано.

Правило, жестко ограничивающее возможность возмещения вреда в случае вины потерпевшего, было отменено только в ходе реформы 1945 г.²⁶⁰

Если действия истца, приведшие к причинению вреда, являлись разумными, то истец может требовать возмещения вреда в полном объеме. Если же истец действовал неразумно, а к тому же добровольно и достаточно «ненормально» (необычно), то ответчик будет освобожден от ответственности (если истец действовал просто неразумно, то это может стать основанием для уменьшения размера возмещаемого вреда)²⁶¹.

Гражданский кодекс РФ предусматривает, что вред, возникший в результате умысла потерпевшего, не подлежит возмещению (п. 1 ст. 1083 ГК РФ). Примером умысла потерпевшего является использование потерпевшим действий третьих лиц с целью суицида²⁶² (к примеру, если потерпевший бросился под приближающийся автомобиль).

Если возникновению вреда содействовала грубая неосторожность самого потерпевшего, размер возмещения может быть уменьшен. Если же при этом отсутствовала вина причинителя вреда (в случаях, когда его ответственность наступает независимо от вины), в возмещении вреда может быть отказано, за исключением случаев причинения вреда жизни или здоровью, когда допускается только снижение размера возмещения (п. 2 ст. 1083 ГК РФ, п. 17 постановления

²⁶⁰ Whittaker S. Contributory Fault and Mitigation, Rights and Reasonableness: Comparisons Between English and French Law // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. P. 149; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 715–716; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 124.

²⁶¹ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 769, 771.

²⁶² Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»).

Судебная практика, к примеру, признает грубой неосторожностью потерпевшего:

- наезд потерпевшего на дорожную выбоину, приведший к повреждению автомобиля, если у потерпевшего (водителя) имелась техническая возможность избежать наезд на выбоину²⁶³;
- оставление автомобиля в непосредственной близости к стене дома при наличии объявлений о наличии опасности схода снежной массы с кровли²⁶⁴;
- нарушение потерпевшим правил перехода железнодорожных путей или автомобильной дороги²⁶⁵.

§ 5.4. Действия третьего лица, которые увеличили размер вреда, причиненного потерпевшему

Другим примером перерыва причинной связи являются случаи, когда правонарушение ответчика причиняет потерпевшему определенный вред, а действия третьего лица увеличивают размер причиненного потерпевшему вреда или причиняют потерпевшему дополнительный вред. К примеру, ответчик ударил потерпевшего, из-за которого последний потерял сознание. Ответчик оставил потерпевшего на улице, который, находясь без сознания, был обокраден третьим лицом. Дискуссии вызывает вопрос об ответственности ответчика за кражу вещей потерпевшего, совершенную третьим лицом.

С. Галан-Карваль отмечает, что согласно французскому подходу в данном

²⁶³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2018 г. № 47-КГ18-5.

²⁶⁴ Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2020 г. по делу № 33-1421/2020; апелляционное определение Московского городского суда от 22 января 2019 г. по делу № 33-2380/2019.

²⁶⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 12 марта 2020 г. по делу № 33-10617/2020; апелляционное определение Московского городского суда от 20 апреля 2015 г. по делу № 33-9193/2015.

случае ответчик должен нести ответственность в том числе за кражу, поскольку ответчик не может быть освобожден от ответственности на том основании, что вред был причинен третьим лицом, с учетом того, что поведение ответчика имело непосредственное отношение к совершенной краже²⁶⁶. В других делах на причинителей вреда помимо ответственности за вред, который был им непосредственно причинен, была возложена ответственность по возмещению дополнительного вреда, который был причинен потерпевшему в результате пожара, произошедшего в больнице, куда потерпевший был доставлен²⁶⁷, или в результате ошибки, допущенной врачом при выполнении операции, необходимость которой была обусловлена первоначально причиненным вредом²⁶⁸.

Немецкие суды допускают привлечение ответчика к ответственности за кражу вещей потерпевшего, поскольку действия ответчика (нанесение удара потерпевшему и оставление его на улице в бессознательном состоянии) создали риск совершения кражи вещей потерпевшего²⁶⁹. Правонарушитель, нанеший потерпевшему травму, может быть привлечен к ответственности за последствия, вызванные инфекцией, которой потерпевший заразился в во время лечения в больнице (с учетом того, что заражение инфекционным заболеванием в период пребывания в больнице не является чем-то необычным)²⁷⁰, но не будет отвечать за последствия возникшего по вине третьего лица ДТП, в которое потерпевший попал, направляясь в больницу, поскольку такое событие является слишком экстраординарным²⁷¹.

С точки зрения английских судов ответчик не несет ответственности за кражу, совершенную третьим лицом. Как отметил Лорд Самнер в деле *Weld-Blundell v. Stephens* (1920), несмотря на вину первого правонарушителя за первоначальный вред, он не ответствен за вред, причиненный потерпевшему

²⁶⁶ Galand-Carval S. Op. cit. P. 59.

²⁶⁷ Van Dam C. Op. cit. P. 292.

²⁶⁸ Causation in European Tort Law. P. 219, 380 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz).

²⁶⁹ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 71.

²⁷⁰ Causation in European Tort Law. P. 390 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher).

²⁷¹ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 71.

третьим лицом, который сознательно принял решение сделать это. Несмотря на то что первый правонарушитель создал повод для злонамеренного поступка третьего лица, действия третьего лица стали новой и независимой причиной²⁷². Правонарушитель не будет нести ответственность за вред, причиненный потерпевшему в результате аварии, в которую потерпевший попал по пути в больницу²⁷³, поскольку действия ответчика не увеличили существенно вероятность причинения вреда такого рода²⁷⁴. Между тем английские суды могут возложить на причинителя вреда ответственность:

– за инфекционное заболевание, которым потерпевший заразился в период пребывания в больнице, так как риск заболевания различными инфекционными заболеваниями в период пребывания в больнице широко известен (если только заболевание потерпевшего не было обусловлено упущениями со стороны администрации больницы)²⁷⁵;

– за вред, возникший в результате врачебной ошибки (если только она не была вопиющей), поскольку врачебные ошибки периодически случаются²⁷⁶.

Таким образом, подходы французских, немецких и английских судов к проблеме причинения потерпевшему дополнительного вреда в результате действия третьих сил имеют существенные различия. Французские суды возлагают на первоначального правонарушителя ответственность за весь дополнительно причиненный вред (в этой части позиция французских судов близка к теории равнозначных условий). Немецкие и английские суды допускают привлечение первоначального причинителя вреда к ответственности за дополнительный вред, являющийся обычным последствием риска, созданного первоначальным правонарушителем, исключая ответственность за экстраординарные

²⁷² Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 48; см. также: Mulheron R. Op. cit. P. 461.

²⁷³ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 47; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 318–319.

²⁷⁴ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 318–319. Примечательно, что здесь логика английских юристов практически дословно воспроизводит положения континентальной теории адекватной причинной связи.

²⁷⁵ Causation in European Tort Law. P. 401 (автор раздела – K. Oliphant).

²⁷⁶ Mulheron R. Op. cit. P. 466.

дополнительные последствия. Кроме того, английский подход имеет свою особенность, которая заключается в том, что правонарушение третьего лица всегда признается в качестве обстоятельства, разрывающего причинную связь между первоначальным правонарушением и вредом, причиненным третьим лицом.

Пример российского подхода к данной проблеме можно обнаружить в постановлении Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П. В данном постановлении Конституционный Суд РФ допустил возможность привлечения к имущественной ответственности лица, совершившего угон автомобиля, если в результате противоправных действий или бездействия этого лица автомобилю был причинен вред, выразившийся как в его повреждении, так и в похищении неустановленным лицом. Конституционный Суд РФ указал, что поскольку в результате действий лица, неправоммерно завладевшего чужим автомобилем, его собственник лишается контроля над своим имуществом (чем и создаются объективные условия для его последующей кражи третьими лицами), необходимо исходить из того, что виновный в угоне *ipso facto* принимает на себя ответственность за последующую судьбу данного имущества – вплоть до фактического возвращения автомобиля собственнику или до привлечения к ответственности лица, совершившего кражу данного автомобиля, если не докажет, что в результате его действий (бездействия) не были созданы условия для последующей утраты собственником его автомобиля²⁷⁷. По нашему мнению, данное правило можно распространить на все случаи, когда правонарушение лица создало объективные условия для (облегчило совершение) другого

²⁷⁷ Н.В. Тололаева, комментируя данное постановление, обосновывает ответственность угонщика не созданием условий для кражи, а его попаданием в просрочку при совершении угона в обязательстве по возврату автомобиля в натуре. Завладев чужим транспортным средством и утратив возможность вернуть эту вещь собственнику в натуре, угонщик на основании ст.ст. 1064, 1082 ГК РФ должен вернуть стоимость этой вещи в деньгах (См.: Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография. М.: Статут, 2020. С. 75–76).

Позиция Конституционного Суда РФ в дальнейшем была инкорпорирована в ст. 1080 ГК РФ («Лицо, неправоммерно завладевшее чужим имуществом, которое в дальнейшем было повреждено или утрачено вследствие действий другого лица, действовавшего независимо от первого лица, отвечает за причиненный вред»). См. подробнее о появлении данной нормы: Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства. С. 73–74; Епихина Д.О. Указ. соч. С. 119–120.

правонарушения (например, на случаи кражи третьим лицом имущества потерпевшего, который из-за удара, нанесенного ответчиком, потерял сознание и остался лежать на улице).

§ 5.5. Бездействие потерпевшего, которое не позволило уменьшить размер причиненного ему вреда

К следующей категории дел относятся дела, в которых действия или бездействие потерпевшего имеют место уже после причинения правонарушителем первоначального вреда потерпевшему и выражаются в том, что потерпевший не предпринимает действий, направленных на улучшение его положения (не предпринимает действий, направленных на уменьшение размера вреда). Классическим примером является отказ потерпевшего от лечения, которое улучшило бы его состояние.

Германское право исходит из того, что вина потерпевшего лица охватывает не только собственно вину в возникновении вреда, но и его бездействие, не позволившее уменьшить размер причиненного вреда. В обеих ситуациях вина потерпевшего учитывается для уменьшения размера возмещаемого вреда. Например, судами принимается во внимание отказ потерпевшего от медицинской помощи или новой работы (поскольку старой он уже не может заниматься по состоянию здоровья)²⁷⁸.

Английское право здесь говорит не о вине потерпевшего (как в случаях участия потерпевшего в причинении первоначального вреда), а о нарушении обязанности по уменьшению размера вреда. Согласно английскому праву на потерпевшем лежит обязанность по принятию разумных мер по уменьшению размера причиненного ущерба. Нарушение этого права не дает другой стороне право требовать принудительного исполнения данной обязанности, а лишает потерпевшего права требовать возмещения вреда, вызванного непринятием мер по

²⁷⁸ Fedtke J., Magnus U. Contributory Negligence under German Law // Unification of Tort Law: Contributory Negligence / Ed. by U. Magnus, M. Martín-Casals. The Hague: Kluwer Law International, 2004. P. 78; Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 110.

митигации. К примеру, в деле *McAuley v. London Transport Executive* (1957) истец повредил руку на работе. Врачи порекомендовали сделать операцию, которая с вероятностью 90% привела бы к выздоровлению истца, однако истец от нее отказался. Суд посчитал, что отказ истца от операции был неразумным, в связи с чем работодатель не может быть признан ответственным за продолжающийся эффект повреждения, который является следствием не первоначального правонарушения, а отказа потерпевшего от лечения, который прервал причинную связь²⁷⁹. Схожие правила применяются в американском праве²⁸⁰.

Французское право, напротив, не признает наличия у потерпевшего обязанности по принятию мер, направленных на уменьшение размера причиненного вреда. Данное правило вытекает из принципа полного возмещения вреда, согласно которому потерпевшему должен быть возмещен весь вред, каузально связанный с правонарушением, независимо от природы такого вреда²⁸¹.

Французское право при отсутствии обязанности по принятию мер, направленных на уменьшение размера вреда, было вынуждено использовать иные средства для случаев отказа потерпевшего от медицинской помощи. Можно выделить три этапа развития французского права по этому вопросу.

На первоначальном этапе (до решения Кассационного суда 1997 г.) для определения влияния отказа потерпевшего от рекомендованной ему медицинской процедуры на возмещение вреда, вызванного таким отказом, французские суды опирались на концепцию вины потерпевшего ("*faute de la victime*"). И доктрина, и судебная практика исходили из того, что вина потерпевшего может уменьшить размер возмещения, полагающегося потерпевшему, или вовсе погасить требование потерпевшего о возмещении вреда. На данном этапе при определении вины потерпевшего суды учитывали серьезность медицинского вмешательства,

²⁷⁹ Whittaker S. Op. cit. P. 152.; Horton Rogers W.V. Contributory Negligence under English Law // Unification of Tort Law: Contributory Negligence / Ed. by U. Magnus, M. Martín-Casals. The Hague: Kluwer Law International, 2004. P. 59; Hodgson D. Op. cit. P. 181–183.

²⁸⁰ Schwartz G.T. Contributory Negligence under United States Law // Unification of Tort Law: Contributory Negligence / Ed. by U. Magnus, M. Martín-Casals. The Hague: Kluwer Law International, 2004. P. 224.

²⁸¹ Whittaker S. Op. cit. P. 155.

сопутствующие ему риски и вероятность успешности медицинской процедуры²⁸².

В 1997 г. Кассационный суд вынес решение, в котором изменил свое отношение к квалификации отказа потерпевших от медицинской помощи. Кассационный суд в своем решении опирался на ст. 16-3 Французского гражданского кодекса, включенную в текст Кодекса в 1994 г., предусматривающую неприкосновенность человеческого тела и запрещающую принуждение лица к медицинскому вмешательству. Названная статья прямо не запрещает снижение размера возмещения в связи с отказом потерпевшего от рекомендуемого лечения, однако такой вывод следует из ее логического толкования. Если потерпевший не обязан проходить рекомендованное лечение, то отказ потерпевшего от такого лечения не может быть поставлен ему в вину (независимо от серьезности требуемого медицинского вмешательства и сопутствующих рисков)²⁸³.

В 2003 г. Кассационный суд распространил данное правило на случаи непринятия мер, направленных на уменьшение размера экономических убытков. Судом рассматривался иск о возмещении убытков, заявленный владельцем пекарни, пострадавшим в дорожно-транспортном происшествии. Потерпевший требовал от виновника ДТП компенсации уменьшения стоимости его бизнеса, вызванного тем, что пекарня не работала в период лечения потерпевшего (в течение шести лет после ДТП). Апелляционный суд отказал в возмещении убытков, указав, что в период лечения потерпевший мог поручить кому-нибудь другому заниматься пекарней вместо себя, в связи с чем убытки потерпевшего (уменьшение стоимости бизнеса) не являются следствием ДТП. Кассационный суд отменил данное решение, отметив отсутствие у потерпевшего обязанности по уменьшению размера причиненных ему убытков. Кассационный суд учел, что дорожно-транспортное происшествие вызвало нетрудоспособность потерпевшего, препятствовавшую ему продолжать заниматься пекарней, в связи с чем между ДТП и уменьшением стоимости бизнеса потерпевшего имеется прямая причинная связь²⁸⁴.

²⁸² Ibid. P. 155–156.

²⁸³ Ibid. P. 157.

²⁸⁴ Ibid. P. 158.

Если говорить о российском подходе к возможности снижения размера возмещаемого вреда в связи с действиями самого потерпевшего, то ст. 1083 ГК РФ допускает такую возможность, если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала увеличению вреда. Суды признают в качестве такой грубой небрежности факт отказа потерпевшего от лечения и на этом основании снижают размер возмещения, присуждаемого потерпевшему²⁸⁵.

§ 5.6. Случаи спасения

Вопрос о перерыве причинной связи встает и тогда, когда потерпевший получил вред, пытаясь предотвратить или уменьшить вред, причиняемый другому лицу. Такому лицу могут отказать в возмещении вреда со ссылкой на то, что он сам причинил себе вред. Обязан ли правонарушитель возместить вред, причиненный не только непосредственному потерпевшему, но и его «спасателю»?

По мнению немецких юристов, разумные попытки предотвратить вред или уменьшить его размер не признаются виновными, они не прерывают изначальную причинно-следственную связь, и, таким образом, «спасатель» имеет право на возмещение вреда. При этом в возмещении вреда может быть отказано, только если попытка спасения была чрезвычайно безрассудна²⁸⁶.

Французские суды также не признают действия спасателя «разрывающими» причинную связь. Действия правонарушителя создали опасную ситуацию, что повлекло за собой возникновение у третьих лиц моральной обязанности вмешаться. Поэтому действия спасателя будут рассматриваться не как обстоятельство, разрывающее причинную связь, а как нормальное последствие опасной ситуации, созданной правонарушителем²⁸⁷.

Подход английских судов заключается в следующем: если одно лицо

²⁸⁵ Определение Пензенского областного суда от 18 декабря 2007 г. по делу № 33-2242; решение Крапивинского районного суда Кемеровской области от 10 октября 2016 по делу № 2-753/2016, решение Сретенского районного суда Забайкальского края от 19 июня 2017 г. по делу № 2-8/2017.

²⁸⁶ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 111.

²⁸⁷ Galand-Carval S. Op. cit. P. 59.

попадает в опасную ситуацию, созданную другим лицом, и при попытке из нее выбраться наносит себе повреждение, то это второе лицо должно возместить потерпевшему вред: оно несет обязанность принять меры предосторожности ("*duty of care*") перед лицами, в отношении которых ему следовало разумным образом предусмотреть, что в данных опасных обстоятельствах они могли предпринять шаги по своему спасению со всеми связанными с этим рисками²⁸⁸.

Лицо, поставившее другое лицо в опасное положение, отвечает также за вред, причиненный здоровью третьего лица, попытавшегося спасти или помочь человеку, находившемуся в опасном положении. Обосновывая данное правило, известный американский судья Б. Кардозо в деле *Wagner v. International Railway Co.* (1921) отметил, что «опасность призывает к спасению»²⁸⁹. Риск сам по себе не разрывает причинную связь, которая разрывается только абсолютно безрассудным поведением третьего лица²⁹⁰.

Схожая позиция получила поддержку Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ при рассмотрении следующего дела²⁹¹.

Во время ремонта экскаватора из-за допущенных работодателем нарушений технологии производства ремонтных работ возникло задымление экскаватора, которое заметил один из работников. Работник, желая предотвратить возгорание, нарушил дисциплину труда, проник в конструкцию экскаватора, где получил поражение электрическим током и погиб. Мать погибшего работника обратилась в суд с иском о взыскании с работодателя компенсации морального вреда.

Суды нижестоящих инстанций снизили размер компенсации, признав грубой неосторожностью действия потерпевшего, выразившиеся в выполнении работы, которая не была ему поручена.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ не согласилась с данным выводом, указав, что основной причиной несчастного

²⁸⁸ Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 383; Hodgson D. Op. cit. P. 189, 192.

²⁸⁹ Hodgson D. Op. cit. P. 190; Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 125.

²⁹⁰ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 46; Hodgson D. Op. cit. P. 193–194.

²⁹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 53-КГ19-6.

случая, в результате которого работник был смертельно травмирован, явилось нарушение работодателем технологии производства ремонтных работ. Это нарушение привело к задымлению экскаватора, которое заметил потерпевший. В сложившейся ситуации потерпевший, выполняя работу, которая ему не была поручена, действовал в интересах работодателя, пытаясь спасти имущество работодателя от возгорания и тем самым исключить причинение работодателю ущерба. Действуя подобным образом, потерпевший исполнял возложенную на работника обязанность по бережному отношению к имуществу работодателя. Исполнение работником обязанности по бережному отношению к имуществу работодателя не может быть поставлено в вину работнику и не является основанием для снижения размера компенсации.

Таким образом, с точки зрения изученных правопорядков действия спасателя не разрывают причинную связь между правонарушением ответчика и вредом, причиненным спасателю. Вопрос о перерыве причинной связи может быть поставлен только в тех случаях, когда действия спасателя были безрассудными.

§ 6. Проблема предрасположенности потерпевшего

Легкий удар ладонью по голове в обычных условиях не приводит к какому-либо существенному вреду для здоровья лица, которому нанесен такой удар. Вместе с тем возможны случаи, когда в силу индивидуальных особенностей потерпевшего (например, особенно хрупких костей черепа) такой удар может повлечь тяжкие последствия.

Проблема предрасположенности потерпевшего к определенным заболеваниям или травмам, иногда также именуемая проблемой хрупкого черепа, характеризуется тем, что необходимыми условиями возникновения вреда являются как действие правонарушителя (в отсутствие удара ладонью по голове вред бы не наступил), так и предрасположенность самого потерпевшего (в отсутствие которой вред не наступил бы из-за удара ладонью по голове).

В связи с этим закономерно встает вопрос о возможности освобождения правонарушителя от ответственности или уменьшения размера присуждаемого

потерпевшему возмещения в случае, когда предрасположенность потерпевшего являлась одним из условий возникновения вреда.

Кроме того, заслуживает внимания и соотношение проблемы хрупкого черепа с требованием адекватности (типичности) причинно-следственной связи, ведь если рассматривать данную проблему исключительно с точки зрения теории адекватного причинения²⁹², то легкий удар ладонью по голове не может быть признан причиной смерти потерпевшего, поскольку обычно за такого рода ударом не следуют столь серьезные последствия.

В римском праве слабое здоровье раба, из-за которого раб умер в результате легкого толчка, не являлось основанием для освобождения правонарушителя от ответственности²⁹³.

Общий принцип немецкого права заключается в том, что причинитель вреда отвечает за все последствия, даже если они были обусловлены предрасположенностью потерпевшего²⁹⁴. Имперский Верховный суд Германии, в частности, указывал, что «тот, кто незаконно действует против слабого здоровьем человека, не имеет права на то, чтобы находиться в таком положении, как если бы он причинил повреждение здоровому человеку»²⁹⁵.

Б. Маркезинис, У. Магнус и К. Ларенц отмечают, что данный подход является определенным исключением из теории адекватного причинения (или дополнением к ней), обусловленным политико-правовыми соображениями, а именно

²⁹² Равно как и иных теорий, в основе которых лежит идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода (теория необходимой и случайной причинной связи, теория возможности и действительности, теория отдаленности последствий).

²⁹³ Sirks A.J.B. *Delicts* // *The Cambridge Companion to Roman Law* / Ed. by D. Johnston. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 260; *Digest of European Tort Law*. P. 12 (автор раздела – N. Jansen).

²⁹⁴ Markesinis B., Unberath H. *Op. cit.* P. 111; Fedtke J., Magnus U. *Op. cit.* P. 97–98; Magnus U. *Causation in German Tort Law*. P. 66; *Causation in European Tort Law*. P. 501 (авторы раздела – N. Jansen, D. Käßle-Lamparter, L. Rademacher); Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 367.

²⁹⁵ Larenz K. *Lehrbuch des Schuldrechts. Bd. 1. Allgemeiner Teil*. 14. neubearb. Aufl. Muenchen, Beck, 1987. S. 437, цит. по: Егоров А.В. Указ. соч. С. 77.

стремлением предоставить максимально возможную защиту жизни и здоровью человека²⁹⁶. Вместе с тем он имеет свои ограничения.

Судебная практика Германии не признает предрасположенностью, не имеющей правового значения для вопроса о возмещении вреда, плохое состояние здоровья потерпевшего, вызванное поведением самого потерпевшего (к примеру, злоупотреблением алкоголем). В таких случаях состояние здоровья потерпевшего учитывается судами в рамках обсуждения его вины²⁹⁷. В качестве вины потерпевшего может быть расценено также непринятие им разумных мер, направленных на защиту от реализации рисков, связанных с наличием у него предрасположенности к определенным травмам или заболеваниям²⁹⁸.

Причинно-следственная связь отрицается и тогда, когда физиологические особенности потерпевшего обусловили причинение ему вреда обычными обстоятельствами (например, когда потерпевший получил сердечный приступ из-за того, что другая собака укусила его собаку, или получил серьезную травму ноги в результате того, что ответчик случайно наступил на его ступню), поскольку даже самый слабый и больной человек должен принимать на себя «нормальные жизненные риски»²⁹⁹.

П. Кatala отмечает, что при рассмотрении вопроса о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, французские суды распространяют ответственность правонарушителя вплоть до границ теории равноценных условий, согласно которой причиной вреда является любое его необходимое условие³⁰⁰. То есть с этой точки зрения предрасположенность потерпевшего не должна исключать ответственность правонарушителя.

Французский правопорядок исходит из того, что правонарушитель не может ссылаться на предрасположенность потерпевшего в качестве основания для

²⁹⁶ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65–66; Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 109, 112; Larenz K. Op. cit. S. 437; см. также: Von Bar C. Op. cit. P. 486–487.

²⁹⁷ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 111.

²⁹⁸ Van Dam C. Op. cit. P. 299; Сударев Г.А. Указ. соч. С. 92.

²⁹⁹ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 67; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/4–6; Von Bar C. Op. cit. P. 485; Шапп Я. Указ. соч. С. 138.

³⁰⁰ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 739.

освобождения от ответственности³⁰¹. Например, лицо, причинившее увечье другому лицу, должно возместить ему потерю заработка, если в силу своей предрасположенности пострадавший лишился трудоспособности, хотя большинство людей в такой ситуации сохранило бы возможность трудиться³⁰².

Ж. де ла Морандьер видит обоснование данного подхода в том, что наличие физического предрасположения само по себе не привело бы в соответствующий момент к причинению вреда, решающей и непосредственной причиной которого явилось поведение правонарушителя³⁰³.

Вместе с тем предрасположенность потерпевшего может стать основанием для уменьшения размера присуждаемого возмещения³⁰⁴.

В системе общего права (дело *Smith v. Leech Brain & Co.*, 1962 г.) действует «правило тонкого черепа» ("*thin skull rule*" или "*eggshell skull rule*"), согласно которому, как было сказано Лордом Паркером, правонарушитель «должен принимать потерпевшего таким, каким он его находит» ("*must take victim as he finds him*"), т.е. обязан возместить все убытки, которые возникли у потерпевшего в силу его физических и психических особенностей³⁰⁵. Данное правило применяется большинством английских и американских судов и получило закрепление в Сводах деликтного права³⁰⁶.

³⁰¹ Causation in European Tort Law. P. 492 (автор раздела – С. Quézel-Ambrunaz); Galand-Carval S. Op. cit. P. 58.

³⁰² Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. Munich: Sellier, 2009. P. 3588.

³⁰³ Морандьер Л.Ж. де ла. Указ. соч. С. 405.

³⁰⁴ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3588–3589.

³⁰⁵ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 45; Horton Rogers W.V. Contributory Negligence under English Law. P. 71; Van Dam C. Op. cit. P. 299; Causation in European Tort Law. P. 510 (автор раздела – К. Oliphant); Moore M. Op. cit. P. 235; Green S. Op. cit. P. 38; Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 124; Schwartz G.T. Contributory Negligence under United States Law. P. 229; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 172–173; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/2–3; Цвайгерт К., Кётц Х. Указ. соч. С. 380.

³⁰⁶ Prosser W.L. Op. cit. P. 393; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 143.

«Правило тонкого черепа» признается исключением из воспринятого в общем праве принципа, ограничивающего ответственность правонарушителя разумно предвидимым ущербом³⁰⁷.

У. Проссер указывает, что обсуждаемая проблема ставит вопрос о выборе того, на кого переложить эти убытки — на небрежного ответчика или невиновного истца. Если кому-то представляется несправедливым, что ответчик несет ответственность за вред, который он не мог предвидеть, то не менее несправедливым является отнесение этих убытков на истца, притом что истец не только не мог их предвидеть, но и понес их не из-за собственной небрежности, а из-за действий ответчика. У. Проссер заключает, что решение данной проблемы относится к сфере правовой политики³⁰⁸.

У «правила тонкого черепа» есть и обратная сторона: возмещение, присуждаемое лицу с предрасположенностью, может быть меньше, чем возмещение, которое было бы присуждено здоровому человеку³⁰⁹.

В Проекте общей системы координат европейского частного права (*DCFR*) прямо выражена идея о том, что правонарушитель «должен принимать потерпевшего таким, каким он его находит», — тем самым исключаются ссылки правонарушителя на физическое состояние потерпевшего для освобождения от ответственности. В комментариях к Принципам приводится следующий пример: в результате причинения серьезного вреда здоровью родителям ребенок испытывает сильный шок, требующий лечения. То обстоятельство, что ребенок имел предрасположенность к этому, никак не влияет на вопрос о наличии причинной связи³¹⁰.

Как видно из проведенного анализа, что большинством правопорядков воспринят подход, согласно которому предрасположенность потерпевшего сама по себе не является основанием для освобождения правонарушителя от

³⁰⁷ Von Bar C. Op. cit. P. 486–487; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/3; Цвайгерт К., Кёtz Х. Указ. соч. С. 380.

³⁰⁸ Prosser W.L. Op. cit. P. 397.

³⁰⁹ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 45.

³¹⁰ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3573–3574.

ответственности, однако иногда учитывается при определении размера присуждаемого возмещения. При этом данное решение рассматривается в качестве исключения из общего правила, ограничивающего ответственность типичными или предвидимыми последствиями поведения определенного рода, и обосновывается в первую очередь стремлением обеспечить защиту жизни и здоровья граждан.

Заслуживает внимания и решение проблемы предрасположенности потерпевшего с точки зрения экономического анализа права.

Р. Познер признает, что принцип хрупкого черепа является явной аномалией в правовой трактовке предсказуемости при регулировании непреднамеренных причинений ущерба³¹¹.

Исходной посылкой рассуждения сторонников экономического анализа права является тезис о том, что потенциальные жертвы деликта различаются по своей уязвимости. Наряду с жертвами с хрупкими черепами существуют симметричные случаи, когда сопротивляемость жертвы вредным последствиям является выше средней (условно назовем их потерпевшими с твердыми черепами). Если бы правовая норма ограничивала убытки тем, что можно разумно предвидеть, тогда невезучие правонарушители, нанесящие повреждение жертвам с хрупкими черепами, выплачивали бы среднее возмещение убытков. Везучие же лица, ударившие лиц с твердыми черепами, выплачивали бы возмещение ниже среднего³¹². К примеру, предположим, что четверть людей имеют хрупкий череп и в результате деликта понесут ущерб в размере 400 руб., половина людей имеют обычный череп и понесут ущерб в размере 250 руб., а оставшаяся четверть людей, которые имеют твердый череп, понесет ущерб в размере 100 руб. Ожидаемый размер возмещения в таком случае составит $(0,25 \times 400) + (0,5 \times 250) + (0,25 \times 100) = 250$ руб. Если бы размер ответственности был ограничен 250 руб., то размер

³¹¹ Познер Р. Экономический анализ права. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004. С. 254.

³¹² Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно / Пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода М. Одинцова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 387; Ben-Shahar O. Causation and Foreseeability // Tort Law and Economics / Ed. by M. Faure. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009. P. 102.

возмещения, ожидаемого для причинителя вреда, составил бы $(0,25 \times 250) + (0,5 \times 250) + (0,25 \times 100) = 212,5$ руб.³¹³

Таким образом, среднестатистический причинитель вреда платил бы меньше среднего ущерба, причиненного его правонарушением, что привело бы к ослаблению стимулов потенциальных причинителей вреда к принятию мер предосторожности³¹⁴. Следовательно, довод в пользу присуждения полного возмещения в подобных случаях состоит в том, что для соответствия общей выплачиваемой суммы компенсации понесенному жертвой ущербу в случае хрупкого черепа вред должен возмещаться в полном размере, чтобы уравновесить отсутствие ответственности (или ответственность ниже среднего размера) в случае твердого черепа³¹⁵.

Альтернативой может быть присуждение в каждом случае суммы компенсации, которая соответствовала бы ущербу, понесенному средней жертвой. Если бы правопорядок уменьшал размер вреда для случаев хрупкого черепа до среднего размера, то он должен был бы соответственно увеличить размер возмещения для лиц с твердым черепом до среднего уровня (т.е. путем присуждения им среднего возмещения несмотря на то, что такое возмещение очевидно приведет к сверхкомпенсации). Такой подход, в свою очередь, исказил бы стимулы потенциальных потерпевших к принятию мер предосторожности³¹⁶.

Как видим, с точки зрения экономического анализа права решение проблемы предрасположенности потерпевшего заключается в игнорировании предрасположенности потерпевшего и присуждении ему полного возмещения вреда.

³¹³ Miceli T. *The Economic Approach to Law*. 2nd ed. Stanford University Press, 2009. URL: <https://www.sup.org/economiclaw2/?d=Discussion%20Points&f=Chapter%202.htm> (дата обращения – 13.12.2019).

³¹⁴ Фридман Д. Указ. соч. С. 387; Ben-Shahar O. *Op. cit.* P. 102; Miceli T. *Economics of the Law: Torts, Contracts, Property, Litigation*. University Press, 1997. P. 34.

³¹⁵ Ben-Shahar O. *Op. cit.* P. 102; Познер Р. Указ. соч. С. 254. Вместе с тем отмечается, что если «хрупкий череп» сделал истца уязвимым к другим видам ущерба, любые долгосрочные убытки (например, утраченный заработок в результате затянувшейся инвалидности) должны уменьшаться за счет вероятности его выживания в долгосрочном периоде при всей его слабости (см.: Познер Р. Указ. соч. С. 254).

³¹⁶ Познер Р. Указ. соч. С. 254; Ben-Shahar O. *Op. cit.* P. 102.

В отечественной цивилистической и уголовно-правовой доктрине также было предложено три различных подхода к проблеме тонкого черепа.

Согласно первому предрасположенность потерпевшего не влияет ни на оценку причинной связи между действиями правонарушителя и причиненным вредом, ни на вину правонарушителя. Следовательно, она не исключает ответственности правонарушителя.

Практической основой данной позиции стало решение Верховного Суда СССР по следующему делу³¹⁷. Егорова ударила пятилетнего Женю Самсонова по голове. Женя Самсонов был слабым, болезненным ребенком, перенесшим рахит. Впоследствии ребенок начал чувствовать недомогание и через несколько дней скончался. Экспертизой было установлено, что смерть наступила в результате перелома обеих теменных костей с точечным кровоизлиянием под мягкую мозговую оболочку и сотрясением мозга. Верховный Суд СССР пришел к выводу, что между ударом и смертью ребенка есть причинно-следственная связь, а в действиях Егоровой есть вина (в форме неосторожности), поскольку Егорова должна была осознавать возможность наступления в результате ее действий опасного для жизни ребенка телесного повреждения и возможность его гибели³¹⁸.

А.А. Пионтковский, комментируя указанное решение, обосновывал существование необходимой причинной связи между нанесением удара по голове и наступившей смертью и полагал, что Егорова была обоснованно привлечена к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности³¹⁹.

³¹⁷ Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. № 1. С. 6–9. При этом Т.В. Церетели приводит примеры, когда Верховный Суд СССР отвергал наличие причинной связи ввиду того, что наступлению вредного последствия способствовали особые свойства организма потерпевшего (см.: Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 233).

³¹⁸ Такой вывод суда, возможно, был обусловлен тем, что из обстоятельств дела следовало, что Егорова знала о слабом физическом здоровье ребенка (см.: Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. № 1. С. 8).

³¹⁹ Исаев М.М., Пионтковский А.А. Вопросы уголовного, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., 1947. С. 27–33.

Применительно же к вопросу о гражданско-правовой ответственности приведенная позиция Верховного Суда СССР получила поддержку со стороны В.И. Кофмана³²⁰.

К этому подходу, вероятно, нужно отнести и позицию Б.С. Антимонova, который отмечал, что в данном случае причинная связь существует вне сомнений, вопрос только в виновности лица, причинившего вред, и лица потерпевшего³²¹. Б.С. Антимонов далее пояснял, что закон, отказывая в возмещении вреда только виновному потерпевшему, признает несущественным невиновное поведение потерпевшего, хотя бы это поведение и содействовало возникновению вредоносного результата. Следовательно, сфера потерпевшего рассматривается как нечто данное; за основу принимается ее состояние, которое сложилось до вредоносного вторжения другого лица. Тем самым должны устраняться ссылки на предрасположенность самого потерпевшего к самостоятельному образованию вреда³²².

Е.А. Абросимовой в недавней работе также высказана точка зрения, согласно которой наличие у потерпевшего предрасположенности к определенным заболеваниям не может быть признано основанием для ограничения ответственности причинителя вреда³²³.

Сторонники второго подхода признавали наличие причинной связи между действиями потерпевшего и наступившим вредом, однако, напротив, предлагали освобождать правонарушителя от ответственности в связи с отсутствием в его действиях вины. По мнению Е.А. Флейшиц, в обсуждаемом примере с хрупким черепом причинная связь между поведением правонарушителя и наступившим вредом имеется, но в действиях правонарушителя отсутствует вина (поскольку правонарушитель не мог знать о хрупкости кости, ибо нетипичная хрупкость кости

³²⁰ Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву. С. 257.

³²¹ Антимонов Б.С. Указ. соч. С. 64.

³²² Там же. С. 65.

³²³ Абросимова Е.А. Материально-правовой и коллизионный аспекты критерия предвидимости в праве России и зарубежных стран. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2018. С. 38.

до этого не обнаруживалась), в связи с чем правонарушитель должен быть освобожден от ответственности³²⁴. Аналогичной точки зрения придерживались Л.А. Лунц³²⁵ и В.А. Тархов³²⁶, а в области уголовного права — Т.В. Церетели³²⁷. В современной литературе данную позицию поддерживает А.Б. Бабаев³²⁸.

Третий подход исходил из отсутствия оснований для привлечения правонарушителя к ответственности, но не в связи с невиновностью правонарушителя, а в связи с отсутствием причинно-следственной связи между его действиями и возникшим вредом. Так, М.М. Агарков полагал, что в случае хрупкого черепа достаточные основания для возложения ответственности на правонарушителя отсутствуют, поскольку связь между его действиями и наступившим вредом не относится к типичным причинным связям, с которыми приходится считаться на практике³²⁹.

По мнению Е.А. Суханова, в случаях, когда возникновение вреда здоровью обусловлено предрасположенностью самого потерпевшего, между поведением правонарушителя и возникшим вредом отсутствует причинно-следственная связь, в связи с чем правонарушитель не может быть привлечен к ответственности³³⁰.

Данная точка зрения недавно была поддержана В.А. Беловым, который предлагает решать проблему предрасположенности потерпевшего через разграничение двух видов убытков. Прямые (типичные)³³¹ убытки — убытки, необходимо вызываемые правонарушителем и потому для всякого разумного лица очевидные. Такие убытки возникают от нарушения соответствующего типа всегда. И если в каком-то одном случае такие убытки не возникают, то это рассматривается как некая случайность. Прямые убытки вызываются правонарушением

³²⁴ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 63.

³²⁵ Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Указ. соч. С. 303.

³²⁶ Тархов В.А. Указ. соч. С. 115.

³²⁷ Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. С. 234.

³²⁸ Бабаев А.Б. Указ. соч. С. 408–409.

³²⁹ Гражданское право: учеб. Т. 1 / Под ред. М.М. Агаркова, Д.М. Генкина. М., 1944. С. 327 (автор главы — М.М. Агарков).

³³⁰ Суханов Е.А. Кто возместит причиненный ущерб? М.: Сов. Россия, 1989. С. 26.

³³¹ В.А. Белов указывает, что терминологически правильнее называть данный вид убытков именно типичными или типическими.

необходимо, т.е. предопределяются только и исключительно самым фактом правонарушения и его существом, но не обстоятельствами, в которых оно совершается. Напротив, косвенными (нетипичными) убытками являются убытки, обычно правонарушением данного рода не причиняемые, но в данной конкретной ситуации все-таки (из-за каких-то особенностей) возникшие. Косвенные убытки вызываются не столько существом правонарушения, сколько особыми обстоятельствами его совершения. Критерием разделения убытков на прямые и косвенные выступает характер причинной связи убытков с причинившим их деянием: убытки, вызванные необходимой причинной связью, будут прямыми, случайной — косвенными³³².

Далее В.А. Белов пишет: о том, что легкий удар ладонью по лбу в обычных стандартных условиях способен привести к образованию трещины на черепе, не подозревает никто. Такой ответ подсказывает нормальный жизненный опыт и обыденные представления об устройстве черепа: лобная кость считается одной из самых прочных костей в организме вообще и в черепе в частности. И если, несмотря на это, трещина в черепе от легкого шлепка все же образуется, то такое событие является атипичным и не находится в причинно-следственной связи с действием (шлепком), что исключает ответственность правонарушителя. Если же правонарушитель знал об аномальной хрупкости костей черепа потерпевшего и совершил свой поступок, имея в виду как раз это обстоятельство и даже на него рассчитывая, то нужно задавать вопрос не о том, не влечет ли в обычных стандартных условиях шлепок ладонью по лбу образования трещины в черепе, а о том, не влечет ли шлепок ладонью по лбу образования трещины в черепе лица, страдающего аномальной хрупкостью костей. На последний вопрос, по мнению В.А. Белова, нужно дать положительный ответ. В данной ситуации такие убытки являются типичными, предвидимыми всяким и каждым, а значит, подлежащими возмещению³³³.

³³² Белов В.А. Указ. соч. С. 38.

³³³ Там же. С. 41–42.

Таким образом, М.М. Агарков и В.А. Белов рассматривают проблему предрасположенности потерпевшего через призму теории адекватного причинения и приходят к выводу, который очевидно следует из базового положения данной теории: возникший вред не является типичным последствием легкого удара ладонью по голове, в связи с чем такой удар не может быть признан причиной вреда и не влечет за собой ответственность.

В практике российских судов условно можно выделить три основные позиции в отношении оценки влияния предрасположенности потерпевшего на возмещение причиненного ему вреда.

Во-первых, ссылка на возможную обусловленность возникновения вреда предрасположенностью потерпевшего часто используется судами в качестве повода для отказа в присуждении возмещения из-за недоказанности причинно-следственной связи. К примеру, суд, отказывая в удовлетворении исковых требований о возмещении морального вреда в связи с заболеванием, полученным истцом во время прохождения военной службы, указал, что факт возникновения заболевания в период прохождения военной службы сам по себе не свидетельствует о том, что данное заболевание возникло из-за неправомерных действий должностных лиц по месту службы истца, а не из-за индивидуальных особенностей истца (наследственная предрасположенность, наличие стрессовой ситуации)³³⁴.

Во-вторых, в ряде случаев суды исходят из того, что предрасположенность потерпевшего не свидетельствует об отсутствии причинно-следственной связи и, соответственно, не является основанием для освобождения причинителя вреда от ответственности. Так, в одном из дел суд отметил: то обстоятельство, что одной из причин профессионального заболевания, возможно, являлись индивидуальные

³³⁴ Определение Ленинградского областного суда от 30 октября 2014 г. по делу № 33-5532/2014, см. также: апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2017 г. по делу № 33-34402, апелляционное определение Камчатского краевого суда от 2 августа 2018 г. по делу № 33-1500/2018, апелляционное определение Красноярского краевого суда от 16 июня 2014 г. по делу № 33-5051/2014, решение Братского городского суда Иркутской области от 27 ноября 2017 г. по делу № 2-1441/2017, решение Октябрьского районного суда города Белгорода от 21 декабря 2016 г. по делу № 2-5897/2016.

особенности организма потерпевшего, не исключает ответственность правонарушителя³³⁵.

В-третьих, предрасположенность потерпевшего иногда признается судами в качестве основания для снижения размера возмещения³³⁶.

Как было показано выше, «правило хрупкого черепа» обычно рассматривается в качестве исключения из общего правила об ограничении ответственности правонарушителя обычными (типичными, предвидимыми) последствиями такого рода поведения, применяющегося при рассмотрении вопроса о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью.

При изучении положений гл. 59 ГК РФ можно увидеть, что в ряде случаев российский законодатель наряду с общими правилами возмещения вреда предусматривает специальные правила для ситуаций, когда речь идет о возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина³³⁷.

Так, из п. 2 ст. 1083 ГК РФ следует, что при наличии грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда (если его ответственность наступает независимо от вины) в качестве общего правила допускается полный отказ в возмещении вреда. Между тем данное общее правило не применяется, если речь идет о вреде, причиненном жизни и здоровью гражданина, – в таком случае даже при наличии грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда размер возмещения подлежит снижению, но полный отказ в возмещении вреда не допускается³³⁸.

³³⁵ Решение Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 20 мая 2011 г. по делу № 2-1176/2011; см. также: постановление Президиума Ярославского областного суда от 22 февраля 2006 г. № 44-г-27; определение Липецкого областного суда от 30 мая 2011 г. по делу № 33-1439/2011; решение Октябрьского районного суда города Мурманска от 27 декабря 2013 г. по делу № 2-5432/13.

³³⁶ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 6 октября 2015 г. по делу № 33-16058/2015; решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 13 января 2014 г. по делу № 2-21/14.

³³⁷ Специальные правила, относящиеся к возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, помимо § 2 гл. 59 ГК РФ, специально посвященного данному вопросу, содержатся, в частности, в абз. 2 п. 4 ст. 1073, п. 3 ст. 1076, абз. 2 п. 1 ст. 1078, п. 2 ст. 1083 ГК РФ.

³³⁸ «Если при причинении вреда жизни или здоровью гражданина имела место грубая неосторожность потерпевшего и отсутствовала вина причинителя вреда, когда его ответственность наступает независимо от вины, размер возмещения вреда должен быть уменьшен судом, но полностью отказ в возмещении вреда в этом случае не допускается (пункт 2

В ситуации, когда полный отказ в возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, не допускается даже при наличии грубой неосторожности потерпевшего и отсутствии вины причинителя вреда, было бы непоследовательно отказывать в возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью, если возникновение вреда было обусловлено предрасположенностью потерпевшего. В такой ситуации теоретически на обсуждение может быть поставлен только вопрос о возможности снижения размера присуждаемого возмещения.

Из изложенного можно сделать вывод о том, что российский законодатель рассматривает жизнь и здоровье в качестве особой ценности и предусматривает повышенные гарантии возмещения причиненного им вреда.

С этой точки зрения наличие наряду с общим правилом, ограничивающим ответственность правонарушителя обычными последствиями такого рода поведения, специального правила, регламентирующего возмещение вреда, возникновение которого частично было обусловлено предрасположенностью потерпевшего, не противоречит логике ГК РФ.

Заслуживает внимания и вопрос соотношения проблемы предрасположенности потерпевшего с правилами учета вины потерпевшего (ст. 1083 ГК РФ).

Ст. 1083 ГК РФ допускает снижение размера возмещаемого вреда или отказ в его возмещении при наличии умысла или грубой неосторожности потерпевшего.

С одной стороны, с точки зрения наличия умысла или грубой неосторожности может быть оценено только действие или бездействие потерпевшего. Определенное физическое состояние потерпевшего не может быть проявлением умысла или грубой неосторожности, т.е. предрасположенность не должна охватываться категорией вины потерпевшего.

С другой стороны, п. 2 ст. 1083 ГК РФ допускает снижение размера возмещаемого вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, если грубая

статьи 1083 ГК РФ)» (абз. 2 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина»).

неосторожность самого потерпевшего «содействовала» возникновению или увеличению вреда.

Пленум Верховного Суда РФ, разъясняя положения п. 2 ст. 1083 ГК РФ³³⁹, указал, что вопрос о том, является ли допущенная потерпевшим неосторожность грубой, должен решаться с учетом фактических обстоятельств дела, в частности, с учетом индивидуальных особенностей потерпевшего и его состояния.

Используемая в п. 2 ст. 1083 ГК РФ формулировка («грубая неосторожность самого потерпевшего, которая содействовала возникновению вреда») может охватывать и непринятие потерпевшим разумных мер, направленных на защиту от реализации рисков, связанных с наличием у него предрасположенности к определенным травмам или заболеваниям.

Представляется, что в случаях, когда разумными и необременительными³⁴⁰ мерами потерпевший мог ограничить возможность проявления предрасположенности, может быть поставлен вопрос о снижении размера присуждаемого возмещения по правилам п. 2 ст. 1083 ГК РФ (но не о полном отказе в возмещении вреда). Таким образом, в качестве грубой неосторожности потерпевшего может рассматриваться не само наличие у потерпевшего предрасположенности к определенному заболеванию, а непринятие им разумных и обычных мер, направленных на ограничение возможности проявления последствий такой предрасположенности.

По нашему мнению, допустимость постановки возможности возмещения вреда в зависимость от причин появления предрасположенности (предлагаемая, к примеру, в немецком праве) является достаточно спорной. При наличии такого

³³⁹ Абз. 3 п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

³⁴⁰ Лицо, имеющее предрасположенность к определенному заболеванию или травме, может, к примеру, вообще не выходить из дома или максимально снизить свою активность, чтобы ограничить возможность реализации предрасположенности, однако такие ограничения представляются чрезвычайно жесткими. Если же риски, связанные с предрасположенностью, можно ограничить каким-либо необременительными для лица мерами, то уклонение от принятия этих мер теоретически может быть квалифицировано в качестве грубой неосторожности, способствовавшей причинению вреда.

правила причинитель вреда в любом споре, связанном с предрасположенностью потерпевшего, будет оспаривать «уважительность» причин появления у потерпевшего такой предрасположенности. Кроме того, заболевание или травма, обусловленные предрасположенностью, могут возникнуть через много лет после того периода времени, когда потерпевший занимался порицаемой обществом деятельностью, которая привела к возникновению предрасположенности (к примеру, злоупотреблял алкоголем). Представляется, что будет несправедливым отказывать потерпевшему в возмещении вреда только по той причине, что 20 лет назад его предрасположенность возникла в результате занятия им деятельностью, осуждаемой обществом³⁴¹.

³⁴¹ Здесь может возникнуть вопрос, почему предрасположенность, существование которой обусловлено неприятием лицом разумных и необременительных мер, направленных на ограничение возможности проявления связанных с ней рисков, может стать основанием для снижения размера возмещаемого вреда, а предрасположенность, вызванная общественно порицаемым потерпевшего, таким основанием не является. В данном случае критерием выделения случаев, когда может быть рассмотрен вопрос о снижении размера присуждаемого возмещения, является не причина появления предрасположенности, а наличие у лица с предрасположенностью каких-либо разумных способов ограничения возможности проявления связанных с предрасположенностью рисков.

Глава 2. Осложненные случаи фактической причинной связи

Как было указано выше, для определения того, является ли определенное обстоятельство необходимым условием причинения вреда, используется тест *conditio sine qua non* (в английском праве также именуется как "*but for test*"). Данный тест используется для того, чтобы проверить, наступил ли бы вред, если бы ответчик действовал иным образом. Если бы вред все равно наступил, то поведение ответчика не было условием причинения вреда.

Последовательное применение данного теста в ряде случаев приводит к очевидно несправедливым результатам. Ситуации, когда тест необходимого условия не работает удовлетворительно, можно разделить на две категории.

Первая категория случаев связана с наличием неустранимой неопределенности в отношении причинно-следственной связи при отсутствии сомнений, что к возникновению вреда привели действия одного из нескольких потенциальных причинителей вреда (альтернативная причинная связь).

Вторая категория связана с ситуациями, когда мысленное устранение поведения ответчика из цепи событий не исключает возникновение вреда. Это прежде всего случаи, когда вред, фактически причиненный ответчиком, был или был бы причинен другим лицом (дублирующая причинная связь, опережающая причинная связь, вытесняющая причинная связь). Сюда же можно отнести проблему возмещения расходов, которые были понесены потерпевшим независимо от причинения вреда (проблема превентивных и тщетно понесенных расходов).

Наличие такого рода проблем с применением теста необходимого условия потребовало от законодателей выработки специальных решений. Исследованию таких осложненных случаев фактической причинной связи посвящена вторая глава диссертации.

§ 1. Альтернативная причинно-следственная связь

§ 1.1. Неопределенность на стороне потенциальных причинителей вреда

Альтернативная причинно-следственная связь имеет место в ситуации, когда потерпевшему причиняется вред, однако достоверно определить, какое из обстоятельств явилось действительной причиной вреда, не представляется возможным³⁴². Следовательно, альтернативная причинно-следственная связь характеризуется следующими признаками:

- 1) поведение каждого лица, «вовлеченного» в причинение вреда, могло стать причиной вреда (лица признаются «вовлеченными», если их действия по фактическим, пространственным и временным признакам были связаны с вредом);
- 2) один из правонарушителей точно причинил вред;
- 3) невозможно установить, кто конкретно причинил вред³⁴³.

Простой пример альтернативной причинной связи выглядит следующим образом: потерпевшему был причинен вред упавшим сверху камнем, в то же время рядом пролетел другой камень. Один из камней упал из-за небрежности первого альпиниста, другой – из-за небрежности второго альпиниста. Однако, какой именно камень попал в потерпевшего, установить невозможно (другой распространенный пример: два охотника одновременно стреляют из своих ружей, одна из пуль попадает в третьего охотника; установить, чья пуля попала в третьего охотника, невозможно).

При строгом применении теста необходимого условия требование потерпевшего в данных случаях должно быть отклонено в связи с невозможностью установления действительного причинителя вреда. Таким образом, первым возможным решением проблемы альтернативной причинной связи является

³⁴² Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 140; Oliphant K. Causation in Cases of Evidential Uncertainty: Juridical Techniques and Fundamental Issues // Chicago-Kent Law Review. 2016. Vol. 91. P. 593; Krupa-Lipińska K. The Problem of the Indeterminate Defendant in Tort Law in Europe // Comparative Law Review. 2016. Vol. 22. P. 16.

³⁴³ Steel S. Proof of Causation in Tort Law. Cambridge University Press, 2015. P. 139; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. Wien: Jan Sramek Verlag, 2017. P. 99.

полный отказ в возмещении вреда, причиненного потерпевшему, в силу недоказанности причинной связи.

Такое решение ранее поддерживалось и французскими судами, которые требовали от потерпевшего доказательств не только наличия причинной связи между противоправным поведением и вредом, но и того, что вред причинен конкретным лицом. Кассационный суд несколько раз в своих решениях отмечал, что иск о возмещении ущерба не может быть удовлетворен, если причинно-следственная связь является гипотетической, сомнительной или неопределенной³⁴⁴.

Многими правопорядками такой результат признается несправедливым, в связи с чем вред, причиненный потерпевшему, возмещается, несмотря на невозможность применения теста необходимого условия.

Так, во Франции в определенных случаях допускается солидарная ответственность участников совместной деятельности. Как было указано выше, первоначально французские суды отказывали потерпевшим в возмещении вреда в связи с недоказанностью причинно-следственной связи³⁴⁵, кроме случая, когда можно доказать наличие недостатков в организации совместной деятельности (к примеру, охоты), которые могут быть вменены ее организатору или всем ее участникам³⁴⁶.

Впоследствии получил распространение подход, согласно которому потенциальные причинители вреда, принимавшие участие в совместной деятельности, могут быть привлечены к солидарной ответственности на основе презумпции того, что участие в опасной деятельности является проявлением общей вины (*"faute commune"*)³⁴⁷. Данная концепция позволяет судам привлекать

³⁴⁴ Galand-Carval S. Op. cit. P. 60; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 443; Steel S. Op. cit. P. 153.

³⁴⁵ Galand-Carval S. Op. cit. P. 61; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 748; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3603.

³⁴⁶ Морандьер Л.Ж. де ла. Указ. соч. С. 422.

³⁴⁷ Galand-Carval S. Op. cit. P. 61; Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization // Journal of Civil Law Studies. 2013. Vol. 6. P. 793; Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 52; Digest of European Tort Law. P. 283 (авторы

ответчика к ответственности в случаях, когда невозможно установить степень его участия в причинении вреда³⁴⁸. Например, в одном из дел группа из семи подростков бросала камни в другого подростка, причинив ему вред. Конкретного причинителя установить было невозможно. Все семь подростков были привлечены к солидарной ответственности, так как они принимали участие в деятельности, способной причинить вред³⁴⁹.

Солидарная ответственность может быть возложена также на лиц, контролирующих объект, причинивший вред (доктрина "*garde collective*"). Доктрина коллективного контроля применяется в ситуациях, когда несколько объектов, находящихся под контролем нескольких лиц, оказываются вовлеченными в процесс причинения вреда, и при этом невозможно установить, какой из объектов действительно причинил вред. При этом указанная доктрина не лишает конкретного ответчика возможности доказать, что совершенное им действие не привело или не могло привести к причинению вреда³⁵⁰. В 1975 г. в описанной выше ситуации оба охотника были привлечены к солидарной ответственности, при этом суд основывался на том, что они коллективно контролировали ружья, из одного из которых была выпущена пуля, причинившая вред³⁵¹. Эффект, производимый концепциями совместной деятельности и коллективного контроля, заключается в создании презумпции того, что вред был

раздела – O. Moréteau, F. Lafay); Steel S. Op. cit. P. 155; Krupa-Lipińska K. Op. cit. P. 26–27; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 443.

³⁴⁸ Digest of European Tort Law. P. 284 (авторы раздела – O. Moréteau, F. Lafay).

³⁴⁹ Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 748; Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement: Some Comparative Notes // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 37(3). P. 1612; Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3603; Digest of European Tort Law. P. 366–367 (авторы раздела – O. Moréteau, C. Pellerin-Rugliano).

³⁵⁰ Steel S. Op. cit. P. 156–157; Digest of European Tort Law. P. 364–365 (авторы раздела – O. Moréteau, C. Pellerin-Rugliano); Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 443; Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization. P. 793; Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 52.

³⁵¹ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3603; Catala P., Weir J.A. Op. cit. P. 751; Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1612; Digest of European Tort Law. P. 364–365 (авторы раздела – O. Moréteau, C. Pellerin-Rugliano); Krupa-Lipińska K. Op. cit. P. 26.

причинен несколькими ответчиками, даже если причинная связь с действиями каждого из ответчиков не может быть доказана. Однако применение указанных концепций имеет определенные границы, так как они требуют соблюдения критерия территориальной и временной близости действий ответчиков и наступления вреда, поэтому охотники не будут привлечены к ответственности, если во время выстрелов они стояли на определенном расстоянии друг от друга или стреляли обособленно друг от друга³⁵².

Другим способом решения проблемы альтернативной причинной связи является перераспределение бремени доказывания. Данный подход, в частности, воспринят американскими судами³⁵³. В деле *Summers v. Tice* (1948) суд признал двух охотников, выстрел одного из которых причинил увечье третьему охотнику (истцу), солидарно ответственными перед истцом, перенеся на каждого из двух ответчиков бремя доказывания того, что вред был причинен другим ответчиком, чего ими сделано не было. При этом суд, перераспределяя бремя доказывания, исходил из того, что, во-первых, справедливее возложить риск на двух небрежных ответчиков, чем на невиновного истца, во-вторых, у ответчиков должно быть больше доказательств, позволяющих установить действительную причину вреда³⁵⁴.

Решение по делу *Summers v. Tice* получило поддержку в третьем Своде деликтного права, который закрепил необходимость перенесения бремени доказывания на возможных причинителей вреда³⁵⁵.

Кассационный суд Франции в 2009 г. обновил подход к решению проблемы альтернативной причинности и допустил привлечение альтернативных ответчиков к солидарной ответственности (с сохранением за каждым из ответчиков права

³⁵² Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1613.

³⁵³ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 126.

³⁵⁴ Wright R.W. Causation in Tort Law. P. 1816–1817; Prosser W.L. Op. cit. P. 389–390; Stapleton J. Uncertain causes: asbestos in UK courts // Uncertain Causation in Tort Law / Ed. by M. Martín-Casals, D.M. Papayannis. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 89; Stapleton J. Factual Causation // Federal Law Review. 2010. Vol. 38. P. 481; Steel S. Op. cit. P. 161; Москалец А.П. Множественность лиц в деликтных обязательствах: теория и практика в странах общего права // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 125; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 133.

³⁵⁵ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1603; Oliphant K. Causation in Cases of Evidential Uncertainty. P. 593–594.

доказать, что его действия не стали причиной вреда, и тем самым освободить себя от ответственности). Такой вывод был сделан судом при рассмотрении следующего дела. Истец заболел, болезнь возникла из-за лекарств, которые употребляла его мать в период беременности. В тот период данное лекарство производилось двумя фармацевтическими компаниями, однако на момент рассмотрения спора невозможно было установить, какой из двух компаний были произведены лекарства, которые принимала мать истца. В таких обстоятельствах обе фармацевтические компании были привлечены к солидарной ответственности³⁵⁶.

Решение проблемы альтернативной причинной связи с помощью введения презумпции наличия причинной связи между действиями альтернативных ответчиков и наступившим вредом предлагается и Проектом общей системы координат европейского частного права (*DCFR*). Комментаторы Проекта обосновывают такой подход ссылкой на общую идею справедливости. Лицо, которое нарушает свою обязанность перед потерпевшим или подвергает потерпевшего более высокому риску, не должно освобождаться от ответственности только из-за того, что другое лицо также нарушило свою обязанность перед потерпевшим или подвергло потерпевшего более высокому риску и по этой причине невозможно достоверно определить причинителя вреда. Этот риск должны нести правонарушители, а не потерпевший³⁵⁷.

В научной литературе были высказаны некоторые сомнения в обоснованности принципа, заложенного в решении по делу *Summers v. Tice*. Р. Райт отмечает, что при увеличении числа ответчиков (из которых только один в действительности причинил вред) справедливость возложения риска на всех них уже не представляется столь бесспорной. Кроме того, данное решение часто будет приводить к тому, что истцы не будут получать никакой компенсации. Речь идет о

³⁵⁶ G'sell F. Op. cit. P. 524; Causation in European Tort Law. P. 272 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz); Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization. P. 794–795; Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective. P. 53; Steel S. Op. cit. P. 158–159.

³⁵⁷ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3600; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. P. 100.

том, что для применения правила из дела *Summers v. Tice* необходимо установить наличие всех оснований деликтной ответственности (кроме причинно-следственной связи) в отношении всех ответчиков. Если, например, в истца стреляло 10 человек, но в отношении только трех из них установлена небрежность, то истец не получит никакого возмещения³⁵⁸.

В качестве другого решения проблемы предлагается признать достаточной для привлечения к ответственности потенциальную причинную связь между действиями альтернативных ответчиков и наступившим ущербом.

Данный подход имеет свои истоки в римском праве. Ульпиан анализировал следующий казус: несколько человек бьют раба, который гибнет в результате побоев, при этом установить, чей именно удар привел к гибели раба, не представляется возможным. По мнению Ульпиана, по общему правилу ответственность должен нести только тот, кто нанес рабу решающий удар, который привел к его гибели, однако при наличии неопределенности на стороне возможных причинителей вреда к ответственности должны привлекаться все потенциальные причинители вреда. В такой ситуации потерпевший фактически освобождался от обязанности доказывания причинной связи – для привлечения ответчика к ответственности достаточно было установить, что он совершил противоправное действие, а вред возник в результате противоправного действия такого рода, совершенного кем-то из числа правонарушителей³⁵⁹.

Германское гражданское уложение во втором предложении абз. 1 § 830 прямо предусматривает, что альтернативные причинители должны нести солидарную ответственность перед потерпевшим: «Если несколько лиц, совершая недозволенное действие, сообща причинят вред, то каждый из них отвечает за этот вред. Это правило применяется и тогда, когда нельзя установить, кто из нескольких участников нанес вред своим действием»³⁶⁰.

³⁵⁸ Wright R.W. Causation in Tort Law. P. 1818.

³⁵⁹ Digest of European Tort Law. P. 353 (автор раздела – N. Jansen); Steel S. Op. cit. P. 141.

³⁶⁰ Второе предложение относится именно к случаю альтернативной причинной связи, когда потенциальные причинители вреда действуют отдельно друг от друга, поскольку совместное причинение вреда охватывается первым предложением параграфа. См.: Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1611; Steel S. Op. cit. P. 142.

Абз. 1 (2) § 830 ГГУ применяется при наличии следующих условий:

- несколько лиц, действующие независимо друг от друга (ответчики), совершили действия, которые создали конкретный риск³⁶¹ причинения вреда потерпевшему;
- действия каждого из ответчиков могли привести к вреду, который фактически был причинен потерпевшему;
- действия только одного из ответчиков фактически причинили вред потерпевшему;
- установлено наличие всех условий привлечения к ответственности в отношении каждого из ответчиков, за исключением причинно-следственной связи;
- невозможно установить, действия какого ответчика фактически причинили вред потерпевшему³⁶².

³⁶¹ Условием применения абз. 1 (2) § 830 ГГУ является не просто увеличение риска причинения вреда, а создание конкретного риска причинения вреда. Например, автомобиль истца был поцарапан неустановленным автомобилем. В период времени, когда был причинен вред, в районе, где произошло ДТП, наблюдалось 6 автомобилей. Между тем данное обстоятельство само по себе не свидетельствует о том, что владельцы 6 автомобилей создали конкретный риск причинения вреда автомобилю истца (Steel S. Op. cit. P. 150).

³⁶² Steel S. Op. cit. P. 142–143; Digest of European Tort Law. P. 359 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 445–446; Digest of European Tort Law. P. 387 (автор раздела – H. Koziol); Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3605.

По мнению К. Олифанта и С. Стил, § 830 ГГУ решает проблему альтернативной причинной связи с помощью перераспределения бремени доказывания: действия нескольких ответчиков предполагаются находящимися в причинно-следственной связи с наступившим вредом, пока ими не доказано обратное (Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1612; Steel S. Op. cit. P. 143). Г. Коциоль не соглашается с таким мнением: если рассматривать поведение каждого ответчика, создавшее высокий и конкретный риск возникновения вреда, в отдельности, то причинная связь между поведением каждого из них и наступившим вредом может предполагаться доказанной. Если же рассматривать действия правонарушителей не в отдельности, а вместе, то перенесение бремени доказывания на ответчиков приведет к тому, что презумпция наличия причинной связи будет применяться к обоим ответчикам, т.е. суд должен будет сделать вывод о том, что и действия первого ответчика, и действия второго ответчика причинили вред, хотя достоверно известно, что вред был причинен только одним из них. Таким образом, по мнению Г. Коциоля, альтернативная причинно-следственная связь не связана с процессуальным вопросом распределения бремени доказывания, а проблема решается на уровне материального права, признающего достаточным наличие только потенциальной причинно-следственной связи (Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 142).

Данный спор, по нашему мнению, носит сугубо теоретический характер. Ситуация альтернативной причинной связи предполагает отсутствие возможности доказать, что действие

Положения абз. 1 (2) § 830 ГГУ применяются только при наличии сомнений в отношении установления причинной связи и не подлежат применению, если причинная связь между возникшим вредом и действием одного из ответчиков является установленной. Данный принцип часто объясняется на примере следующего дела, рассмотренного Верховным судом ФРГ в 1978 г. Автомобилист сбил водителя mopeda. После столкновения водитель mopeda остался неподвижно лежать на проезжей части. Сразу после этого на него наехал второй автомобилист, не заметивший человека, лежавшего на дороге. В результате полученных травм водитель mopeda погиб, при этом не представлялось возможным установить, в результате какого ДТП были получены травмы, приведшие к смерти. Верховный суд ФРГ пришел к выводу, что в данном случае смерть потерпевшего находится в причинной связи с действиями первого автомобилиста, который не только причинил вред в результате первой аварии, но и оставил потерпевшего в беспомощной ситуации. По этой причине первый автомобилист должен быть привлечен к ответственности даже в том случае, если будет установлено, что смертельные травмы были получены потерпевшим именно в результате второго ДТП. Абз. 1 (2) § 830 ГГУ имеет ограниченную сферу применения и не подлежит применению, если причинная связь между возникшим вредом и действием одного из ответчиков является установленной. Данная норма не предполагает предоставление потерпевшему «дополнительного» ответчика. Р. Циммерманн и Й. Кляйншмидт, комментируя данное дело, отмечают, что наличие сомнений в отношении того, привело ли поведение второго автомобилиста к гибели потерпевшего, препятствует возможности привлечения второго автомобилиста от ответственности. При ином подходе потерпевший (его правопреемники) был бы освобожден от рисков, которым подвергается каждый потерпевший: от риска несостоятельности правонарушителя и риска невозможности установления

конкретного альтернативного правонарушителя привело к возникновению вреда. С учетом этого процессуальное решение (перенос бремени доказывания на каждого альтернативного правонарушителя) фактически будет приводить к тому же результату, что и материально-правовое решение (солидарная ответственность альтернативных правонарушителей).

причинно-следственной связи. В данном случае нет оснований для того, чтобы ставить потерпевшего в привилегированное положение, поскольку последствия, наступившие в результате второго инцидента, могут быть полностью вменены первому автомобилисту, который оставил потерпевшего в беспомощной ситуации, приведшей к его гибели³⁶³.

Положения абз. 1 (2) § 830 ГГУ также не применяются к ответственности, распределяемой пропорционально доле на рынке ("*market-share liability*"). Концепция "*market-share liability*" не воспринята немецкими судами. К примеру, у истца возникло заболевание, которое было обусловлено принятием истцом в детстве лекарства, производившегося двумя компаниями. Абз. 1 (2) § 830 ГГУ к данным обстоятельствам может быть применен только в том случае, если истец докажет, что он *принимал* лекарство, произведенное *каждой* компанией (не будет достаточным доказать, что он вообще принимал лекарство, производившееся обеими компаниями). Если истец не докажет данное обстоятельство, то сам по себе тот факт, что он принимал лекарство, производившееся двумя компаниями, не станет основанием для применения абз. 1 (2) § 830 ГГУ и возложения на производителей лекарства солидарной ответственности. В таком случае будут применяться общие правила доказывания, т.е. истцу, вероятнее всего, будет отказано в иске в связи с недоказанностью причинно-следственной связи³⁶⁴.

Ф. Быдлински полагает, что в абз. 1 (2) § 830 ГГУ немецкое право снижает требование к причинной связи и допускает привлечение к ответственности на основании потенциальной причинной связи, не требуя от истца доказательств того, что поведение ответчика было необходимым условием вреда. При этом к другим же основаниям ответственности, в частности к противоправности и вине, предъявляются более высокие требования, чем обычно: требуется, чтобы поведение альтернативного ответчика вызвало высокую и реальную вероятность

³⁶³ Digest of European Tort Law. P. 356–357 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Causation in European Tort Law. P. 226–227 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Steel S. Op. cit. P. 148–149.

³⁶⁴ Causation in European Tort Law. P. 281 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Steel S. Op. cit. P. 153.

причинения вреда. Поэтому действия, породившие незначительную вероятность причинения вреда, не могут влечь гражданско-правовую ответственность³⁶⁵.

Ф. Быдлински видит основание для возложения ответственности на альтернативных ответчиков в том, что наличие у потерпевшего права требовать возмещения вреда уже установлено, а неясным остается только вопрос о том, чьи именно действия стали основанием для возникновения такого права. Этим, по его мнению, оправдывается признание в качестве достаточного условия для ответственности наличия противоправного, виновного поведения, являющегося опасным и потенциально причинно-связанным с наступившим вредом³⁶⁶. К. Канарис обращал внимание на то, что освобождение лица, которое с высокой долей вероятности причинило вред, от ответственности только на том основании, что вред мог быть причинен кем-то еще, является необоснованной привилегией. Кроме того, К. Канарис обосновывает солидарную ответственность альтернативных причинителей вреда тем, что именно их противоправное и виновное поведение привело к возникновению неустранимой неопределенности³⁶⁷.

В Англии солидарная ответственность альтернативных правонарушителей предусмотрена для дел, связанных с заболеваниями работниками мезотелиомой³⁶⁸.

У. Гортон Роджерс и К. Олифант отмечают, что в соответствии с английским правом в обычной ситуации (к примеру, в казусе с двумя охотниками) иск пострадавшего не должен быть удовлетворен, поскольку вероятность того, что причиненный вред является результатом действий одного из ответчиков, никогда не превысит 50%, что в силу теста баланса вероятностей (*"balance of*

³⁶⁵ Bydlinski F. Causation as a Legal Phenomenon // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 18; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 143.

³⁶⁶ Цит. по: Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 142.

³⁶⁷ Цит. по: Ibidem.

³⁶⁸ Мезотелиома – редкая форма рака тканей, выстилающих внутренние органы, основным фактором развития которой является воздействие асбеста.

Механизм образования такой формы рака наукой пока достоверно не установлен. Известно, что чем больше человек контактирует с асбестом, тем выше риск заболевания мезотелиомой, однако данное заболевание может возникнуть и в результате единичного контакта с асбестовой пылью (см.: Stapleton J. Uncertain causes: asbestos in UK courts. P. 90; Green S. Op. cit. P. 125; Krupa-Lipińska K. Op. cit. P. 23).

probabilities")³⁶⁹ исключает возможность удовлетворения требования потерпевшего³⁷⁰.

Между тем данный подход не будет применяться к искам работников о возмещении вреда в связи с заболеванием мезотелиомой³⁷¹. При рассмотрении данной категории дел английские суды отходят от принципа баланса вероятностей, что позволяет им более гибко рассматривать проблему альтернативной причинной связи.

В 2002 г. в деле *Fairchild v. Glenhaven Funeral Services* Палата Лордов столкнулась с иском работника, заболевшего мезотелиомой при осуществлении трудовой деятельности в связи с вынужденным контактом с асбестом, к компаниям, являвшимся в разное время его работодателями. В связи с длительным инкубационным периодом мезотелиомы и неуверенностью ученых в ее этиологии невозможно было установить на основе баланса вероятностей, что конкретный ответчик причинил вред здоровью истца. Несмотря на это, судьи допустили предъявление требования о возмещении вреда ко всем работодателям, которых признали ответственными на основании их вклада в увеличение риска заболевания болезнью. Суд учел тот факт, что несправедливость привлечения работодателя к ответственности без доказательств того, что он причинил истцу вред, сильно перевешивается несправедливостью лишения компенсации потерпевшего, которому несомненно был причинен вред в результате материализации риска, увеличению вероятности которого неправомерно способствовали ответчики³⁷².

³⁶⁹ Согласно общему правилу доказывания, используемому в английском праве, истец должен доказать, что действие ответчика являлось необходимым условием вреда на основе баланса вероятностей (*on the balance of probabilities*), т.е. истец должен убедить суд в том, что вред, более вероятно, чем нет (с вероятностью более 50%), не наступил бы в отсутствие противоправного поведения ответчика (Steele J. Op. cit. P. 172; Mulheron R. Op. cit. P. 412; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 293).

³⁷⁰ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 50; Causation in European Tort Law. P. 317–318 (автор раздела – К. Oliphant).

³⁷¹ Causation in European Tort Law. P. 318 (автор раздела – К. Oliphant).

³⁷² Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1613; Digest of European Tort Law. P. 379–378 (автор раздела – К. Oliphant); Mulheron R. Op. cit. P. 421; Steel S. Op. cit. P. 168–169; Sanders J. Risky Business: Causation in Asbestos Cancer Cases (and Beyond?) // Perspectives on Causation / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011. P. 26–28; Morgan J. Causation, Politics and Law: The English – and Scottish – Asbestos Saga // Perspectives on Causation / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011. P. 59–61; Егорова М.А., Крылов В.Г.,

Между тем в деле *Fairchild v. Glenhaven Funeral Services* Палата Лордов, признав всех работодателей ответственными за причинение вреда работнику, не уточнила, в солидарном или долевом порядке ответчики должны нести ответственность³⁷³.

Данный вопрос был разрешен Палатой Лордов четыре года спустя в решении по делу *Barker v. Corus (UK) Ltd.* (2006). Палата Лордов отметила, что ответчики должны нести долевую ответственность, при этом размер доли каждого ответчика соответствует размеру риска заражения мезотелиомой, которому конкретный ответчик подверг потерпевшего³⁷⁴.

Такое решение вызвало незамедлительную реакцию со стороны рабочего движения, и через несколько недель Парламент Законом о компенсации (2006) восстановил принцип солидарной ответственности всех работодателей применительно к заболеваниям мезотелиомой³⁷⁵.

В 2011 г. при рассмотрении дела *Sienkiewicz v. Greif (UK) Ltd* судья Верховного суда Великобритании Лорд Браун обращал внимание на то, что подход, изложенный в деле *Fairchild v. Glenhaven Funeral Services*, является исключением из общего правила, предусмотренным только для разрешения споров, связанных с заболеваниями мезотелиомой³⁷⁶.

Вместе с тем в английской литературе высказываются мнения о допустимости распространения подхода, поддержанного в решении по делу *Barker v. Corus (UK) Ltd.* (2006) (долевая ответственность альтернативных причинителей вреда), на случаи альтернативной причинной связи, не связанные с заболеваниями мезотелиомой³⁷⁷, а в деле *International Energy Group Ltd v. Zurich Insurance Plc UK*

Романов А.К. Указ. соч. С. 235–236.

³⁷³ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 299; Mulheron R. Op. cit. P. 434.

³⁷⁴ Sanders J. Op. cit. P. 28–30; Steel S. Op. cit. P. 228–229; Mulheron R. Op. cit. P. 422–423, 434; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 300; Stapleton J. Uncertain causes: asbestos in UK courts. P. 91; Green S. Op. cit. P. 128; Епихина Д.О. Указ. соч. С. 94.

³⁷⁵ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1615; Morgan J. Op. cit. P. 77–79; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 300; Steel S. Op. cit. P. 231.

³⁷⁶ Mulheron R. Op. cit. P. 429; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 302.

³⁷⁷ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 297, 302, 303; Mulheron R. Op. cit. P. 430, 439; Steel S. Op. cit. P. 169, 232; Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1615.

(2015) судья Верховного суда Великобритании Лорд Сампсон отметил, что «Акт Парламента 2006 г. оставил общее право неизменным, лишь предусмотрев исключение для случаев заболевания мезотелиомой»³⁷⁸.

Таким образом, следующим возможным решением проблемы альтернативной причинной связи является долевая ответственность альтернативных ответчиков.

Такое решение предлагается Принципами европейского деликтного права (ст. 3:103) и австрийским проектом по реформе деликтного права (§ 1294).

Так, ст. 3:103 Принципов европейского деликтного права, устанавливая долевую ответственность потенциальных причинителей вреда, рекомендует определять размер доли каждого ответчика пропорционально вероятности, с которой он мог причинить вред потерпевшему: «При множественности действий, каждое из которых само по себе могло быть достаточным для причинения вреда, однако невозможно определить, какое из них фактически причинило вред, каждое действие признается причиной в размере, соответствующем вероятности, с которой оно могло причинить вред потерпевшему».

Авторы Принципов отмечают, что отсутствуют убедительные доводы в пользу того, чтобы кто-то платил за весь вред, который он, возможно, не причинил, с другой стороны, отказ потерпевшему в каком-либо возмещении будет слишком суровой мерой³⁷⁹.

Э. Штарк указывает, что в ситуации альтернативной причинной связи речь идет об ответственности в отсутствие доказанной причинной связи, в связи с чем на альтернативных ответчиков не должна возлагаться такая жесткая мера, как солидарная ответственность. Кроме того, отмечается, что решение о солидарной ответственности альтернативных ответчиков необоснованно переносит риск несостоятельности одного из альтернативных ответчиков с потерпевшего на другого альтернативного ответчика. Если бы было установлено, что вред был причинен только одним из альтернативных ответчиков, то в случае его

³⁷⁸ Krupa-Lipińska K. Op. cit. P. 32.

³⁷⁹ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1616.

несостоятельности требование потерпевшего не было бы удовлетворено. Потерпевший не может быть освобожден от этого риска только в силу наличия неопределенности в фигуре действительного причинителя вреда³⁸⁰.

В поддержку решения о долевой ответственности также приводятся следующие аргументы: отмечается, что распределение ответственности за причиненный вред знакомо практически всем правовым порядкам применительно к случаям вины кредитора, поэтому разрешение проблемы путем механизма долевой ответственности не будет чем-то новым³⁸¹.

Критики распределения ответственности между альтернативным ответчиком и потерпевшим указывают на то, что последовательное применение такого подхода приведет к тому, что любое сомнение относительно причинной связи автоматически породит ситуацию альтернативной причинной связи. Абсолютно на всех лиц, кто действовал неправомерно и виновно и тем самым, вероятно, мог причинить вред, должна быть возложена обязанность по возмещению определенной части причиненного вреда. Для решения данной проблемы сторонниками долевого подхода для целей оценки вероятности того, что конкретное действие стало причиной вреда, предлагается установить некий порог существенности (к примеру, 10%) и только при превышении данного порога использовать механизм долевой ответственности. Кроме того, применение долевой ответственности исключается (присуждается полное возмещение) в случаях, когда вероятность того, что вред был причинен не в результате поведения ответчика, не превышает порогового значения³⁸².

В российской науке А.А. Ягельницкий³⁸³ и С.В. Назариков³⁸⁴ предлагают

³⁸⁰ Цит. по: Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 146; см. также: Koch B.A. Multiple Tortfeasors in Mass Tort Cases // Mass Torts in Europe: Cases and Reflections / Ed. by W.H. van Boom; G. Wagner. Berlin: De Gruyter, 2014. P. 177–178.

³⁸¹ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 140.

³⁸² Faure M.G., Bruggeman V. Causal Uncertainty and Proportional Liability // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 114. См. также: Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 149.

³⁸³ Гражданское право. Учебник: Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов – М.: Статут, 2019. С. 528 (автор главы – А.А. Ягельницкий).

³⁸⁴ Назариков С.В. Указ. соч. С. 187.

решать проблему альтернативной причинной связи путем возложения на потенциальных причинителей вреда солидарной ответственности. С.В. Назариков, в частности, обосновывает данную позицию допустимостью расширительного толкования ст. 1080 ГК РФ, устанавливающей солидарную ответственность совместных причинителей вреда, а также ссылкой на положительный опыт и практику близких к российскому правопорядков³⁸⁵.

Представляется, что для проблемы альтернативной причинной связи наиболее правильным решением является возложение долевой ответственности на потенциальных причинителей вреда.

По общему правилу бремя доказывания причинно-следственной связи несет потерпевший. Суды, столкнувшись с проблемой альтернативной причинности, могли бы просто отказывать потерпевшим в возмещении вреда в связи с недоказанностью причинной связи. Вместо этого правопорядки вводят «льготу» для потерпевших, предусматривая солидарную или долевую ответственность для потенциальных причинителей вреда.

В ситуации, когда оба потенциальных причинителя вреда являются платежеспособными, применение обоих подходов будет приводить к одинаковому результату (в случае возложения солидарной ответственности на потенциальных причинителей вреда ответственность между ними будет распределена на стадии реализации потенциальным причинителем вреда, выплатившим потерпевшему возмещение в полном объеме, права регрессного требования ко второму потенциальному причинителю вреда).

Но ситуация меняется, если один из потенциальных причинителей вреда является несостоятельным. Представим ситуацию альтернативной причинной связи с двумя потенциальными причинителями вреда (ответчиками), при этом вред в размере 100 руб. фактически был причинен несостоятельным ответчиком (однако это обстоятельство не известно ни сторонам спора, ни суду). При решении проблемы альтернативной причинной связи с помощью солидарной ответственности состоятельный ответчик выплатит возмещение вреда, который он

³⁸⁵ Там же.

не причинял, и не будет иметь фактической возможности переложить часть своих расходов на второго ответчика (состоятельный ответчик фактически причинил вред в размере 0 руб., но выплатил возмещение в размере 100 руб.). Если же будет применяться механизм долевой ответственности, то состоятельный ответчик возместит только половину вреда, который он фактически не причинял (состоятельный ответчик фактически причинил вред в размере 0 руб., но выплатил возмещение в размере 50 руб.), что является менее несправедливым решением.

На это могут ответить, что в зеркальной ситуации, когда вред фактически был причинен состоятельным ответчиком, солидарная ответственность будет более справедливым результатом (состоятельный ответчик фактически причинил вред в размере 100 руб. и выплатил возмещение в размере 100 руб.), чем долевая ответственность (состоятельный ответчик фактически причинил вред в размере 100 руб. и выплатил возмещение в размере 50 руб.).

Но проблема заключается в том, что мы никогда не узнаем, кто из ответчиков фактически причинил вред. При солидарной ответственности всегда сохраняется 50% риск возложения на ответчика обязанности возмещения вреда, который фактически был причинен не им, а иным лицом. При долевой ответственности будет сохраняться 50% риск возложения на ответчика обязанности возмещения половины вреда, который фактически был причинен иным лицом. С учетом того, что риск возложения ответственности на лицо, которое не причинило вред, невозможно устранить, по нашему мнению, нужно выбрать решение, предполагающее меньший объем последствий реализации несправедливого сценария (возложения ответственности на ответчика, фактически не причинившего вред), а именно долевую ответственность потенциальных причинителей вреда³⁸⁶.

В ситуации наличия неустранимой неопределенности нужно распределить последствия, связанные с этой неопределенностью, между потерпевшим и потенциальными причинителями вреда. Отказ в возмещении вреда и возложение солидарной ответственности на потенциальных причинителей вреда представляют

³⁸⁶ См. схожую аргументацию: Steel S. Op. cit. P. 194–195.

собой две крайности³⁸⁷. Долевая же ответственность обеспечивает необходимый баланс и является некой «золотой серединой». Кроме того, в пользу решения проблемы альтернативной причинной связи путем возложения на потенциальных причинителей вреда долевой ответственности говорит и то, что данный механизм может быть применен к осложненным случаям альтернативной причинной связи, тем самым обеспечивая единство подхода к решению проблемы альтернативной причинной связи (см. об этом далее).

Размер доли каждого потенциального причинителя вреда должен определяться пропорционально вероятности того, что именно его действия стали причиной вреда. При определении размера доли ответственности каждого потенциального причинителя вреда можно руководствоваться ориентирами, заложенными в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49, в частности, могут учитываться период, объем и интенсивность потенциально вредоносного поведения. К примеру, если в казусе с двумя охотниками первый охотник выстрелил 3 раза, а второй – 1 раз, то ответственность между ними можно распределить в пропорции 75% и 25%.

При невозможности определения вероятностей причинения вреда конкретными потенциальными причинителями их доли должны предполагаться равными (по правилам ст. 321, п. 2 ст. 1081 ГК РФ).

§ 1.2. Неопределенность на стороне потенциальных причинителей вреда, при условии, что одной из потенциальных причин является обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего

Осложненный пример альтернативной причинной связи отличается от классического казуса тем, что второй возможной причиной вреда является либо событие, за которое ни альтернативный ответчик, ни потерпевший не отвечают (например, второй камень упал в результате действий животного), либо

³⁸⁷ Как отмечал А.А. Симолин, возложение обязанности по возмещению вреда на лицо, не виновное в его причинении, является в той же мере жестким и несправедливым, как и оставление потерпевшего без какого-либо возмещения (Симолин А.А. Указ. соч. С. 9).

собственное поведение потерпевшего (к примеру, второй камень был подброшен вверх самим потерпевшим)³⁸⁸.

Одной крайностью является присуждение потерпевшему полного возмещения в случае, если он сможет доказать наличие причинно-следственной связи между поведением ответчика и причиненным ему вредом. Если истцу не удастся это доказать, то он не получит ничего (подход «все или ничего»). Г. Коциоль отмечает: принятие подхода «все или ничего» на практике приведет к тому, что потерпевшие никогда не будут получать возмещение вреда (из-за объективной сложности доказывания причинно-следственной связи)³⁸⁹.

Верховный суд ФРГ в ряде дел подтверждал, что в случаях, когда одной из потенциальных причин вреда является внешнее обстоятельство или поведение самого потерпевшего, правила абз. 1 (2) § 830 ГГУ не подлежат применению. Абз. 1 (2) § 830 ГГУ предоставляет «льготу» потерпевшим, столкнувшимся с проблемой невозможности доказать причинно-следственную связь, если иные основания ответственности (кроме причинной связи) установлены в отношении всех потенциальных причинителей вреда. Если же сохраняется вероятность того, что ни один из потенциальных причинителей вреда в действительности не причинил вред, то пренебрежение их интересами не может быть оправдано необходимостью предоставления защиты потерпевшему³⁹⁰.

Вместе с тем такой подход критиковался в немецкой литературе, а в качестве альтернативы предлагалась распределение ответственности между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим в соответствии с вероятностью, с которой вред мог быть причинен поведением потенциального причинителя вреда или обстоятельством, относящимся к собственной сфере потерпевшего³⁹¹.

³⁸⁸ Далее для удобства изложения мы будем использовать термин «обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего».

³⁸⁹ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 147.

³⁹⁰ Digest of European Tort Law. P. 393–394 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Causation in European Tort Law. P. 304 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Steel S. Op. cit. P. 144–145.

³⁹¹ Larenz K., Canaris W. Lehrbuch des Schuldrechts. Vol. II/2, 13th ed. 1994. S. 576, 579 (цит. по: Digest of European Tort Law. P. 395); Bodewig T. Probleme alternative Kausalität bei Massanschaden // Archiv für die civilistische Praxis. 1985. S. 537 (цит. по: Digest of European Tort

В Англии общее правило³⁹² решения обсуждаемой проблемы основано на принципе баланса вероятностей, в связи с чем в удовлетворении иска потерпевшего к потенциальному причинителю вреда будет отказано (поскольку вероятность того, что вред был причинен в результате действий потенциального причинителя не превышает 50%)³⁹³.

Другой крайностью является возложение на ответчика полной ответственности при сохранении существенной вероятности того, что вред, причиненный потерпевшему, был вызван его собственными действиями или внешним обстоятельством.

Такой подход применяется в Англии в ситуациях, когда потерпевший, заболевший мезотелиомой, контактировал с асбестовой пылью как в период своей работы по найму, так и в период своей самозанятости.

В 2006 г. в решении по делу *Barker v. Corus (UK) Ltd.* Палата Лордов указала, что потерпевший вправе требовать от своего работодателя возмещения вреда даже в том случае, если потерпевший контактировал с асбестовой пылью в том числе и в период самозанятости³⁹⁴. Вопрос о том, отвечает работодатель в полном объеме или только в размере, пропорциональном его вкладу в риск заболевания потерпевшим, был разрешен Верховным судом Великобритании в 2011 г. в решении по делу *Sienkiewicz v. Greif (UK) Ltd* Верховный суд Великобритании указал, что работодатель должен нести ответственность в полном объеме³⁹⁵. Обоснованность данного правила подвергается сомнению в английской литературе. В частности, критики решения обращают внимание на несправедливость возложения на работодателя ответственности по возмещению вреда в полном объеме в случаях, когда работодатель ответствен только за малую часть воздействия на потерпевшего асбестовой пыли (к примеру, в случаях, когда потерпевший в период работы по найму контактировал с асбестовой пылью в

Law. P. 395).

³⁹² Данное общее правило не применяется в делах, связанных с заболеваниями мезотелиомой.

³⁹³ Causation in European Tort Law. P. 317–318 (автор раздела – К. Oliphant).

³⁹⁴ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 300.

³⁹⁵ Mulheron R. Op. cit. P. 434; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 301.

течение двух недель, а в период самозанятости – в течение шести месяцев)³⁹⁶.

Третьим решением является перенесение бремени доказывания на потенциального причинителя вреда. Данный подход получил поддержку в решении Кассационного суда Франции по следующему делу. Женщина гуляла с собакой. Во время прогулки на ее собаку напала другая собака. Женщина попыталась разнять животных, однако одна из собак ее укусила. Установить, какая именно собака укусила женщину, невозможно. Пострадавшая обратилась с иском в суд к собственнице второй собаки. Суд первой инстанции распределил ответственность между владельцами собак. Суд апелляционной инстанции отменил данное решение и отказал в удовлетворении иска со ссылкой на то, что собственница второй собаки не может быть привлечена к ответственности с учетом отсутствия доказательств, подтверждающих, что ее собака покусала пострадавшую женщину. Кассационный суд, проведя аналогию с концепцией «коллективного контроля» ("*garde collective*"), пришел к выводу о том, что собственница второй собаки отвечает за возникший вред, если не докажет, что ее собака не имеет отношения к причиненному вреду или что вред был вызван обстоятельством непреодолимой силы³⁹⁷.

Следующим возможным подходом является распределение ответственности между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим. Ф. Быдлински³⁹⁸ и Г. Коциоль³⁹⁹ предлагают на ответчика возложить частичную ответственность на основе потенциальной причинно-следственной связи (при условии, что действия ответчика создали высокую вероятность причинения вреда), а на потерпевшего – риск того, что вред вызван обстоятельством, за которое никто не отвечает, или причинен собственными действиями потерпевшего. Ф. Быдлински отмечает, что было бы несправедливо возлагать весь риск на ответчика путем снижения стандарта доказывания для потерпевшего. С другой стороны, вред не может

³⁹⁶ McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 301.

³⁹⁷ Digest of European Tort Law. P. 403–404 (авторы раздела – O. Moréteau, F. Lafay, C. Pellerin-Rugliano).

³⁹⁸ Bydlinski F. Op. cit. P. 19.

³⁹⁹ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 147–148.

полностью быть отнесен на самого потерпевшего, если имеется существенная вероятность того, что вред мог быть причинен ответчиком⁴⁰⁰.

Подход, основанный на распределении ответственности между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим, получил поддержку в Принципах европейского деликтного права⁴⁰¹ и австрийском праве⁴⁰².

Критики распределения ответственности между альтернативным ответчиком и потерпевшим указывают на то, что последовательное применение такого решения приведет к тому, что любое сомнение относительно причинной связи автоматически должно будет порождать ситуацию альтернативной причинной связи. Во всех случаях, когда причинная связь не может быть установлена со 100%-ной вероятностью, необходимо будет сделать вывод о том, что причинение вреда вызвано обстоятельством, за которое никто не отвечает.

Г. Коциоль указывает, что данная аргументация не учитывает того факта, что распределение ответственности применяется только в том случае, если два обстоятельства создали очень высокую степень риска и, таким образом, являются потенциальными причинами, а не при наличии любого сомнения относительно причинной связи⁴⁰³.

Осложненный пример альтернативной причинной связи, когда одной из причин вреда является обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего, не может быть разрешен путем возложения полной ответственности на потенциального причинителя вреда (солидарной ответственности в случае, если потенциальных причинителей вреда было несколько) или перенесения бремени доказывания на потенциального причинителя вреда. Если в обычном случае такое решение обосновывается тем, что лучше возложить риск на двух небрежных ответчиков, чем на невиновного истца, то в данном случае этот аргумент не работает, так как одной из потенциальных причин вреда является поведение самого потерпевшего или обстоятельство, за которое никто не отвечает.

⁴⁰⁰ Цит. по: Digest of European Tort Law. P. 396–397.

⁴⁰¹ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1624.

⁴⁰² Digest of European Tort Law. P. 396–397 (автор раздела – B.A. Koch).

⁴⁰³ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 149.

С другой стороны, несправедливым будет и оставление потерпевшего вообще без какого-либо возмещения только в связи с невозможностью достоверного установления причинно-следственной связи.

В связи с этим данная проблема также должна решаться путем распределения последствий возникновения вреда пропорционально вероятности, с которой определенное обстоятельство является его причиной. Если в простом примере альтернативной причинной связи ответственность распределяется между двумя потенциальными причинителями вреда, то здесь последствия возникновения вреда «делятся» между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим.

Такое решение обеспечивает последовательность в решении проблемы альтернативной причинной связи. Так, в Германии в случае, когда вред мог быть причинен в результате действий одного из нескольких третьих лиц, на них возлагается солидарная ответственность, а если потенциальными причинами вреда являются действия третьего лица и обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего, последний не получает никакого возмещения. Распределение ответственности между потенциальными причинами вреда (между потенциальными причинителями вреда в обычной ситуации и между потенциальным причинителем вреда и потерпевшим в осложненной ситуации альтернативной причинности) позволяет обеспечить единый подход к решению проблемы альтернативной причинной связи.

§ 1.3. Неопределенность как на стороне потенциальных причинителей вреда, так и на стороне потерпевших

Еще более сложный пример альтернативной причинной связи характеризуется наличием неопределенности не только на стороне потенциальных причинителей вреда, но и на стороне потерпевших:

- 1) поведение каждого альтернативного ответчика причинило вред одному из альтернативных потерпевших;
- 2) каждому альтернативному потерпевшему причинен вред одним из альтернативных ответчиков;

3) невозможно установить, кто именно из числа альтернативных ответчиков причинил вред конкретному потерпевшему (невозможно соотнести альтернативных ответчиков и альтернативных потерпевших между собой).

В казусе с альпинистами данный вид альтернативной причинной связи будет выглядеть следующим образом: два альпинисты уронили по одному камню, один из которых попал в первого потерпевшего, а другой – во второго потерпевшего, причинив им вред, при этом невозможно установить, чей камень попал в первого потерпевшего, а чей – во второго потерпевшего.

Аналогичная проблема встает и в так называемых массовых деликтах, например, при причинении вреда большому количеству покупателей товарами плохого качества, которые поставлялись на рынок несколькими производителями.

Наиболее простым решением является отказ в удовлетворении иска в связи с недоказанностью причинной связи. По мнению С. Галан-Карваль, такое решение, вероятнее всего, будет вынесено французским судом⁴⁰⁴.

Вместе с тем в литературе отмечается, существование в судебной практике различных стран тенденции толковать неопределенность в причинной связи против потенциальных причинителей вреда⁴⁰⁵.

Первым вариантом решения проблемы в пользу потерпевших может быть прикрепление конкретного потерпевшего к конкретному правонарушителю, но это будет очевидно нарушать принцип равенства, поскольку кому-то может достаться несостоятельный ответчик. Такое решение переносит риск несостоятельности одного из правонарушителей на одного из пострадавших, что представляется несправедливым⁴⁰⁶.

Другим механизмом решения проблемы является перенесение бремени доказывания на потенциального причинителя вреда (перенесение риска неопределенности в причинной связи на потенциального причинителя вреда). Однако такое решение возлагает на потенциального причинителя вреда

⁴⁰⁴ Galand-Carval S. Op. cit. P. 61.

⁴⁰⁵ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 105.

⁴⁰⁶ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 161.

обязанность возместить весь вред, который был причинен всем потерпевшим (поскольку потенциальный причинитель вреда в большинстве случаев не сможет доказать, что не его действия стали причиной вреда), хотя в действительности потенциальный причинитель вреда мог только увеличить общее количество потерпевших⁴⁰⁷.

С одной стороны, вероятно, могут существовать некоторые основания для возложения на потенциального причинителя вреда ответственности за вред, который мог быть причинен другим лицом (в частности, желание защитить интересы невиновных потерпевших), с другой стороны, существуют большие сомнения в справедливости и эффективности такого подхода.

Другим возможным решением проблемы является возложение на каждого ответчика солидарной ответственности перед каждым потерпевшим (такой подход получил поддержку в праве Нидерландов)⁴⁰⁸. С одной стороны, такое решение может быть оправдано тем, что каждый из альтернативных ответчиков точно причинил кому-то вред, т.е. ответственность не будет возложена на лиц, которые никому вреда не причиняли. С другой стороны, нельзя забывать о том, что каждый из виновных альпинистов причинил вред только одному пострадавшему и не может нести ответственность перед всеми пострадавшими. Солидарная ответственность перед каждым из пострадавших возлагает на альтернативного ответчика обязанность возместить вред лицу, которому он точно никакого вреда не причинял⁴⁰⁹.

Учитывая недостатки приведенных подходов, Г. Коциоль⁴¹⁰ и Т. Бодеви⁴¹¹ предлагают в качестве оптимального решения долевую ответственность каждого

⁴⁰⁷ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 106.

⁴⁰⁸ Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 449–451; Digest of European Tort Law. P. 370–371 (авторы раздела – W.H. van Boom, I. Giesen); Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 159; Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1616.

⁴⁰⁹ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 160.

⁴¹⁰ Ibidem.

⁴¹¹ Bodewig T. Probleme alternative Kausalität bei Massanschaden (цит. по: Verheyen R. Climate Change Damage and International Law: Prevention, Duties and State Responsibility. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2005. P. 293).

причинителя вреда перед каждым потерпевшим⁴¹².

Применительно к массовым деликтам ответственность альтернативных ответчиков теоретически может быть распределена пропорционально доле, занимаемой конкретным производителем на соответствующем рынке, однако такой подход не был пока воспринят в немецкой⁴¹³, французской⁴¹⁴ и английской⁴¹⁵ судебной практике.

Проблема массовых деликтов известна и США, но среди американских судов отсутствует единый подход к проблеме. Некоторые суды отказывают в возмещении вреда полностью. Другие суды взыскивают с производителей в пользу конкретных потерпевших возмещение вреда, пропорциональное их доле на рынке⁴¹⁶. Так, в деле *Sindell v. Abbott Laboratories* (1980) Верховный суд штата Калифорния скорректировал подход, изложенный в деле *Summers v. Tice*. Суд отметил, что потерпевший может предъявить иск не ко всем компаниям, действующим на соответствующем рынке, а только к компаниям, составляющим «значительную долю» на рынке (точный размер такой доли не определен и примерно находится в диапазоне между 50 и 75%). Суд предложил исходить из долевой ответственности каждого ответчика пропорционально его доле на соответствующем рынке. Критерий «значительной доли» на рынке был введен для того, чтобы гарантировать реальную вероятность того, что компания, которая действительно причинила вред истцу, предстала перед судом⁴¹⁷.

Г. Харт и Т. Оноре отмечают, что производитель признается членом группы

⁴¹² Р. Циммерманн и Й. Кляйншмидт указывают, что такая позиция получила отражение в одном из решений апелляционного суда Нойштадта 1957 г. (Digest of European Tort Law. P. 448–449 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt), однако Г. Коциоль указывает, что в немецком праве получил поддержку подход, возлагающий на каждого ответчика солидарную ответственность перед каждым потерпевшим (Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 159).

⁴¹³ Causation in European Tort Law. P. 281 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher).

⁴¹⁴ Galand-Carval S. Op. cit. P. 61; Causation in European Tort Law. P. 273 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz).

⁴¹⁵ Causation in European Tort Law. P. 293 (авторы раздела – K. Oliphant).

⁴¹⁶ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 126.

⁴¹⁷ Wright R.W. Causation in Tort Law. P. 1819; Steel S. Op. cit. P. 165; Sanders J. Op. cit. P. 32; Green S. Op. cit. P. 74; Oliphant K. Causation in Cases of Evidential Uncertainty. P. 597; Москалец А.П. Указ. соч. С. 126–128.

лиц, вовлеченных в опасную деятельность, которые коллективно обязаны возместить вред, причиненный в результате этой деятельности⁴¹⁸, т.е. производители коллективно страхуют свою ответственность перед потребителями⁴¹⁹.

Р. Райт полагает, что подход, принятый в деле *Sindell v. Abbott Laboratories*, не лишен недостатков. При таком подходе суд должен распределить возмещение 100% вреда между участвующими в конкретном деле ответчиками пропорционально доле каждого на рынке, хотя ответчики, как правило, не будут представлять 100% участников рынка (поскольку к участию в конкретном деле в качестве ответчиков будут привлечены не все участники рынка, а только те, которые составляют «значительную долю»). Следовательно, ответчики (как правило, крупнейшие фирмы) будут отвечать в большем размере, чем их реальная доля на рынке⁴²⁰.

По мнению Р. Райта, с теоретической точки зрения подход, предложенный в деле *Sindell v. Abbott Laboratories*, выглядит убедительнее, если рассматривать его в качестве ответственности за создание риска определенного рода, а не в качестве ответственности за причинение определенной части вреда. В сущности суд признал новый вид вреда – создание риска, который, возможно, привел к последующему вреду. Размер рыночной доли компании отражает ее вклад в совокупный риск, которому были подвергнуты истец и все остальные потребители на соответствующем рынке. Размер убытков, относимых к конкретному производителю, может быть рассчитан исходя из размера фактически причиненного вреда, умноженного на долю конкретного производителя. Однако если истец докажет, что вред был причинен конкретным производителем, то истец вправе взыскать с него убытки в полном объеме.

С другой стороны, производитель не будет нести какой-либо ответственности, если сможет доказать, что не продавал потерпевшему

⁴¹⁸ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 102.

⁴¹⁹ Ibid. P. 424.

⁴²⁰ Wright R.W. Causation in Tort Law. P. 1819; см. также: Москалец А.П. Указ. соч. С. 128.

причинивший ему вред товар. Подход, предложенный Р. Райтом, не предполагает необходимости привлечения к участию в деле в качестве ответчиков компаний, составляющих «существенную долю» на соответствующем рынке, поскольку он делает акцент на вкладе ответчика в образование совокупного риска, а не на вкладе в возникновение ущерба. Подход, соответствующий идеям Р. Райта, применялся, в частности, Верховным судом штата Висконсин и Верховным судом штата Вашингтон⁴²¹.

Примечателен подход экономического анализа права к решению проблемы массовых деликтов. Экономический анализ деликтного права исходит из того, что ответственность является инструментом для предотвращения определенного нежелательного поведения. Отправная точка экономического анализа права, заключающаяся в том, что причинитель вреда должен нести ответственность только за тот вред, который он фактически причинил, приводит к необходимости разрешения проблемы неопределенности в вопросе о наличии причинной связи между правонарушением и наступившим вредом. Сторонниками экономического анализа права рассматриваются четыре варианта решения проблемы⁴²²:

1) правило «все или ничего» в пользу потерпевшего: если имеется какая-либо заметная вероятность того, что деятельность ответчика причинила вред, все потерпевшие получают 100%-ное возмещение;

2) правило «все или ничего» в пользу потенциального причинителя вреда: если имеется какая-либо заметная вероятность того, что деятельность ответчика не причинила вред, ни один потерпевший не получает возмещение вреда;

3) правило об ответственности при преодолении определенного порога вероятности: если вероятность того, что вред был причинен ответчиком, превышает определенный порог, например 50%, то потерпевший получает полное возмещение; если не превышает, то потерпевший не получает никакого возмещения;

⁴²¹ Wright R.W. Causation in Tort Law. P. 1820.

⁴²² Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 108–109. См. также: Ben-Shahar O. Op. cit. P. 91–92.

4) правило о долевой ответственности, учитывающее вероятность причинения вреда конкретным лицом: если установлено, что вероятность причинения вреда конкретным лицом составляет, к примеру, 40%, то потерпевший вправе требовать от такого лица возмещения 40% причиненного ему вреда.

Первое решение (правило «все или ничего» в пользу потерпевшего) предлагает присуждать потерпевшему полное возмещение вреда, даже если вероятность того, что вред был причинен в результате деятельности ответчика, является относительно низкой, скажем, 30%. Это означает, что существует 70%-ная вероятность того, что вред потерпевшему был причинен не в результате деятельности ответчика. Если ответчик будет привлечен к ответственности в полном объеме, несмотря на то, что вероятность того, что вред был причинен именно им, составляет всего 30%, то это может устранить стимулы для занятия социально значимой деятельностью (к примеру, фармакологией)⁴²³.

У. Лэндс и Р. Познер, доказывая несостоятельность первого решения, приводят следующий пример: предположим, атомная станция осуществляет незаконный выброс радиации в окружающую среду. Установлено, что выброс радиации может повлечь за собой увеличение в ближайшие 20 лет количества людей, заболевших раком, со 100 до 111. Экономическая теория исходит из того, что атомная станция должна отвечать только за 11 дополнительных случаев заболевания раком, но не за 100 случаев заболевания раком, которые случились бы независимо от деятельности атомной станции. Следовательно, атомная станция должна нести ответственность только в той степени, в которой ее деятельность способствовала увеличению риска заболевания. Проблема заключается в том, что невозможно выделить те 11 случаев заболевания, которые были вызваны выбросом радиации на атомной станции. Для каждого лица, заболевшего раком, вероятность того, что болезнь была вызвана выбросом радиации, была увеличена примерно на 10%. Если согласиться с тем, что каждое из 111 лиц, заболевших раком, вправе потребовать от атомной станции возмещения вреда, то такое решение будет не только неэффективным, но и несправедливым. Оно будет означать, что в 100

⁴²³ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 110.

случаях из 111 атомная станция заплатила компенсацию за вред, которого не причиняла. У. Лэндс и Р. Познер утверждают, что наиболее эффективным является следующее решение: каждый потерпевший вправе потребовать от конкретного ответчика возмещения причиненного ему вреда в доле, соответствующей вероятности причинения данного вреда конкретным ответчиком (что в обсуждаемом примере составляет около 10%)⁴²⁴.

Второе решение (правило «все или ничего» в пользу потенциального причинителя вреда) также не является эффективным и справедливым с точки зрения экономического анализа права. Данное решение требует от потерпевшего доказательств того, что с вероятностью 100% причиненный ему вред является следствием поведения конкретного ответчика. Такое жесткое требование будет означать, что в большом количестве случаев причинители вреда будут избегать ответственности в ситуациях, когда их действия действительно создали дополнительный риск причинения вреда, что не соответствует целям превенции⁴²⁵.

Пороговое решение предполагает, что требование потерпевшего к конкретному ответчику о возмещении вреда удовлетворяется в полном объеме в случае, если вероятность причинения вреда данным ответчиком превышает определенный порог, к примеру, 50%. Если же такая вероятность не превышает 50%, то потерпевший не получает никакого возмещения.

Первой проблемой такого решения является возможность существования ситуации, когда вероятность причинения вреда конкретным лицом систематически не будет превышать пороговое значение. Предположим, что существует 40%-ная вероятность того, что деятельность фабрики приводит к возникновению раковых заболеваний у жителей районов, прилегающих к фабрике. При установлении 50%-ного порога это будет означать, что фабрика, подвергая жителей 40%-ному риску заболевания раком, всегда будет избегать ответственности, что приведет к тому, что потерпевшие останутся без возмещения, а у фабрики не будет

⁴²⁴ Landes W.M., Posner R. Causation in Tort Law: An Economic Approach // Journal of Legal Studies. 1983. Vol. XII. P. 123–124.

⁴²⁵ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 111.

стимулов для совершенствования технологии с целью уменьшения вредности производства для жителей близлежащих районов. Кроме того, допустим, что 100 лиц, заболевших раком, предъявляют к фабрике иски о возмещении вреда, при этом заболевание 40 из этих 100 лиц могло быть вызвано деятельностью фабрики. Между тем, учитывая то, что в отношении каждого конкретного потерпевшего вероятность того, что его заболевание является следствием деятельности фабрики, всегда будет меньше 50%, фабрика не возместит вред ни одному из потерпевших⁴²⁶.

Таким образом, «пороговому» решению свойственны те же недостатки, что и правилам, основанным на принципе «все или ничего».

В пользу порогового решения иногда приводится аргумент о том, что такой подход стимулирует потерпевших к развитию деятельности по сбору доказательств в целях установления действительных причинителей вреда, а при долевого подходе потерпевшие в этом заинтересованы не будут, имея возможность получить возмещение даже в ситуации неопределенности в вопросе причинной связи. Вместе с тем данный аргумент можно использовать и для обоснования долевого подхода: долевая ответственность точно так же стимулирует потенциальных причинителей вреда к улучшению деятельности по сбору доказательств, в связи с чем вышеуказанный довод сам по себе не может обосновать преимущество какого-либо подхода⁴²⁷.

По мнению представителей экономического анализа права, наиболее верным решением является правило о долевого ответственности, согласно которому потерпевший вправе требовать от потенциального причинителя вреда возмещения в размере, пропорциональном вероятности причинения вреда конкретным лицом (т.е. если вероятность того, что вред, причиненный потерпевшему, является следствием поведения конкретного ответчика, составляет 40%, то потерпевший вправе потребовать от данного ответчика возмещения 40% причиненного ему вреда). В предыдущем примере правило о долевого ответственности приведет к тому, что фабрика должна будет компенсировать 40% вреда, причиненного

⁴²⁶ Ibid. P. 112.

⁴²⁷ Ben-Shahar O. Op. cit. P. 93.

каждому потерпевшему, что в совокупности равнозначно возмещению вреда, причиненного 40 из 100 потерпевших, болезнь которых могла быть следствием деятельности фабрики⁴²⁸.

Применительно к случаям ответственности за недостатки товаров долевой подход может принимать форму ответственности пропорционально доле потенциального причинителя вреда на соответствующем рынке⁴²⁹.

С точки зрения экономического анализа права преимуществом долевой ответственности является то, что данный подход возлагает на ответчика ответственность только за дополнительный риск, созданный его деятельностью. В результате потенциальный причинитель вреда получает оптимальные стимулы для предотвращения негативных последствий своей деятельности⁴³⁰.

В литературе высказывается ряд доводов против принципа долевой ответственности. Во-первых, отмечается, что очень сложно посчитать вероятность того, что некоторое событие привело к причинению вреда. Между тем данный аргумент в равной мере применим и к другим подходам, предлагающим иные решения проблемы неопределенности причинной связи (подходы, основанные на принципе «все или ничего», и «пороговый» подход), в связи с чем сам по себе не может доказывать ошибочность долевого подхода⁴³¹.

Во-вторых, долевой подход критикуется за то, что порождает более высокие административные издержки, чем «пороговый» подход. «Пороговый» подход исключает большое количество исков о возмещении вреда, в то время как с позиции долевого подхода любая вероятность того, что вред мог быть причинен некоторым событием, должна порождать право на иск. Для решения данной проблемы сторонниками долевого подхода предлагается установить некий порог существенности (например, 10%) и только при превышении данного порога использовать механизм долевой ответственности. В равной мере предлагается исключить применение долевой ответственности и присуждать полное возмещение

⁴²⁸ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 113.

⁴²⁹ Ibid. P. 114.

⁴³⁰ Ben-Shahar O. Op. cit. P. 95; Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 113.

⁴³¹ Faure M.G., Bruggeman V. Op. cit. P. 113–114.

в случаях, когда вероятность того, что конкретное действие привело к причинению вреда, превышает 90%⁴³².

В ситуации альтернативной причинности, осложненной наличием неопределенности как на стороне потенциальных причинителей вреда, так и на стороне потерпевших, возложение ответственности на альтернативных ответчиков само по себе не должно вызывать возражений, поскольку каждый из альтернативных ответчиков причинил определенный вред. Проблема в данном случае заключается только в том, как распределить обязанность по возмещению причиненного вреда между альтернативными ответчиками (как соотносить между собой потерпевших и причинителей вреда).

Каждый из альтернативных ответчиков причинил вред только одному потерпевшему, в связи с чем возложение на каждого альтернативного ответчика солидарной ответственности перед каждым из потерпевших может привести к тому, что конкретный ответчик возместит вред не только лицу, которому он фактически причинил вред, но и лицу, которому он никакого вреда не причинял (с потенциальной невозможностью получения удовлетворения своего регрессного требования в полном объеме в связи несостоятельностью второго ответчика).

Решение проблемы с помощью прикрепления конкретного альтернативного ответчика к конкретному потерпевшему будет носить произвольный и дискриминационный характер. С одной стороны, одному потерпевшему может достаться платежеспособный ответчик, а другому – несостоятельный, из-за чего один потерпевший получит полное возмещение причиненного вреда, а другой не получит никакого возмещения. С другой стороны, потерпевшим может быть причинен вред различного объема. В такой ситуации прикрепление конкретного альтернативного ответчика к конкретному потерпевшему приведет к тому, что ответчики понесут ответственность в различном размере при отсутствии какого-либо обоснования такого дифференцированного подхода.

Единственный вариант, при котором, с одной стороны, обеспечивается недискриминационный характер предоставления возмещения потерпевшим и

⁴³² Ibid. P. 114.

возложения ответственности на альтернативных ответчиков, а, с другой стороны, на каждого правонарушителя не возлагается ответственность за вред, который он не причинил, является доленая ответственность каждого причинителя вреда перед каждым потерпевшим (данный подход предполагает, что в ситуации с двумя альтернативными ответчиками, создавшими равный риск причинения вреда, и двумя потерпевшими каждый ответчик возмещает каждому потерпевшему по 50% причиненного ему вреда).

§ 1.4. Применение концепции альтернативной причинной связи для разрешения проблемы утраты шанса

Существует несколько классических категорий споров, в которых встает вопрос о возможности возмещения убытков в связи с «утратой шанса» в результате противоправного поведения ответчика:

- 1) юрист пропустил срок на подачу апелляционной жалобы, фактически лишив своего клиента любых шансов на выигрыш дела;
- 2) врач совершил врачебную ошибку, из-за чего пациент потерял все шансы на выздоровление;
- 3) из-за действий ответчика истец не смог принять участие в конкурсе, в котором истец мог победить⁴³³.

⁴³³ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 124–127.

В научной литературе признается спорной допустимость признания «шанса» самостоятельным объектом защиты.

Против допустимости возмещения утраты шанса приводятся следующие аргументы. Противниками концепции утраты шанса, в частности, указывается на то, что отсутствие у потерпевшего возможности доказать с высокой степенью вероятности наличие причинной связи относится к обычным жизненным рискам и не должно приводить к специальному регулированию проблемы (Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 139).

Х. Штолль отмечает, что шанс на восстановление не относится к охраняемым законом благам. Признание шанса в таком качестве влечет возможность привлечения к ответственности лица, лишившего истца шанса, при отсутствии реального причинения вреда лицу, утратившему шанс. Также истец будет иметь возможность одновременно взыскать убытки за утрату шанса и за причинение вреда (цит. по: Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 154, 157–158).

Х. Штолль, возражая против концепции утраты шанса, также обращает внимание на то, что основной целью положений о гражданско-правовой ответственности является возмещение, а не наказание лица за создание рисков (цит. по: Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European

Некоторые правовые порядки (Германия) не признают утрату шанса самостоятельным основанием возмещения вреда⁴³⁴. Между тем если шанс пациента на выздоровление снизился в результате грубого нарушения врачом своих профессиональных обязанностей, и впоследствии пациент не смог излечиться, то наличие причинно-следственной связи между небрежностью врача и смертью пациента будет презюмироваться. Врач будет привлечен к ответственности, если не докажет, что его небрежность не стала причиной вреда (т.е. если врач докажет, что пациент умер бы в любом случае независимо от его небрежности). Если ему это удастся, то пациент не получит никакого возмещения, если нет – врач будет нести ответственность в полном объеме⁴³⁵.

Немецкое право, в целом отрицая концепцию утраты шанса, тем не менее допускает привлечение к ответственности юриста, пропустившего срок подачи жалобы. Применительно к таким случаям вопрос о причинной связи анализируется *ex post* в рамках отдельного судебного спора между клиентом и юристом ("*Prozess im Prozess*"), в рамках которого проверяется вероятность удовлетворения жалобы в случае ее подачи⁴³⁶. Такой подход объясняется тем, что целью судебного разбирательства является обеспечение предоставления истцу того, что ему причитается по закону, и если юрист истца своими действиями препятствует

Private Law. P. 139).

В пользу недопустимости возмещения потерянного шанса указывается также на то, что если будет предусмотрено возмещение за утрату шанса, то любое требование о возмещении упущенной выгоды может быть переформулировано как требование о компенсации утраты шанса получить этот доход (Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 139–140).

Вопрос допустимости признания шанса самостоятельным объектом защиты требует отдельного изучения и выходит за пределы исследования. В рамках настоящей работы мы попытаемся рассмотреть проблему утраты шанса исключительно через призму категории причинно-следственной связи.

⁴³⁴ Causation in European Tort Law. P. 566 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher).

⁴³⁵ Digest of European Tort Law. P. 548 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 72; Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 124; Graziano T.K. Comparative Tort Law: Cases, Materials, and Exercises. New York: Routledge, 2018. P. 283–284; Causation in European Tort Law. P. 566 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Von Bar C. Op. cit. P. 442.

⁴³⁶ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 70; Graziano T.K. Comparative Tort Law. P. 285; Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 128–129.

достижению этой цели, то обязанность предоставлению истцу того, что ему причиталось, переносится на юриста⁴³⁷.

Другие правопорядки в качестве общего правила допускают взыскание убытков за утрату шанса, исключая применение данной концепции в части распределения вреда в соответствии с вероятностями для определенных категорий дел⁴³⁸. К примеру, английское право не допускает применения концепции утраты шанса для случаев врачебных ошибок⁴³⁹. В деле *Hotson v. East Berkshire Area Health Authority* (1987) врач неверно диагностировал травму подростка, в связи с чем подросток утратил шанс на полное выздоровление, который составлял примерно 25%. Палата Лордов отказала в удовлетворении иска, указав, что для удовлетворения требований истец должен доказать, что ответчик с вероятностью более 50% причинил вред ("*balance of probabilities requirement*" или тест "*more likely than not*"), что представителями подростка не было сделано. Если бы подросток смог доказать, что утрата возможности выздоровления была утрачена в результате врачебной ошибки с вероятностью более 50%, то получил бы возмещение в полном размере (без дисконтирования с учетом вероятностей)⁴⁴⁰.

В деле *Gregg v. Scott* (2005) Палата Лордов предложила два аргумента в поддержку решения по делу *Hotson v. East Berkshire Area Health Authority*. Во-первых, это является единственным логичным решением, вытекающим из процессуальной фикции, что в глазах суда наличие обстоятельства, которое могло иметь место с вероятностью 51%, представляется установленным фактом. Во-вторых, предоставление судам возможности присуждать компенсацию, пропорциональную уменьшению шанса, снизит также эффективность деликтного права как системы норм, направленной на возмещение вреда, а именно повлечет дополнительные затраты (времени и денег) на определение точного размера шанса (в процентах) до и после правонарушения, в то же время причиненный вред будет

⁴³⁷ Digest of European Tort Law. P. 14 (автор раздела – N. Jansen).

⁴³⁸ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 135.

⁴³⁹ Oliphant K. Causation in Cases of Evidential Uncertainty. P. 599; Mulheron R. Op. cit. P. 470.

⁴⁴⁰ Van Dam C. Op. cit. P. 295; Digest of European Tort Law. P. 570–571 (автор раздела – K. Oliphant); Mulheron R. Op. cit. P. 470; Steel S. Op. cit. P. 306; Graziano T.K. Comparative Tort Law. P. 287–288; Green S. Op. cit. P. 160–161.

возмещен только частично⁴⁴¹.

Английское право, ограничивающее возможность возмещения утраты шанса в делах, связанных с врачебными ошибками, допускает взыскание убытков в связи с утратой определенных экономических возможностей⁴⁴². В таких случаях суд оценивает вероятность реализации этих возможностей и присуждает потерпевшему компенсацию соразмерно такой вероятности.

К примеру, если юрист пропустил срок исковой давности или не подал вовремя апелляционную жалобу, то его доверитель, согласно прецеденту *Kitchen v. Royal Air Force Association* (1958), может получить компенсацию за утрату шанса выиграть дело, уменьшенную пропорционально шансу выигрыша в случае, если жалоба была бы подана в установленный срок. При этом обоснованность доводов жалобы и вероятность ее удовлетворения (в случае, если бы она была подана в установленный срок) проверяются в рамках судебного спора между клиентом и юристом ("*case within the case*")⁴⁴³. Аналогичный подход применяется и американскими судами⁴⁴⁴.

В деле *Chaplin v. Hicks* (1911) суд присудил возмещение конкурсантке, которая по вине организатора конкурса красоты не смогла принять участие в финальном этапе конкурса. Конкурсантка не могла доказать, что она выиграла бы конкурс красоты, однако суд присудил ей компенсацию, пропорциональную вероятности ее победы в случае участия в конкурсе⁴⁴⁵.

Французский правопорядок исходит из принципиальной допустимости

⁴⁴¹ Van Dam C. Op. cit. P. 295.

⁴⁴² Mulheron R. Op. cit. P. 411, 475.

⁴⁴³ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 135; Digest of European Tort Law. P. 571 (автор раздела – K. Oliphant); Mulheron R. Op. cit. P. 475–476; Steel S. Op. cit. P. 295; Дондоков А.И. Доктрина Loss of chance в английском праве // Закон. 2013. № 7. С. 153.

⁴⁴⁴ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 124.

⁴⁴⁵ Байбак В.В. Утрата благоприятной возможности (loss of chance) как разновидность договорных убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5. С. 64–65; Дондоков А.И. Указ. соч. С. 153; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 118; Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2014. С. 328–329; Steel S. Op. cit. P. 294–295; Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 136; Mulheron R. Op. cit. P. 475.

взыскания убытков за утрату того или иного шанса⁴⁴⁶.

Вместе с тем в связи с необходимостью предоставления суду веских доказательств наличия причинной связи для привлечения виновного лица к ответственности суды часто отказывают истцам, потерявшим какие-либо шансы (например, шанс на выздоровление или на получение высокооплачиваемой работы), в удовлетворении исков к лицам, виновным в утрате шанса⁴⁴⁷. Но если истец все же смог доказать наличие причинной связи между поведением ответчика и потерей шанса, то суд присуждает истцу возмещение ущерба в размере, пропорциональном уменьшению шанса⁴⁴⁸. Для удовлетворения требования потерпевшего утраченная им возможность должна быть реальной и серьезной, а не только гипотетической⁴⁴⁹.

Доктрина утраты шанса стала активно применяться французскими судами в 1950-х годах. Суды присуждали возмещение, к примеру, в связи с утратой шанса стать стюардессой из-за травмы, полученной в ДТП, шанса на получение лицензии для занятия аптечной деятельностью, шанса победить на конкурсе скульпторов, шанса выиграть дело в суде апелляционной инстанции⁴⁵⁰.

Вскоре концепция утраты шанса распространилась на случаи врачебных ошибок, снизивших шансы пациента на выздоровление. Первым примером применения концепции утраты шанса к врачебной ошибке стало решение апелляционного суда Гренобля, вынесенное в 1961 г. К врачу обратилась женщина с жалобами на боли в запястье. Врач провел рентгенографию, однако не заметил перелома. В итоге пациентка вернулась к нормальной деятельности. Спустя

⁴⁴⁶ Морандьер Л.Ж. де ла. Указ. соч. С. 403; Digest of European Tort Law. P. 555–556 (автор раздела – O. Moréteau, L. Francoz-Terminal); Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization. P. 797.

Одним из проектов реформирования французского обязательственного права (*Avant-projet de réforme du droit des obligations et du droit de la prescription; Rapport Catala*) даже было предусмотрено, что утрата шанса является видом возмещаемого вреда (см.: Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 123), однако по итогам реформы такие изменения в текст закона внесены не были.

⁴⁴⁷ Galand-Carval S. Op. cit. P. 60; Digest of European Tort Law. P. 556 (автор раздела – O. Moréteau, L. Francoz-Terminal).

⁴⁴⁸ Van Dam C. Op. cit. P. 294.

⁴⁴⁹ Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Указ. соч. С. 356.

⁴⁵⁰ Steel S. Op. cit. P. 328–329.

несколько лет она испытала боль, когда пыталась поднять тяжелый предмет, и проконсультировалась с другим врачом, который обнаружил перелом. Пациентка предъявила иск к первому врачу. Суд пришел к выводу, что если бы первый диагноз был верным, то это позволило бы пациентке получить необходимое лечение, которое предотвратило бы продолжающиеся боли в запястье; поэтому ошибка врача лишила пациентку шанса на выздоровление. Вскоре доктрина потерянного шанса была воспринята Кассационным судом, который применил ее в следующем деле. Восемилетний истец в результате падения сломал и вывихнул свой локоть. Врач обнаружил только перелом, вывих обнаружился позднее. В рамках судебного спора предметом обсуждений был вопрос о последствиях промедления в оказании надлежащего лечения. Суд сделал вывод, что ошибка ответчика лишила истца возможности излечения, в связи с чем он имеет право на компенсацию (позднее было разъяснено, что истец имеет право только на частичную компенсацию)⁴⁵¹.

В другом деле доктор не смог поставить правильный диагноз пациенту, болевшему раком. На момент постановки неправильного диагноза шансы потерпевшего на выздоровление равнялись 40%. Когда же было установлено, что пациент болеет раком, он уже не имел никаких шансов на выздоровление. Пациент умер, и его наследники обратились с иском к доктору. Суд удовлетворил иск в размере 40% причиненного вреда⁴⁵².

С точки зрения французских судов, применительно к врачебным ошибкам возмещение в связи со снижением шанса на выздоровление может быть присуждено только в том случае, если больной в итоге не смог излечиться. Например, в результате врачебной ошибки, из-за которой опасное для жизни заболевание было не было выявлено своевременно, шанс выздоровления снизился с 70% до 30%. Больной не вправе требовать от врача какого-либо возмещения в силу самого факта снижения шанса выздоровления. Если больной излечится, то проблема возмещения вреда вообще не возникает, так как в данном случае

⁴⁵¹ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1621; Steel S. Op. cit. P. 329–330.

⁴⁵² Galand-Carval S. Op. cit. P. 61.

отсутствует сам вред (больной излечился). Если же, несмотря на 30%-ную вероятность выздоровления, больной все-таки умрет, на возмещение в связи со снижением шанса на выздоровления в результате врачебной ошибки вправе будут претендовать его наследники⁴⁵³.

В случаях, когда юристы пропускают срок на подачу апелляционной жалобы, суды чаще всего взыскивают убытки с юристов, даже если шансы на удовлетворение жалобы были незначительными (что иногда объясняется желанием наказать нерадивых юристов)⁴⁵⁴.

В практике российских судов отсутствует единый подход к решению проблемы утраты шанса. Преимущественно суды отказывают в возмещении вреда в связи с утратой шанса. К примеру, в деле № А57-12476/2013⁴⁵⁵ истец просил взыскать убытки с ответчика в связи с тем, что он не был допущен к участию в торгах. Истец в обоснование исковых требований указывал, что он стал бы победителем торгов, если бы участвовал в них. Однако суд отметил, что данное обстоятельство допускает лишь возможность стать победителем в этих торгах, и пришел к выводу об отсутствии причинно-следственной связи между противоправным поведением ответчика и наличием у истца убытков.

Вместе с тем в практике встречаются и иные решения. В некоторых случаях суды переносят бремя доказывания на ответчика. Так, в деле, описанном в п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 31.05.2011 № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами», суды, взыскивая с ФССП России убытки за

⁴⁵³ Causation in European Tort Law. P. 558–559 (автор раздела – С. Quézel-Ambrunaz); Steel S. Op. cit. P. 333–334.

⁴⁵⁴ Galand-Carval S. Op. cit. P. 57.

⁴⁵⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 августа 2014 г. по делу № А57-12476/2013.

Р.З. Хафизов в своей статье приводит пример, когда схожим образом было рассмотрено дело (№ А40-42060/2019), в котором невозможность участия в конкурсе была обусловлена незаконным включением истца в реестр недобросовестных поставщиков (см.: Хафизов Р.З. Убытки с ФАС России. Как сгладить последствия незаконного нахождения в Реестре недобросовестных поставщиков? // Журнал Российской школы частного права. 2020. № 1. С. 97–112).

утрату возможности взыскания долга с должника, указали, что ФССП России не представила каких-либо доказательств наличия у должника иного имущества, за счет которого возможно исполнение судебных актов. Таким образом, Президиум ВАС РФ допустил перераспределение бремени доказывания, поскольку по общим правилам гражданского процесса обязанность доказывания отсутствия или наличия у должника иного имущества должна возлагаться на истца, а не на ответчика (ФССП России). Аналогичное правило позднее было закреплено в п. 85 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства». Так, Пленум Верховного Суда РФ указал, что если в ходе исполнительного производства судебный пристав-исполнитель не осуществил необходимые исполнительные действия по исполнению исполнительного документа за счет имевшихся у должника денежных средств или другого имущества, оказавшихся впоследствии утраченными, то на истца по иску о возмещении вреда, причиненного незаконным бездействием судебного пристава-исполнителя, не может быть возложена обязанность по доказыванию того обстоятельства, что должник не владеет иным имуществом, на которое можно обратить взыскание⁴⁵⁶.

Иногда возможность выздоровления пациента при условии постановки правильного диагноза и своевременного лечения учитывается судами при определении размера подлежащего компенсации морального вреда. К примеру, Ростовский областной суд, установив, что у врачей больницы имелась возможность постановки верного диагноза, а правильное лечение привело бы к выздоровлению пациента без применения оперативного вмешательства, пришел к выводу о наличии причинно-следственной связи между действиями врачей указанного лечебного учреждения и наступившими неблагоприятными последствиями в виде инвалидизации пациента и увеличил размер компенсации морального вреда⁴⁵⁷.

⁴⁵⁶ Ранее такое же разъяснение было закреплено в п. 7 постановления Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 27.

⁴⁵⁷ Кассационное определение Ростовского областного суда от 14 ноября 2011 г. по делу № 33-14757.

Правопорядки, допускающие возмещение вреда в связи с утратой шанса, предусматривают три механизма решения проблемы.

Первым способом решения проблемы утраты шанса является сохранение общих требований к стандарту доказывания без распределения вреда в соответствии с вероятностью реализации шанса (подход «все или ничего») (Англия применительно к врачебным ошибкам, Германия за несколькими исключениями).

Вторым вариантом решения проблемы утраты шанса является перенесение бремени доказывания на ответчика (Германия применительно к грубым врачебным ошибкам). Но это решение является слишком прокредиторским и применяется в Германии только к исключительным ситуациям (грубым нарушениям врачами своих профессиональных обязанностей). В действительности нет никакой связи между степенью вины врача и вероятностью того, что его виновные действия привели к причинению вреда пациенту, что подтверждается практикой немецких судов. В одном деле легкая вина врача с вероятностью 90% привела к увечью пациента, однако суд отказал пациенту в возмещении вреда в связи с остающимися сомнениями в наличии причинной связи. В другом деле было установлено, что грубая неосторожность врача с вероятностью 10% причинила вред пациенту, однако с учетом наличия грубой неосторожности врача суд присудил пациенту полное возмещение причиненного ему вреда. Такое разное отношение судов к решению двух схожих дел не является справедливым⁴⁵⁸.

Другим способом решения проблемы является распределение вреда в соответствии с вероятностью реализации шанса (долевая ответственность) (Франция, Англия применительно к иным (помимо врачебных ошибок) категориям дел, Германия в отношении дел об ответственности юристов).

В литературе в качестве преимущества подхода, основанного на принципе «все или ничего», указывается на его простоту и эффективность. Данный подход не требует установления точной степени вероятностей. Если установление причинной связи возможно с определенной степенью вероятности, то вред

⁴⁵⁸ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 141; Graziano T.K. Comparative Tort Law. P. 284–285.

возмещается в полном объеме; если же вероятность ниже установленного порога, то никакого возмещения не полагается⁴⁵⁹.

В защиту подхода, основанного на принципе «все или ничего», приводится следующий аргумент: лицо, которое доказало с 75%-ной вероятностью, что именно действия ответчика привели к причинению вреда, не будет заинтересовано в том, чтобы размер возмещения был снижен со 100 до 75%. С другой стороны, ответчик, который причинил вред только с вероятностью 20–30%, не захочет возмещать причиненный потерпевшему вред⁴⁶⁰.

Решение проблемы утраты шанса с помощью механизма долевого возмещения критикуется за то, что оно породит дополнительные транзакционные издержки, поскольку установление вероятностей с точностью, достаточной для справедливого распределения убытков между сторонами, будет слишком дорогим и времязатратным занятием. Кроме того, дополнительные издержки будут вызваны и тем, что дела, в которых потерпевшему было отказано в удовлетворении требований в связи с тем, что «более вероятно, чем нет», вытекут в частичное возмещение на основании доктрины утраты шанса.

Между тем весьма спорным является подход, допускающий возмещение вреда в полном объеме в случае, если вероятность наличия причинно-следственной связи составляет 51%, и отвергающий возмещение вреда в любом размере, если вероятность составляет 49%. Принцип долевого возмещения позволяет избежать крайних решений, присуждая компенсацию за потерю шанса пропорционально возможности его реализации⁴⁶¹.

Представляется, что в ситуациях неопределенной причинной связи долевая ответственность лучше выполняет функцию возмещения, чем подход, основанный на принципе «все или ничего». Представим ситуацию, что врач по своей небрежности поставил неверные диагнозы большому количеству пациентов, из-за чего каждый пациент потерял 25%-ный шанс на выздоровление. Согласно

⁴⁵⁹ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 142–143.

⁴⁶⁰ Ibid. P. 139.

⁴⁶¹ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 153; Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 128–129.

принципам «все или ничего» и «более вероятно, чем нет» ни один пациент не получит никакого возмещения. Согласно принципу долевого ответственности (ответственности в размере доли, соответствующей вероятности наличия причинной связи) каждый пациент получит возмещение в размере, пропорциональном вероятности того, что риск мог быть реализован⁴⁶².

Принцип долевого ответственности лучше обеспечивает и функцию превенции, которая также преследуется положениями закона об ответственности. Принцип «все или ничего» оставит без внимания большое количество правонарушений, которые могли причинить огромный ущерб. Долевая ответственность, напротив, создает стимулы для правомерного поведения⁴⁶³.

Подход, исходящий из пропорциональной ответственности за лишение шанса, получил поддержку в третьем Своде деликтного права США⁴⁶⁴ и Принципах европейского деликтного права⁴⁶⁵.

Решение проблемы утраты шанса путем распределения ответственности оправданно и потому, что все классические примеры утраты шанса можно представить как ситуации альтернативной причинной связи. Примеры утраты шанса характеризуются тем, что поведение ответчика привело к тому, что шанс не реализовался, при существовании вероятности того, что шанс не был бы реализован и по обстоятельствам, никак не зависящим от ответчика.

Применительно к врачебным ошибкам, из-за которых снизился шанс на выздоровление, возмещение присуждается не за само снижение шанса на выздоровление, а за фактически возникший вред здоровью, поскольку вопрос о возмещении встает только в том случае, если шанс на выздоровление не реализовался⁴⁶⁶.

Например, потерпевший заразился болезнью, опасной для жизни. На момент

⁴⁶² Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 142.

⁴⁶³ Ibidem.

⁴⁶⁴ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1607.

⁴⁶⁵ Graziano T.K. The «Loss of a Chance» in European Private Law. P. 132.

⁴⁶⁶ Даже во Франции, где предусмотрен наиболее либеральный подход к защите утраченного шанса, возмещение взыскивается только в случае, если шанс на выздоровление, сниженный в результате врачебной ошибки, в итоге не реализовался. Аналогичный подход применяется в Германии в случаях грубой неосторожности врача.

первоначального обращения потерпевшего в больницу шанс выздоровления составлял 80 %. Из-за ошибки врача заболевание не было обнаружено и было выявлено только при следующем обращении потерпевшего в больницу через полгода, однако к этому моменту вероятность выздоровления снизилась до 20 %. Если в итоге больной выздоровеет (реализуется 20%-ный шанс на выздоровление), то проблема возмещения вреда вообще не возникнет в связи с отсутствием самого вреда. Если же больной погибнет (20%-ный шанс на выздоровление не реализуется), то его смерть может быть обусловлена либо причинами, не имеющими отношения к ошибке врача (40 %⁴⁶⁷), либо ошибкой врача (60 %⁴⁶⁸). В такой ситуации можно ставить вопрос о возложении на врача частичной (пропорционально вероятности, с которой смерть больного может быть признана обусловленной ошибкой врача) ответственности, но по сути это будет ответственность не за снижение шанса на выздоровление, а за смерть больного.

Схожим образом можно представить и иные классические примеры утраты шанса:

– пропуск срока подачи апелляционной жалобы – существует вероятность того, что в случае подачи апелляционной жалобы в срок дело все равно было бы проиграно из-за отсутствия правовых оснований для удовлетворения требований истца;

– неучастие в конкурсе – существует вероятность того, что, даже приняв участие в конкурсе, потерпевший все равно не стал бы его победителем.

Следовательно, проблема утраты (снижения) шанса является частным случаем альтернативной причинной связи, в которой одной из потенциальных причин нереализации шанса является поведение правонарушителя, а другой – обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего или внешним факторам, в связи с чем проблема утраты шанса также должна решаться с помощью

⁴⁶⁷ 20% изначальной вероятности смертельного исхода + 20% вероятности излечения, сохранившейся после ошибки врача.

⁴⁶⁸ Разница между изначальной вероятностью выздоровления (80%) и вероятностью выздоровления, снизившейся в результате ошибки врача (20%).

механизма распределения последствий нереализации шанса между потерпевшим и лицом, чьи действия привели к утрате (снижению) шанса.

§ 2. Дублирующая причинно-следственная связь

Дублирующая причинно-следственная связь имеет место, когда два или более лица, действующие обособленно друг от друга, совершают правонарушения, каждое из которых само по себе является достаточным для причинения вреда, который фактически возник⁴⁶⁹. Например, и первая фабрика, и вторая фабрика сбрасывают в водоем вредные химикаты, из-за которых в водоеме гибнет вся рыба. При этом объемы химикатов, сброшенных каждой фабрикой, сами по себе (независимо от объема химикатов, сброшенных другой фабрикой) достаточны для уничтожения всей рыбы в водоеме.

Если бы первая фабрика не сбрасывала химикаты в водоем, то рыба все равно бы погибла (из-за химикатов, сброшенных второй фабрикой), значит, загрязнение водоема со стороны первой фабрики не было необходимым условием гибели рыбы. К аналогичному выводу мы придем, если предположим, что вторая фабрика не загрязняла водоем.

Применение теста необходимого условия приведет к тому, что ни правонарушение первой фабрики, ни правонарушение второй фабрики не являлись необходимыми условиями и, следовательно, причинами уничтожения рыбы в водоеме (хотя рыба погибла именно из-за химикатов, сброшенных обеими фабриками).

Если один из ответчиков будет освобожден от ответственности в связи с тем, что действия другого ответчика являлись достаточными для причинения вреда, то другой ответчик тоже должен быть освобожден от ответственности по аналогичным соображениям. По общему признанию было бы несправедливо на

⁴⁶⁹ В немецкой доктрине выделяется два вида множественности лиц на стороне правонарушителей: правонарушители, причинившие вред в результате совместных действий ("*Mittäter*"), и правонарушители, причинившие вред, действуя независимо друг от друга ("*Nebentäter*") (см.: Digest of European Tort Law. P. 350 (автор раздела – B. Winiger)).

этом основании отказывать пострадавшему в возмещении вреда⁴⁷⁰.

В качестве решения данной проблемы предлагается возлагать на причинителей вреда солидарную ответственность⁴⁷¹. При дублирующем виде причинно-следственной связи достоверно известно, что действия (бездействие) каждого правонарушителя причинили бы вред, за который он несет ответственность, даже если представить, что второго события не было, и нет каких-либо оснований для освобождения его от ответственности.

Ф. Быдлински отмечает, что при дублирующей причинной связи критерий необходимого условия (условие, в отсутствие которого вред не наступил бы) заменяется критерием достаточного условия (условия, при наличии которого вред наступил бы)⁴⁷².

Решение в пользу солидарной ответственности правонарушителей находит поддержку в немецком⁴⁷³, французском⁴⁷⁴ и американском⁴⁷⁵ праве. У. Гортон Роджерс и К. Олифант указывают, что такой подход не выражен прямо в решениях английских судов, при этом У. Гортон Роджерс и выражает уверенность в том, что английские судьи будут исходить из той же логики⁴⁷⁶. DCFR⁴⁷⁷ и Принципы европейского деликтного права (ст. 3:102) также поддерживают традиционную точку зрения о солидарной ответственности причинителей вреда.

Д. Фридман, рассматривая проблему дублирующей причинной связи с точки зрения экономического анализа права, отмечает, что вывод об отсутствии

⁴⁷⁰ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65; Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 126; Winiger B. Multiple Tortfeasor // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. P. 90.

⁴⁷¹ Von Bar C. Op. cit. P. 440; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 162.

⁴⁷² Bydlinski F. Op. cit. P. 19.

⁴⁷³ Causation in European Tort Law. P. 251 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 65; Digest of European Tort Law. P. 457–458 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Steel S. Op. cit. P. 23; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 436.

⁴⁷⁴ Galand-Carval S. Op. cit. P. 60.

⁴⁷⁵ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 126.

⁴⁷⁶ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 50; Digest of European Tort Law. P. 467 (автор раздела – K. Oliphant).

⁴⁷⁷ Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. P. 3594.

ответственности за вред, причиненный двумя лицами независимо друг от друга, резко расходится с интуитивным представлением большинства людей о том, каким должен быть закон. Если согласиться с правовым принципом отсутствия ответственности в такой ситуации, то следующее такое «совпадение» уже может оказаться неслучайным. Предложенный правовой принцип создаст явную возможность для того, чтобы правонарушение осталось безнаказанным, в связи с чем наиболее верным решением проблемы дублирующей причинной связи является привлечение к ответственности обоих правонарушителей⁴⁷⁸.

В России попытка решения проблемы дублирующей причинной связи была предпринята Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 2 п. 22 постановления от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»: «если несколько контролирующих должника лиц действовали независимо друг от друга и действий каждого из них было достаточно для наступления объективного банкротства должника, названные лица также несут субсидиарную ответственность солидарно».

Ранее Президиумом ВАС РФ разрешался вопрос о последствиях одновременного совершения двумя лицами правонарушения, приведшего к одному и тому же негативному результату, применительно к такой мере защиты, как исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. Согласно п. 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 г. № 151 требование истца об исключении ответчика, уклоняющегося от участия в общих собраниях участников общества с ограниченной ответственностью и тем самым лишаящего общество возможности принять решение, имеющее важное хозяйственное значение для общества, не подлежит удовлетворению в случае, когда выясняется, что помимо ответчика на общем собрании участников не присутствовал другой участник, в отсутствие которого общее собрание не смогло бы принять решение. Если бы Президиум ВАС РФ остановился на этом, то такой вывод был бы половинчатым, поскольку оставалась бы неразрешенной ситуация,

⁴⁷⁸ Фридман Д. Указ. соч. С. 335–339.

когда от участия в собрании уклонялись несколько участников⁴⁷⁹. Такое решение могло бы привести к невозможности исключения из общества участников, одновременно уклоняющихся от участия в общих собраниях, при этом отсутствие любого из них лишает общество возможности принять решение, имеющее важное хозяйственное значение для общества. Каждый из ответчиков мог бы заявить, что его отсутствие не было причиной невозможности принять решение, поскольку от участия в собрании уклонился второй участник, т.е. что его бездействие не было *conditio sine qua non* невозможности принять решение (дублирующая причинная связь). Поэтому в п. 7 Обзора далее проводится идея о том, что в случае, когда невозможность принятия решения общим собранием возникла по причине уклонения нескольких участников, требование об исключении должно быть заявлено в отношении всех таких участников. А.А. Кузнецов отмечает, что это разъяснение должно охватывать и ситуации, когда невозможность принятия корпоративного решения была обусловлена неучастием в собрании любого участника общества (например, если для принятия решения требовалось, чтобы в общем собрании участвовали все уклонившиеся участники, поскольку уставом установлена необходимость единогласного принятия решения по определенному вопросу)⁴⁸⁰.

Несмотря на спорность вывода Президиума ВАС РФ о необходимости заявления требования об исключении в отношении всех участников общества, уклонявшихся от участия в собраниях (т.е. недопустимости заявления требования в отношении каждого такого участника по отдельности), следует поддержать позицию Президиума о возможности исключения из общества с ограниченной ответственностью каждого участника, неучастие которого в собрании не позволило принять решение, имеющее важное хозяйственное значение для общества. Если же выводить общее правило из конкретной позиции Президиума ВАС РФ, то таким правилом должно быть возложение солидарной ответственности на

⁴⁷⁹ Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014. С. 102.

⁴⁸⁰ Там же.

«дублирующих» причинителей вреда.

Примечательно, что в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» ситуацию, внешне схожую с дублирующей причинностью, предлагается решать путем возложения на правонарушителей долевой ответственности: *«По смыслу статьи 1064 ГК РФ, если несколько лиц действовали независимо друг от друга и действия каждого из них привели к причинению вреда окружающей среде, по общему правилу такие лица несут долевую ответственность. На размер доли каждого из причинителей вреда может влиять, в частности, опасность деятельности каждого из них, ее интенсивность и др. Так, на двух лиц, осуществляющих независимо друг от друга складирование твердых бытовых отходов на не предназначенном для этих целей земельном участке, может быть возложена ответственность в долях пропорционально объему отходов, определяемому, например, по количеству используемых транспортных средств для вывоза отходов, их вместительности, классу опасности отходов, образующихся от деятельности указанных лиц, и иных факторов. Когда долю в причинении вреда каждого из названных лиц установить невозможно, они отвечают в равных долях (статья 321 ГК РФ)»*.

Решение, предложенное Верховного Суда РФ в постановлении от 30 ноября 2017 г. № 49, не вызывает возражений, если охватывает исключительно случаи, когда окружающей среде был причинен различный вред, однако невозможно определить, какой вред был причинен конкретным правонарушителем (осложненный пример альтернативной причинной связи).

Если же правило, закрепленное в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49, охватывает и случаи, когда действие каждого правонарушителя являлось достаточным для причинения одного и того же вреда (дублирующая причинная связь), то обоснованность такого подхода вызывает серьезные сомнения. Факт одновременного совершения двумя лицами правонарушения, каждое из которых являлось само по себе достаточным для причинения вреда, не должен уменьшать размер ответственности каждого

причинителя вреда. Такое правило кардинально отличается от подхода к проблеме дублирующей причинной связи, воспринятого всеми иными правопорядками.

С учетом правовой позиции, впоследствии закреплённой в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53, представляются более правильными ограничительное толкование п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 и применение указанного правила только к случаям причинения несколькими лицами различного вреда при невозможности определения, какой вред был причинен конкретным правонарушителем (т.е. к случаям альтернативной причинной связи). Проблема же дублирующей причинной связи должна решаться посредством возложения на правонарушителей солидарной ответственности.

В практике возможны ситуации, когда проблематично установить, были ли совершены действия двух правонарушителей одновременно (две фабрики сливали в водоемы химикаты, однако неизвестно, делали они это одновременно или последовательно) или возник ли негативный эффект совершенных ими действий одновременно. К примеру, два хулигана одновременно бросили по камню в одно и то же окно. Вероятность одномоментного попадания обоих камней в окно представляется достаточно низкой. Вероятнее всего, сначала в окно попал один камень, из-за чего окно разбилось, а второй камень уже фактически не причинил какого-либо вреда, так как к этому моменту окно уже было разбито первым камнем⁴⁸¹.

В такой ситуации возникает проблема соотношения дублирующей причинной связи и опережающей причинной связи (см. § 3 настоящей главы). При

⁴⁸¹ Отличие данного примера от ситуации альтернативной причинной связи заключается в том, что в примере альтернативной причинной связи действия одного из потенциальных причинителей вреда точно не причинили вреда (к примеру, альтернативная причинная связь имела бы место, если бы один камень попал в окно, разбив его, а второй камень не долетел до здания, не причинив никакого вреда, однако невозможно установить, чей камень попал в окно, а чей – не долетел до здания). Здесь же два камня попали в окно либо одновременно, т.е. действия каждого ответчика причинили вред (дублирующая причинная связь), либо последовательно, т.е. один ответчик причинил вред, а действия второго ответчика не привели к причинению вреда из-за того, что объект уже был уничтожен в результате действий первого ответчика (опережающая причинная связь).

наличии такой неопределенности один из причинителей вреда может заявить о том, что он не может быть привлечен к ответственности, поскольку на момент совершения им противоправного действия или на момент реализации эффекта его противоправного поведения объект, которому он мог причинить вред, уже был уничтожен в результате действий другого правонарушителя, т.е. его действия не привели к причинению вреда (на момент, когда первая фабрика сбросила в водоем вредные химикаты, вся рыба в водоеме уже погибла из-за химикатов, сброшенных ранее второй фабрикой; на момент, когда брошенный хулиганом камень попал в окно, оно уже было разбито в результате попадания в него камня, брошенного другим хулиганом).

С учетом возможного наличия такой неопределенности данная проблема должна решаться через презумпцию дублирующей причинной связи — предполагается, что ответчики действовали одновременно или негативный эффект их действий наступил одновременно, если конкретный ответчик не докажет, что на момент совершения им правонарушения или на момент материализации негативного эффекта его поведения объект, которому он мог причинить вред, уже был уничтожен в результате правонарушения другого лица. Таким образом, не потерпевший должен доказать, что ответчики действовали одновременно или эффект их действий материализовался одновременно, а конкретный ответчик должен доказать, что объект уже был уничтожен ранее в результате действий другого ответчика.

Ситуацию дублирующей причинной связи необходимо отграничить от ситуаций, когда вред возник в результате действия нескольких лиц в совокупности (например, вся рыба может погибнуть, только если в водоем попадет 5 единиц химикатов, при этом каждый из ответчиков сбросил в водоем по 1 единице химикатов). Такие случаи можно называть кумулятивной причинной связью.

В данной ситуации, строго говоря, отсутствует проблема с применением теста необходимого условия, поскольку действие каждого из ответчиков является необходимым условием вреда (если бы не действие любого из ответчиков, рыба в водоеме не погибла бы).

В немецком праве распределение ответственности в такой ситуации осуществляется на основании общего правила – тот, кто «внес вклад» в причинение вреда (поскольку действия всех правонарушителей только в своей совокупности привели к причинению вреда, то действие каждого ответчика являлось необходимым условием вреда), несет солидарную ответственность за весь причиненный вред⁴⁸². Решение данного казуса путем возложения на правонарушителей солидарной ответственности поддерживается во Франции⁴⁸³ и в значительном количестве штатов США⁴⁸⁴.

В Англии к ответственности подлежат привлечению лица, которые внесли существенный вклад ("*material contribution*")⁴⁸⁵ в возникновение вреда, при этом ответственность будет солидарной при неделимости вреда и долевой при делимости вреда⁴⁸⁶.

Я. Шпир и О. Хаазен отмечают, что в ситуации кумулятивной причинной связи действие каждого из ответчиков являлось недостаточным для причинения вреда и без присоединения действий третьего лица вред бы не возник. Присоединение к поведению ответчика действий третьего лица влечет за собой возникновение ответственности ответчика за весь возникший вред, что представляется слишком суровым. Строгое применение правила о солидарной ответственности приведет к тому, что к ответственности будет привлечен и тот, кто

⁴⁸² Causation in European Tort Law. P. 226, 360 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Digest of European Tort Law. P. 270 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Magnus U. Multiple Tortfeasors under German Law // Unification of Tort Law: Multiple Tortfeasors / Ed. by W.V. Horton Rogers. The Hague: Kluwer Law International, 2004. P. 90.

⁴⁸³ Galand-Carval S. Op. cit. P. 60; Causation in European Tort Law. P. 243 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz); Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 433–435.

⁴⁸⁴ Green M.D. Multiple Tortfeasors under US Law // Unification of Tort Law: Multiple Tortfeasors / Ed. by W.V. Horton Rogers. The Hague: Kluwer Law International, 2004. P. 262–263; Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 126.

⁴⁸⁵ Под «существенным» понимается «более чем тривиальный» вклад (Causation in European Tort Law. P. 373–374 (автор раздела – K. Oliphant).

⁴⁸⁶ Horton Rogers W.V. Multiple Tortfeasors under English Law // Unification of Tort Law: Multiple Tortfeasors / Ed. by W.V. Horton Rogers. The Hague: Kluwer Law International, 2004. P. 66–68; Causation in European Tort Law. P. 373–374 (автор раздела – K. Oliphant); Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 399; Епихина Д.О. Указ. соч. С. 96.

оказал минимальное воздействие на причинение вреда (с потенциальной невозможностью получения фактического удовлетворения своего регрессного требования к иным ответчикам в случае их несостоятельности). По мнению Я. Шпира и О. Хаазена, в данной ситуации интересы неосторожного правонарушителя должны превалировать над интересами потерпевшего (которые, конечно, также заслуживают внимания), в связи с чем они предлагают установить пределы ответственности лица, оказавшего минимальное воздействие на возникновение вреда⁴⁸⁷.

В отечественной доктрине А.Е. Семенова предлагала решать проблему кумулятивной причинности путем применения к ней правил о совместном причинении вреда, предполагающих солидарную ответственность причинителей вреда. По ее мнению, совместное причинение вреда охватывает не только случаи, когда действия лиц, причинивших вред, были связаны между собой единством намерения, но и случаи простого совпадения самостоятельных действий, давших в совокупности вредоносный результат⁴⁸⁸. По мнению Е.А. Флейшиц, для признания вреда причиненным совместными действиями нескольких лиц не требуется, чтобы их действия были объединены целью, на которую эти действия направлены, и не требуется даже, чтобы одно из лиц, причиняющих вред совместно с другим или другими лицами, знало о действиях других⁴⁸⁹.

В настоящее время данная позиция поддерживается Б.М. Гонгало⁴⁹⁰, Н.В. Тололаевой⁴⁹¹ и Д.О. Епихиной⁴⁹².

Между тем Пленумом Верховного Суда РФ в абз. 3 п. 22 постановления от 21 декабря 2017 г. № 53 был поддержан принцип долевой ответственности

⁴⁸⁷ Spier J., Haazen O.A. Comparative Conclusions on Causation // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000. P. 147.

⁴⁸⁸ Семенова А.Е. Указ. соч. С. 39.

⁴⁸⁹ Флейшиц Е.А. Указ. соч. С. 154.

⁴⁹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: в 3 т. Т. II: Комментарий к части второй / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014. С. 877 (автор комментария к ст. 1080 ГК РФ – Б.М. Гонгало).

⁴⁹¹ Тололаева Н.В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 95–96; Она же. Пассивные солидарные обязательства. С. 76.

⁴⁹² Епихина Д.О. Указ. соч. С. 118, 124–125.

кумулятивных причинителей вреда: «Если несколько контролирующих должника лиц действовали независимо и действий каждого из них, существенно повлиявших на положение должника, было недостаточно для наступления объективного банкротства, но в совокупности их действия привели к такому банкротству, данные лица подлежат привлечению к субсидиарной ответственности в долях (пункт 1 статьи 61.11 Закона о банкротстве, пункт 1 статьи 1064 ГК РФ)».

Схожий подход высказывался нижестоящими судами и ранее. Так, при рассмотрении дел о взыскании морального вреда в связи с профессиональным заболеванием суды учитывают, что такие заболевания возникают не одномоментно, а в результате длительного многократного воздействия на организм работника вредных производственных факторов, в связи с чем исключить степень вредности их воздействия на состояние здоровья работника в период работы у одного из нескольких его работодателей как не повлиявшую на возникновение профессионального заболевания невозможно⁴⁹³. Суды исходят из принципа долевой ответственности работодателей потерпевшего, главным критерием при определении размера ответственности каждого работодателя выступает период времени, в течение которого потерпевший осуществлял связанную с возникновением профессионального заболевания трудовую деятельность у конкретного работодателя⁴⁹⁴.

Видимо, для решения проблемы кумулятивной причинной связи российской судебной практикой выбор был сделан в пользу принципа долевой ответственности.

Ситуацию, когда к возникновению вреда привела только совокупность действий всех лиц, в свою очередь, необходимо отделять от ситуаций, когда для возникновения вреда было достаточно действий иных правонарушителей. Например, вся рыба может погибнуть, только если в водоем попадет 5 единиц

⁴⁹³ Апелляционное определение Томского областного суда от 28 марта 2014 г. по делу № 33-911/2014.

⁴⁹⁴ Апелляционное определение Челябинского областного суда от 3 марта 2015 г. по делу № 11-2021/2015, апелляционное определение Челябинского областного суда от 4 апреля 2014 г. по делу № 11-3459/2014.

химикатов, при этом 10 ответчиков сбросили в водоем по 1 единице химикатов. В данном случае действия каждого ответчика не являются ни необходимыми, ни достаточными для возникновения вреда.

Согласно французскому подходу в данном примере все 10 правонарушителей отвечают солидарно⁴⁹⁵.

В Германии эту проблему относят не к кумулятивной, а к дублирующей причинной связи, хотя проблемы кумулятивной и дублирующей причинной связи в любом случае решаются одинаково путем возложения на правонарушителей солидарной ответственности⁴⁹⁶.

Позиция английских судов основана на том, что лицо, которое внесло существенный (более чем тривиальный) вклад в причинение вреда, несет ответственность в полном объеме независимо от того, были ли действия иных лиц достаточны для возникновения вреда без учета его поведения⁴⁹⁷.

§ 3. Опережающая причинно-следственная связь

Опережающая причинно-следственная связь означает, что один правонарушитель причиняет такой вред, который все равно бы наступил впоследствии из-за действий иного лица или внешнего обстоятельства⁴⁹⁸. Если применять тест *conditio sine qua non*, то получается, что действия правонарушителя не являются условием причинения вреда, так как вред в любом случае возник бы позднее.

§ 3.1. Причинение вреда, который впоследствии был бы причинен другим лицом

Наиболее простой пример опережающей причинной связи имеет место в

⁴⁹⁵ Causation in European Tort Law. P. 243, 354 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz).

⁴⁹⁶ Causation in European Tort Law. P. 360 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher).

⁴⁹⁷ Causation in European Tort Law. P. 373–374 (автор раздела – K. Oliphant).

⁴⁹⁸ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 163.

случае, когда одно лицо причиняет вред, который приводит к уничтожению объекта, при этом впоследствии другое лицо также совершает действия, которые привели бы к такому же вреду, если бы не поведение первого ответчика (к примеру, браконьер выловил всю рыбу в водоеме, а на следующий день фабрика сбросила в водоем химикаты, что привело бы к гибели всей рыбы, если бы она там была).

Доминирующая точка зрения выступает против освобождения правонарушителя от ответственности даже при наличии действий иного лица, которые привели бы к такому же результату⁴⁹⁹.

Согласно ст. 3:104 Принципов европейского деликтного права если действия однозначно и неотвратно повлекли за собой причинение вреда потерпевшему, то любые последующие действия, которые сами по себе могли бы причинить идентичный вред, не принимаются во внимание. Таким образом, Принципы выступают против освобождения лица от ответственности даже при наличии последующего правонарушения⁵⁰⁰.

Ф. Быдлински видит проблему с привлечением первого правонарушителя к ответственности в концепции субъективно-конкретной оценки убытков, согласно которой наличие и размер вреда оцениваются путем сравнения текущего (уничтоженного) состояния вещи и состояния вещи, которое существовало бы при несовершении правонарушения. Если анализировать проблему с этой точки зрения, то первый правонарушитель не может рассматриваться в качестве причинителя вреда с момента, когда совершается последующее правонарушение, влекущее такой же вред (уничтожение вещи), поскольку первое правонарушение не привело к изменению состояния вещи, которое существовало бы после последующего правонарушения даже при отсутствии первого правонарушения. Однако если смотреть на проблему с точки зрения объективно-абстрактной оценки убытков, признающей убытком уменьшение рыночной стоимости поврежденного (уничтоженного) объекта, то первый правонарушитель может быть признан

⁴⁹⁹ Van Dam C. Op. cit. P. 291; Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 164, 168.

⁵⁰⁰ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1616.

причинителем вреда⁵⁰¹.

Наиболее спорным является вопрос о возможности привлечения к ответственности последующего правонарушителя.

Г. Коциоль предлагает следующее решение: действия первого правонарушителя удовлетворяют всем условиям привлечения к гражданско-правовой ответственности, включая условие о наличии причинно-следственной связи, которая только «разбавлена» наличием действий последующего правонарушителя, которые привели бы к возникновению такого же вреда. В такой ситуации, по мнению Г. Коциоля, правонарушители должны нести солидарную ответственность⁵⁰².

По мнению Ф. Быдлински, в момент совершения второго правонарушения защищаемое субъективное право уже отсутствует (оно прекратилось в результате совершения первого правонарушения), в связи с чем последующий правонарушитель не может быть привлечен к ответственности⁵⁰³. Кроме того, отмечается, что в случае если объект уже был уничтожен в результате первого правонарушения, то поведение второго ответчика не могло создать высокий риск причинения вреда этому объекту, что также исключает ответственность второго ответчика⁵⁰⁴.

В немецкой судебной практике получил поддержку подход, заключающийся в возложении всей ответственности на первого правонарушителя, действия которого фактически привели к возникновению вреда, и игнорировании гипотетических последствий поведения второго лица⁵⁰⁵.

Такое же решение отражено в английском деле *Performance Cars v Abraham* (1962). В результате аварии, возникшей по вине другого автомобилиста, было незначительно повреждено (поцарапано) переднее крыло автомобиля истца. Для

⁵⁰¹ Bydlinski F. Op. cit. P. 23.

⁵⁰² Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 168.

⁵⁰³ Ibidem.

⁵⁰⁴ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 165.

⁵⁰⁵ Causation in European Tort Law. P. 196 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Digest of European Tort Law. P. 483–484 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Steel S. Op. cit. P. 19; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/20.

восстановления внешнего вида автомобиля истцу необходимо было полностью перекрасить машину, поскольку если бы он перекрасил только переднее крыло, то его цвет отличался бы от цвета остальной части кузова. Владелец автомобиля обратился в суд с иском о взыскании с виновника аварии стоимости покраски автомобиля (75 фунтов). Суд удовлетворил требования владельца автомобиля, однако виновник ДТП не исполнил судебный акт. Владелец поврежденного автомобиля не успел перекрасить его и через некоторое время попал в еще одно ДТП по вине другого автомобилиста. В результате второго ДТП было поцарапано уже заднее крыло автомобиля. Для восстановления внешнего вида автомобиля потребовалось перекрасить машину полностью. Владелец потребовал взыскать с виновника второго ДТП стоимость покраски автомобиля (те же 75 фунтов). Суд отказал в удовлетворении исковых требований, указав, что в результате действий виновника второго ДТП был поцарапан автомобиль, которому уже требовалась полная перекраска независимо от того, случилось бы второе ДТП или нет⁵⁰⁶.

С. Стил отмечает, что в 2009 г. дело, основанное на схожих фактических обстоятельствах, было аналогичным образом разрешено немецкими судами⁵⁰⁷.

В практике российских судов также встречается позиция, согласно которой первый причинитель не может быть освобожден от ответственности даже при наличии последующих действий второго причинителя, которые привели бы к такому же результату. Так, Арбитражный суд Центрального округа при рассмотрении одного из дел⁵⁰⁸ указал, что между действиями ответчика, закрасившего рекламную вывеску истца, и возникшим ущербом отсутствует причинно-следственная связь, поскольку ущерб рекламной вывеске истца уже был причинен до действий ответчика неустановленными лицами, нанесшими на рекламный щит надписи и рисунки. Из указанной позиции суда следует логичный вывод о том, что к ответственности может быть привлечен только первый

⁵⁰⁶ Green S. Op. cit. P. 36–37; Mulheron R. Op. cit. P. 479–480; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 247; Digest of European Tort Law. P. 490 (автор раздела – К. Oliphant); Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 401.

⁵⁰⁷ Steel S. Op. cit. P. 19.

⁵⁰⁸ Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 27 ноября 2013 г. по делу № А23-3705/2012.

правонарушитель.

Таким образом, господствующим является решение, согласно которому ответственность должно нести лицо, действия которого фактически причинили вред. Лицо, совершившее последующее действие, не подлежит привлечению к ответственности, поскольку его действия не привели к причинению вреда.

Действия последующего правонарушителя в определенной мере похожи на «покушение» на деликт. Если кто-то хотел причинить вред, но по каким-либо обстоятельствам его действия не привели к возникновению ущерба (к примеру, лицо, намереваясь разбить окно, бросило в него камень, однако камень не долетел до здания и не причинил никакого вреда), то такое лицо не несет какой-либо ответственности, поскольку отсутствует базовое условие деликтной ответственности (вред). Точно так же лицо, совершившее действие, которое не привело к негативному результату из-за того, что объект уже был уничтожен в результате действий другого лица, не должно нести ответственность, так как его действия не привели к какому-либо ущербу.

Ряд авторов (Ф. Рабер, Э. Крамер, В. Клевайн) сомневаются в допустимости освобождения последующего причинителя от ответственности в случаях, когда последующее правонарушение следует сразу же после уничтожения вещи в результате первого деликта. Если бы два лица совершили свои действия одновременно (т.е. имела бы место дублирующая причинная связь), то понесли бы солидарную ответственность, а небольшая временная разрозненность тех же самых действий исключает ответственность последующего правонарушителя, что, по мнению указанных авторов, является неправильным⁵⁰⁹.

Представляется, что между дублирующей причинной связью, когда два лица одновременно причиняют один и тот же вред, и опережающей причинной связью, когда вред причиняется одним лицом, а потом другое лицо совершает действие, которое привело бы к такому же вреду, если бы не действие первого правонарушителя, имеется сущностное различие. При дублирующей причинной связи каждый правонарушитель точно причинил вред, что объясняет возложение

⁵⁰⁹ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 166.

на причинителей солидарной ответственности. При опережающей причинной связи действия последующего правонарушителя не приводят к причинению вреда, чем и объясняется возложение всей ответственности только на первого правонарушителя. Вопрос о том, когда второй ответчик совершил действие – сразу же после уничтожения вещи или через определенное время после этого, не должен влиять на решение проблемы. Если исходить из солидарной ответственности первого и последующего правонарушителей, то в таком случае нужно привлекать к ответственности и тех, кто спустя 20 лет совершил действие, которое привело бы к вреду, если бы не действие первого причинителя вреда. Установление временного предела, по истечении которого не принимаются во внимание последующие действия, которые могли бы привести к причинению вреда уже уничтоженному объекту, будет отчасти произвольным решением.

Обозначенная проблема временного разрыва между действиями первого и второго правонарушителей может быть решена введением презумпции дублирующей причинной связи (правонарушитель отвечает солидарно с другим правонарушителем, если не докажет, что на момент совершения им правонарушения объект, которому он мог причинить вред, уже был уничтожен в результате ранее совершенных действий другого лица).

Более сложный пример опережающей причинной связи имеет место в случаях «длящегося» нарушения прав потерпевшего. К примеру, первый правонарушитель причинил потерпевшему вред, который привел к утрате потерпевшим трудоспособности и своего заработка. Через год другое лицо причиняет потерпевшему вред, который также привел бы к утрате потерпевшим трудоспособности. Таким образом, в результате последующего причинения вреда потерпевший в любом случае утратил бы возможность осуществлять трудовую деятельность (независимо от вреда, причиненного первым правонарушителем). Другой возможный пример «длящегося» нарушения связан с возмещением упущенной выгоды⁵¹⁰.

⁵¹⁰ К примеру, ответчик совершил поджог магазина и в результате пожара здание магазина полностью сгорело. Убытки собственника магазина выразились не только в стоимости

К. Ларенц предложил подход, разграничивающий вред, причиненный охраняемому интересу (*Objektschaden*), и косвенные убытки. Поскольку причинение вреда охраняемому интересу непосредственно порождает право на иск, последующее правонарушение не принимается во внимание, в то время как для возмещения косвенных убытков (утрата заработка) наличие второй причины принимает важное значение⁵¹¹. Право требовать возмещения стоимости уничтоженного объекта (реального ущерба) возникает в момент причинения вреда, с этого момента входит в состав имущества потерпевшего и не может отпасть в результате последующих событий. Потерпевший и так несет риск того, что он не сможет реализовать принадлежащее ему право в принудительном порядке. Если же на него будут возложены и риски, связанные с дальнейшей судьбой уничтоженного объекта, потерпевший будет вынужден нести двойное бремя. Что касается возмещения убытков, связанных с невозможностью дальнейшего использования уничтоженного объекта (упущенной выгоды), то при определении размера выпадающих будущих доходов по умолчанию должны учитываться возможные события и риски, связанные с ними, и в этом смысле учет будущего развития событий не рассматривается в качестве чрезмерного бремени, возлагаемого на потерпевшего⁵¹².

Схожую идею можно обнаружить у Г. Харта и Т. Оноре, которые предлагали разграничивать причинение вреда внеоборотным активам ("*capital assets*") и доходообразующим активам ("*income-producing assets*"). Примером внеоборотного актива является дом. В случае если бы в понедельник дом потерпевшего не был сожжен дотла в результате поджога, устроенного ответчиком, то теоретически потерпевший мог бы продать его до того, как во вторник дом был разрушен в результате землетрясения. В качестве примера доходообразующего актива Г. Харт

сгоревшего здания (реальный ущерб), но и в невозможности осуществления коммерческой деятельности (упущенная выгода). Через месяц по вине работника организации, обслуживающей дамбу, случился ее прорыв, из-за которого здание магазина в любом случае было бы разрушено, т.е. собственник магазина в любом случае прекратил бы получать доход.

⁵¹¹ Цит. по: Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 106.

⁵¹² Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/21; Digest of European Tort Law. P. 505–507 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt).

и Т. Оноре приводят способность человека к труду. Если в результате действий первого ответчика потерпевший утрачивает способность к труду в январе, а в феврале второй ответчик причиняет потерпевшему вред, который тоже приводит к утрате потерпевшим трудоспособности, то действия первого ответчика фактически привели к утрате потерпевшим только того дохода, который он мог бы получить в течение одного месяца. Способность к труду не является тем активом, который может реализовать свою полную стоимость в течение месяца⁵¹³.

Ф. Быдлински считает, что ситуации последовательного причинения «длящегося» вреда опережающая причинно-следственная связь представляет собой дублирующую причинно-следственную связь, но растянутую во времени. До совершения последующего правонарушения поведение первого правонарушителя является необходимым условием причинения вреда, после совершения последующего правонарушения возникает ситуация дублирующей причинной связи. Следовательно, первый правонарушитель обязан самостоятельно возместить потерпевшему утраченный им заработок (доход) в полном объеме до момента причинения потерпевшему вреда вторым правонарушителем, после чего оба делинквента несут солидарную ответственность по возмещению потерпевшему утраченного им заработка (дохода)⁵¹⁴. Такое же решение заложено в ст. 3:104(3) Принципов европейского деликтного права, согласно которой если первоначальное действие вызвало длящийся вред, а последующее действие позднее также могло стать его причиной, то и первоначальное, и последующее действия рассматриваются в качестве причины с этого времени.

Проблема последовательного причинения «длящегося» вреда была предметом рассмотрения в английском деле *Baker v. Willoughby* (1970). Первый ответчик повредил ногу истца в 1964 г., из-за чего она перестала сгибаться, что привело к ограничению его нетрудоспособности. В 1967 г. непосредственно перед рассмотрением судебного спора о возмещении вреда, причиненного первым правонарушителем, два вооруженных грабителя напали на истца. В ходе нападения

⁵¹³ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 246.

⁵¹⁴ Bydliniski F. Op. cit. P. 22.

грабители выстрелили в его травмированную ногу, в связи с чем впоследствии нога была ампутирована. Личности грабителей не были установлены. Суд признал действия первого правонарушителя причиной утратой потерпевшим доходов (в том числе за период после 1967 г.) несмотря на то, что нетрудоспособность потерпевшего в любом случае возникла бы в 1967 г. в результате нападения грабителей⁵¹⁵. В комментариях к данному решению отмечается, что если бы удалось установить личности грабителей, то при определении размера их ответственности учитывалось бы то обстоятельство, что они причинили вред уже поврежденному объекту (ампутированная нога уже была травмирована), в связи с чем грабители отвечали бы только за дополнительную утрату дохода. К примеру, если в результате первого правонарушения размер возможного дохода потерпевшего снизился со 100 единиц до 40, а в результате второго правонарушения снизился до 0, то первый правонарушитель отвечал бы исходя из снижения доходов потерпевшего в размере 60 единиц (разница между первоначальным доходом в размере 100 единиц и доходом после первого правонарушения в размере 40 единиц), а последующий – исходя из снижения доходов на 40 единиц (разница между доходом после первого правонарушения в размере 40 единиц и доходов после второго правонарушения в размере 0). Если бы действия последующего правонарушителя привели к такому же результату, который возник в результате первого правонарушения, то последующий правонарушитель не нес бы никакой ответственности⁵¹⁶.

Согласно немецкому праву действия последующего правонарушителя не устраняют ответственность первого правонарушителя⁵¹⁷. При этом последующий

⁵¹⁵ Digest of European Tort Law. P. 491 (автор раздела – K. Oliphant); Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 401; Mulheron R. Op. cit. P. 478–479; McBride N., Bagshaw R. Op. cit. P. 315; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/15–16; Steel S. Op. cit. P. 21; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 247; Von Bar C. Op. cit. P. 441; Будылин С.Л. Указ. соч. С. 126–127.

⁵¹⁶ Mulheron R. Op. cit. P. 479; Green S. Op. cit. P. 40; Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/18; Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 401.

⁵¹⁷ Causation in European Tort Law. P. 197 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher).

правонарушитель не несет ответственность, если его действия привели к такому же «длящемуся» вреду, что и действия первого правонарушителя, т.е. проблема последовательного причинения «длящегося» вреда в немецком праве разрешается таким же образом, как и в английском деле *Baker v. Willoughby*⁵¹⁸.

Представляется, что при рассмотрении вопроса о возмещении «длящегося» вреда теоретически возможна конструкция солидарной ответственности первого и последующего правонарушителей. К примеру, первый правонарушитель нанес потерпевшему травму, которая привела к утрате им трудоспособности. Через некоторое время другое лицо нанесло потерпевшему иную травму, которая также привела бы к потере трудоспособности. Здесь не будет работать довод об уничтожении объекта, так как после первого правонарушения телесная целостность или здоровье потерпевшего в определенной степени сохранились.

В данной ситуации допустимо возложение солидарной ответственности в части возмещения утраченного заработка на обоих правонарушителей с момента совершения второго правонарушения. Такой подход будет соответствовать интересам потерпевшего, который будет иметь возможность предъявить требование о возмещении утраченного заработка к нескольким солидарным должникам, каждый из которых причинил определенный вред его здоровью. Такое решение будет иметь и дисциплинирующий эффект, поскольку при ином подходе размер ответственности правонарушителей, причинивших вред лицам, уже утратившим трудоспособность, будет значительно ниже размера ответственности, к которой такие правонарушители были бы привлечены в случае причинения вреда здоровым лицам.

Кроме того, необходимо учитывать, что ГК РФ в качестве возможной рассматривает ситуацию, когда трудоспособность потерпевшего возрастает по сравнению с той, которая была у него на момент присуждения возмещения вреда (п. 2 ст. 1090 ГК РФ). В таком случае лицо, на которое возложена обязанность возмещения вреда, причиненного здоровью потерпевшего, вправе потребовать соответствующего уменьшения размера возмещения.

⁵¹⁸ Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/20.

При этом возможно и полное восстановление трудоспособности потерпевшего (к примеру, в результате изобретения нового лекарства). Допустим, было изобретено лекарство, которое полностью устранило негативные последствия, вызванные первым правонарушением, однако потерпевший продолжает оставаться нетрудоспособным из-за травмы, нанесенной последующим правонарушителем. Если следовать концепции, согласно которой ответственность за утрату трудоспособности несет только первый правонарушитель, то возможны два варианта:

– либо первый правонарушитель будет продолжать возмещать потерпевшему утраченный им заработок, хотя нетрудоспособность потерпевшего уже не является следствием его действий (например, со ссылкой на отсутствие оснований для применения п. 2 ст. 1090 ГК РФ, поскольку трудоспособность потерпевшего *в целом* не была восстановлена);

– либо потерпевший не будет получать никакого возмещения утраченного заработка, если первый правонарушитель будет освобожден от этой обязанности в связи с устранением негативных последствий первого правонарушения.

Солидарная ответственность обоих правонарушителей за «длящийся» вред обеспечит справедливое решение для таких ситуаций. После устранения негативных последствий первого правонарушения первый правонарушитель уже не будет нести обязанность по возмещению утраченного заработка, при этом это не лишит потерпевшего возмещения утраченного заработка, который будет продолжать возмещаться последующим правонарушителем.

Такую же логику можно попробовать применить к возмещению упущенной выгоды в случаях, когда невозможность получения выгоды была обусловлена различными правонарушениями. Предположим, что из-за неосторожности первого ответчика в помещении, которое потерпевший использовал для производства одежды, возник пожар. Для восстановления помещения потребовался ремонт длительностью 2 месяца, в этот период потерпевший не мог осуществлять свою предпринимательскую деятельность. Через месяц второй ответчик повредил оборудование, используемое потерпевшим для производства одежды, для ремонта

которого потребовалось 2 месяца. В отсутствие исправного оборудования потерпевший также не мог осуществлять свою предпринимательскую деятельность. В такой ситуации упущенную выгоду за первый месяц должен возместить первый ответчик, виновный в возникновении пожара в помещении, за второй месяц – оба ответчика солидарно, так как невозможность осуществления предпринимательской деятельности в этот период была обусловлена как пожаром в помещении, так и повреждением оборудования, за третий месяц – второй ответчик, виновный в повреждении оборудования.

§ 3.2. Причинение вреда, который впоследствии был бы причинен в результате обстоятельства, относящегося к собственной сфере потерпевшего

Другим примером опережающей причинной связи является причинение вреда, который потом все равно был бы причинен в результате действия непреодолимой силы. К примеру, дом потерпевшего полностью сгорел в результате поджога, совершенного ответчиком. На следующий день случилось землетрясение, которое все равно разрушило бы дом потерпевшего. Поджигатель просит освободить его от ответственности, ссылаясь на то, что его действия не являлись необходимым условием вреда, поскольку дом все равно был бы уничтожен землетрясением на следующий день после пожара⁵¹⁹.

С точки зрения французского права, ответственность в полном объеме (и в части возмещения реального ущерба, и в части возмещения упущенной выгоды) возлагается на фактического причинителя вреда. Такое решение обосновывается тем, что требование о возмещении вреда возникает в момент его причинения и не зависит от обстоятельств, которые могут иметь место в период между датой причинения вреда и датой его возмещения⁵²⁰. Такое же решение закреплено в ст. 3:104(1) Принципов европейского деликтного права⁵²¹.

⁵¹⁹ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 106.

⁵²⁰ Causation in European Tort Law. P. 185–186 (автор раздела – C. Quézel-Ambrunaz); Galand-Carval S. Op. cit. P. 60; Van Dam C. Op. cit. P. 292.

⁵²¹ Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement. P. 1616.

Как было указано выше, господствующий в немецкой судебной практике и доктрине подход основан на разграничении двух типов вреда. Право требовать возмещения стоимости уничтоженного объекта (реального ущерба) возникает в момент причинения вреда, с этого момента входит в состав имущества потерпевшего и не может отпасть в результате последующих событий. Упущенная выгода подлежит возмещению только за период с момента уничтожения объекта до момента, когда объект был бы уничтожен в результате последующего события⁵²².

Г. Шварц отмечает, что многие американские правоведы полагают, что требование собственника разрушенного дома к лицу, действия которого привели к пожару, должно быть удовлетворено, поскольку землетрясение не было предвидимым в момент начала пожара, однако данная позиция не является общепризнанной (например, сам Г. Шварц сомневается в ее обоснованности)⁵²³.

Вместе с тем встречается подход, допускающий ограничение ответственности причинителя вреда при возникновении впоследствии события, которое привело бы к такому же вреду. Так, к примеру, К. Олифант и У. Гортон Роджерс, комментируя пример с пожаром и последующим землетрясением с точки зрения английского права, отмечают, что лицо, чьи действия стали причиной пожара, должно компенсировать только невозможность использования дома в период с момента пожара до землетрясения. Обязанность по возмещению стоимости дома, разрушенного в результате землетрясения, на ответчика не возлагается, поскольку действия ответчика не находятся в причинной связи с невозможностью пользования домом в период после землетрясения, так как этот вред возник бы в любом случае⁵²⁴. Однако если истцу уже была присуждена компенсация за причиненный пожаром вред, то последующее землетрясение не может стать основанием для пересмотра решения суда и снижения размера

⁵²² Digest of European Tort Law. P. 505–507 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Causation in European Tort Law. P. 196–197 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/20–21.

⁵²³ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 125.

⁵²⁴ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 48; Causation in European Tort Law. P. 212 (автор раздела – K. Oliphant).

компенсации⁵²⁵.

В деле *Jobling v Associated Dairies Ltd* (1982) была подтверждена позиция, согласно которой «длящийся» вред (в данном деле – утрата заработка), причиненный в результате действий ответчика, подлежит возмещению только до момента наступления обстоятельства, относящегося к собственной сфере потерпевшего и влекущего аналогичный «длящийся» вред, при условии, что такое обстоятельство возникло до вынесения судебного акта по иску потерпевшего о возмещении вреда к ответчику (если такое обстоятельство возникло уже после присуждения потерпевшему возмещения в связи с причинением первоначального вреда, то это обстоятельство не является основанием для пересмотра решения и отказа в присуждении потерпевшему возмещения вреда за последующие периоды)⁵²⁶.

По нашему мнению, последующее обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего, не может освобождать причинителя вреда от обязанности по возмещению реального ущерба. Требование о возмещении вреда, причиненного правонарушителем, возникло в момент причинения вреда и не ставится в зависимость от последующих событий.

Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 13 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-10125 по делу № А40-52603/2017 была высказана правовая позиция, согласно которой указанные в ст. 15 ГК РФ принцип полного возмещения вреда, а также состав подлежащих возмещению убытков обеспечивают восстановление имущественной сферы потерпевшего в том виде, который она имела до правонарушения, однако по общему правилу исключается как неполное возмещение понесенных убытков, так и обогащение потерпевшего за счет причинителя вреда⁵²⁷.

⁵²⁵ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 46

⁵²⁶ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 247; Mulheron R. Op. cit. P. 481–482; Green S. Op. cit. P. 40; Digest of European Tort Law. P. 517 (автор раздела – K. Oliphant); Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth. P. 400–401.

⁵²⁷ При этом данная правовая позиция была высказана Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ применительно к иному вопросу о допустимости включения в состав убытков расходов, понесенных потерпевшим в результате правонарушения, но компенсированных ему в полном объеме за счет иных источников (речь шла о допустимости

С учетом данной правовой позиции можно ставить вопрос об установлении определенных пределов возмещения упущенной выгоды, возникшей в результате правонарушения, если впоследствии наступило обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего, также исключающее возможность получения потерпевшим такой выгоды.

К примеру, потерпевший осуществлял определенную предпринимательскую деятельность в помещении, находящемся на первом этаже многоквартирного дома. Собственник квартиры, расположенной над этим помещением, затопил его, в связи с чем потерпевший был вынужден закрыть свое заведение на 2 месяца (срок ремонта). Между тем через месяц после затопления органами власти был введен запрет на осуществление такого рода предпринимательской деятельности в помещениях, расположенных в многоквартирных домах. Следовательно, во время второго месяца потерпевший не получил бы никакой выгоды независимо от действий правонарушителя. Присуждение потерпевшему упущенной выгоды за 2 месяца приведет к обогащению потерпевшего за счет причинителя вреда (в части упущенной выгоды за второй месяц). Таким образом, в случае применения к данным обстоятельствам правовой позиции, изложенной в определении Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-10125 по делу № А40-52603/2017, потерпевший помимо возмещения реального ущерба (стоимости ремонта помещения) может претендовать на возмещение упущенной выгоды только за 1 месяц (до момента вступления в силу запрета на осуществление предпринимательской деятельности в таких помещениях), а не за 2 месяца.

Аналогичную логику теоретически можно было бы применить к вопросу о том, обязан ли правонарушитель возмещать потерпевшему утраченный им заработок в случае последующего возникновения обстоятельства, относящегося к собственной сфере потерпевшего, которое повлекло бы утрату потерпевшим

включения в состав убытков сумм НДС, относящихся к товарам (работам, услугам), приобретаемым потерпевшим в целях устранения последствий ненадлежащего исполнения обязательств другой стороны сделки, право на вычет которых имел потерпевший).

трудоспособности (например, тяжелой болезни). Если не учитывать такое последующее обстоятельство, то потерпевший будет продолжать получать возмещение утраченного дохода, который он не получал бы и в отсутствие правонарушения.

Между тем ст. 1090 ГК РФ, регулирующая вопрос последующего изменения размера возмещения вреда, не содержит такое основание для снижения размера возмещения. Согласно п. 38 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» основаниями для изменения размера возмещения вреда согласно ст. 1090 ГК РФ являются:

- а) изменение степени утраты трудоспособности потерпевшего;
- б) изменение имущественного положения потерпевшего и (или) причинителя вреда⁵²⁸.

Таким образом, возникновение обстоятельства, относящегося к собственной сфере потерпевшего, также влекущего утрату им трудоспособности, не должно являться основанием для прекращения обязанности правонарушителя по выплате

⁵²⁸ Конституционный Суд РФ в постановлении от 25 июня 2019 г. № 25-П обращал внимание на то, что ст. 1090 ГК РФ, регламентирующая отдельные (специальные) случаи последующего изменения размера возмещения вреда, не может рассматриваться в качестве нормативно установленного исключения из общего правила об определении размера возмещения вреда в рамках деликтных обязательств в полном объеме. Если под полнотой возмещения убытков понимать как недопустимость неполного возмещения вреда, так и недопустимость обогащения потерпевшего за счет причинителя вреда (Определение Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-10125 по делу № А40-52603/2017), то ст. 1090 ГК РФ возможно истолковать как не препятствующую прекращению обязанности правонарушителя по выплате потерпевшему возмещения утраченного им заработка в случае возникновения обстоятельства, относящегося к собственной сфере потерпевшего, также влекущего утрату им трудоспособности.

Вместе с тем необходимо учитывать, что Конституционный Суд РФ давал такое разъяснение положений ст. 1090 ГК РФ не для сужения, а, наоборот, для расширения возможностей получения потерпевшим возмещения причиненного ему вреда (в деле, рассмотренном Конституционным Судом РФ, – для обеспечения возможности получения потерпевшим возмещения необходимых расходов на услуги сиделки в случае, если ранее в его пользу вынесено судебное решение о взыскании бессрочно расходов на постоянный посторонний уход, в котором вопрос об оплате услуг сиделки не исследовался), поэтому такое расширительное толкование правовой позиции Конституционного Суда РФ представляется нам крайне сомнительным.

потерпевшему возмещения утраченного им заработка.

§ 4. Вытесняющая причинно-следственная связь

Вытесняющая причинная связь характеризуется следующими признаками:

1) совершается правонарушение, наступление вредоносного эффекта которого растянуто во времени (вредоносный эффект которого возникает не сразу, а через определенное время);

2) до момента реализации вредоносного эффекта первого правонарушения совершается второе правонарушение, которое причиняет такой же вред, который был бы причинен потерпевшему при наступлении эффекта первого правонарушения.

Отличие вытесняющей причинной связи от опережающей заключается в том, что при опережающей связи вред фактически причиняется в результате первого правонарушения, а при вытесняющей – в результате второго (по времени совершения).

Римские юристы предпринимали попытки решить проблему вытесняющей причинно-следственной связи на следующем примере⁵²⁹: Первый правонарушитель смертельно ранит раба, но до того, как умереть от первой раны, раб получает другую рану от второго правонарушителя, от которой немедленно умирает. Ни действия первого правонарушителя, ни действия второго правонарушителя не являются *conditio sine qua non* смерти раба (раб в любом случае умер бы от раны, причиненной другим лицом).

Цельз, Марцелл и Ульпиан исходили из того, что действия первого правонарушителя не были непосредственной причиной смерти раба из-за вмешательства второго правонарушителя, в связи с чем ответственным за смерть раба признавался только второй правонарушитель.

Однако данное решение не было бесспорным. Юлиан придерживался иной

⁵²⁹ Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990. P. 992–993; Sirks A.J.B. Op. cit. P. 260; Digest of European Tort Law. P. 479–480 (автор раздела – N. Jansen); Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 243, 245.

точки зрения, согласно которой за смерть раба ответственность должно нести как первый, так и второй правонарушители. Обосновывая ответственность первого правонарушителя, Юлиан указывал на то, что, поскольку его действия определенно привели бы к смерти раба, не имеет значения, когда фактически наступила смерть – немедленно после получения ранения или спустя определенное время.

Юлианом был приведен традиционный пример вытесняющей причинной связи: первый правонарушитель отравляет коня ядом, действие которого растянуто во времени. До того момента, когда конь должен был умереть из-за действия яда, второй правонарушитель поджигает стойло, где конь содержался, в результате чего конь гибнет.

В современном праве отсутствует единый подход к разрешению данной проблемы.

По мнению Г. Харта и Т. Оноре, ответственность в полном объеме должна возлагаться на лицо, чьи действия «нейтрализовали» последствия предшествующего поведения другого лица и фактически привели к возникновению вреда⁵³⁰ (в обсуждаемом примере – на поджигателя). Аналогичной позиции придерживается С. Стил⁵³¹.

С. Галан-Карваль полагает, что таким образом проблема вытесняющей причинной связи будет решена французскими судами⁵³².

Г. Коциоль предлагает решить проблему вытесняющей причинной связи путем возложения солидарной ответственности на обоих правонарушителей. По мнению ученого, если в момент причинения вреда уже существовал риск уничтожения вещи вторым правонарушителем, то данный риск уже сам по себе привел к уменьшению стоимости вещи (поскольку стоимость вещи, в отношении которой существует высокая степень риска ее повреждения или уничтожения, ниже стоимости такой же вещи, в отношении которой такой риск отсутствует или является минимальным). Поэтому действия обоих правонарушителей находятся в

⁵³⁰ Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 239.

⁵³¹ Steel S. Op. cit. P. 18.

⁵³² Galand-Carval S. Op. cit. P. 56.

потенциальной причинной связи с уменьшением стоимости вещи, в связи с чем они должны нести солидарную ответственность, как в случае дублирующей причинной связи⁵³³.

Между тем наличие риска уничтожения вещи не может уменьшить ее стоимость до 0, поэтому нельзя уравнивать стоимость уничтоженной вещи и стоимость вещи, в отношении которой существует риск ее уничтожения. Следовательно, не может быть и солидарной ответственности обоих правонарушителей в отношении возмещения полной стоимости уничтоженной вещи. Если же Г. Коциоль имеет в виду солидарную ответственность только за уменьшение стоимости вещи, то отравитель должен отвечать за всю стоимость погибшего коня, а в части возмещения стоимости отравленного коня, который в скором времени погибнет, отравитель и поджигатель должны нести солидарную ответственность.

Похожий подход получил распространение в немецком праве. Согласно немецкой позиции при распределении ответственности должны учитываться обстоятельства, которые существовали в момент причинения вреда и вскоре привели бы к такому же вреду. Они фактически уменьшили стоимость объекта на момент его уничтожения вытесняющими действиями ответчика⁵³⁴. У. Магнус полагает, что в обсуждаемом примере отравитель должен нести ответственность в полном объеме, в то время как поджигатель должен отвечать за преждевременную (ранее гибели от отравления) гибель коня⁵³⁵.

Третьим подходом является распределение ответственности между отравителем и поджигателем; он, вероятно, получит поддержку в английском суде. Отравитель пытался убить животное, но не преуспел в этом. Поджигатель причинил смерть коню посредством пожара, но погибший от пожара отравленный конь был менее ценным, чем здоровый (неотравленный) конь. Действия

⁵³³ Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 166.

⁵³⁴ Digest of European Tort Law. P. 505–506 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Causation in European Tort Law. P. 197 (авторы раздела – N. Jansen, D. Kästle-Lamparter, L. Rademacher); Van Gerven W., Larouche P., Lever J. Op. cit. P. 429/20.

⁵³⁵ Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 69.

поджигателя не отменяют того, что уже было совершено отравителем, его действия только ухудшили ситуацию. Таким образом, отравитель отвечает за уменьшение стоимости умирающего от отравления коня, а поджигатель – за причинение смерти коню в размере, соответствующем уменьшившейся стоимости коня на момент пожара⁵³⁶.

Позиция американских судов основана на том, что поджигатель несет ответственность за гибель коня, но для уменьшения размера ответственности он может ссылаться на короткую ожидаемую продолжительность жизни отравленного коня. В то же время весьма спорным остается вопрос о привлечении к ответственности отравителя за уменьшение ожидаемой продолжительности жизни животного⁵³⁷.

В американском деле *Dillon v. Twin State* (1932) мальчик, потеряв равновесие, упал с моста и должен был погибнуть в результате падения о землю. Под мостом были протянуты неизолированные электрические провода. Мальчик, пытаясь спастись, схватился за провод и погиб от удара электрическим током⁵³⁸. Суд пришел к выводу, что действия компании, занимающейся обслуживанием электрических проводов, могут быть признаны причиной гибели ребенка, однако при определении размера ее ответственности необходимо учитывать, что мальчик в любом случае погиб бы в результате падения, поскольку в такой ситуации стоимость жизни ребенка фактически равнялась нулю⁵³⁹.

По нашему мнению, в ситуации вытесняющей причинной связи, как и в случае опережающей причинности, ответственность должен нести тот, чьи действия фактически привели к вреду, т.е. в данном случае последующий правонарушитель. Действия первого правонарушителя похожи на «покушение» на причинение вреда. Правонарушитель, который отравил коня, гибель которого была предотвращена введением противоядия, не должен отвечать за его гибель (так как

⁵³⁶ Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 42.

⁵³⁷ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 124.

⁵³⁸ Steel S. Op. cit. P. 19.

⁵³⁹ Stapleton J. Uncertain causes: asbestos in UK courts. P. 107–108; Hart H.L.A., Honoré T. Op. cit. P. 242–243.

она не наступила). Точно так же не должен отвечать и правонарушитель, отравивший коня, смерть которого *в результате воздействия яда* не наступила в связи с тем, что конь погиб в результате пожара, устроенного другим лицом.

Размер ответственности последующего правонарушителя не должен снижаться в связи с наличием первого правонарушения, которое впоследствии привело бы к возникновению такого же вреда. Если придерживаться такого подхода, то размер ответственности лица, из-за действий которого потерпевший лишился трудоспособности, должен снижаться и в случаях, когда потерпевший был болен заболеванием, которое впоследствии привело бы к утрате потерпевшим трудоспособности. Такое правило приведет к тому, что в одинаковых ситуациях потерпевшим может присуждаться разный объем возмещения. Предположим, что ответчик причинил вред двум потерпевшим, из-за чего они оба утратили трудоспособность. Оба потерпевших являются абсолютно одинаковыми, за исключением того, что на момент причинения вреда у одного из них была болезнь, которая через три года привела бы к утрате им трудоспособности. В случае если при определении ответственности последующего правонарушителя будет учитываться возможная материализация последствий предшествующего обстоятельства (действия первого правонарушителя или болезни потерпевшего), то в данном примере один потерпевший будет получать возмещение утраченного заработка бессрочно, а другой – только в течение 3 лет. Кроме того, такой подход расширит предмет споров о возмещении вреда, поскольку в рамках любого спора будет проверяться наличие на момент причинения вреда обстоятельств, которые могли бы привести к такому же вреду в будущем (например, при причинении вреда здоровью будет проверяться вопрос о том, не было ли у потерпевшего заболевания, которое привело бы к такому же вреду).

Спорным является вопрос о том, должен ли отвечать правонарушитель, если последующее событие относится к собственной сфере потерпевшего. К примеру, правонарушитель отравил потерпевшего, однако отравленный совершил самоубийство до того, как яд подействовал. Должен ли отравитель отвечать за смерть потерпевшего? Представляется, что правонарушитель, чьи действия были

«вытеснены» действиями самого потерпевшего, не должен отвечать за возникший вред, если действия потерпевшего не были никак обусловлены действиями правонарушителя (к примеру, если самоубийца не знал о том, что он был отравлен). Если же действия потерпевшего были обусловлены действиями правонарушителя (например, потерпевший, узнав о том, что он был отравлен сильным ядом, от которого нет противоядия, и в скором времени начнет болезненно умирать, совершил самоубийство для того, чтобы не мучиться), то можно ставить вопрос об ответственности правонарушителя.

§ 5. Превентивные расходы и тщетно понесенные расходы

Существуют и иные спорные случаи, в которых встает вопрос о допустимости возмещения расходов, которые были бы понесены потерпевшим независимо от факта причинения вреда, т.е. расходов, необходимым условием несения которых действия правонарушителя формально не являлись. В частности, речь идет о двух проблемах:

1) допустимости возмещения расходов, понесенных потерпевшим до причинения вреда на случай его причинения с целью уменьшения его размера (*"preventive expenses"*);

2) допустимости возмещения расходов, связанных с обладанием определенным объектом (арендная плата, страховые платежи, налоги и т.п.), которые потерпевший продолжает нести после причинения вреда, не имея возможности использовать такой объект по назначению (*"frustrated expenses"*).

§ 5.1. Превентивные расходы

Одним из примеров, когда тест необходимого условия работает не вполне корректно, является несение расходов на случай причинения вреда до его причинения. К примеру, транспортная компания покупает резервный автобус на случай повреждения одного из основных автобусов. Водитель спровоцировал ДТП, в результате которого один из основных автобусов был поврежден, в связи с чем

транспортная компания вынуждена задействовать резервный автобус на время ремонта основного. Возникает вопрос о том, обязан ли виновник ДТП возместить транспортной компании расходы на содержание резервного автобуса.

Если приложить к данному примеру тест необходимого условия, то необходимо заключить, что действия ответчика (виновника ДТП) не являются условием несения транспортной компанией расходов на приобретение резервного транспортного средства, поскольку данные расходы были бы понесены транспортной компанией и при непопадании ответчика в ДТП. При таком подходе превентивные расходы не должны возмещаться. Но получило ли подобное решение поддержку в судебной практике и доктрине?

Верховный суд ФРГ, столкнувшись с данной проблемой в 1960 г., посчитал, что требование транспортной компании подлежит удовлетворению по двум основаниям⁵⁴⁰.

Во-первых, в результате повреждения основного автобуса истца у правонарушителя возникла обязанность предоставить в распоряжение истца такой же автобус на период ремонта поврежденного автобуса или компенсировать истцу стоимость аренды такого автобуса. Нет никакой разницы, арендует ли истец автобус у кого-нибудь еще или использует свои резервные автобусы, которые были приобретены именно на такой случай. Несмотря на то, что расходы на приобретение резервного автобуса были понесены уже в момент его приобретения, они были понесены для того, чтобы исправить нежелательные последствия противоправных действий третьих лиц. Таким образом, если резервный автобус используется в качестве замены основного автобуса, поврежденного в результате действий правонарушителя, справедливым будет перенести часть понесенных транспортной компанией расходов на правонарушителя.

Во-вторых, согласно абз. 2 § 254 ГГУ потерпевший обязан принять меры по предотвращению вреда или уменьшению его размера. От потерпевшего можно

⁵⁴⁰ Markesinis B., Unberath H. Op. cit. P. 935; Magnus U. Causation in German Tort Law. P. 71; Digest of European Tort Law. P. 169 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt); Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 138.

ожидать использования резервного автобуса, только если ответчик впоследствии возместит ему конечные затраты. Не имеет никакого значения, понесены эти расходы до или после причинения вреда. В обоих случаях требование носит деликтный характер, а не вытекает из действий в чужом интересе без поручения⁵⁴¹.

Р. Циммерманн и Й. Кляйншмидт указывают, что Верховный суд ФРГ смог обосновать наличие причинной связи между аварией и понесенными расходами с помощью искусственной конструкции: суд указал, что авария является причиной использования резервного автобуса. Данный подход был подвергнут критике. По мнению указанных авторов, значение имеет не факт использования транспортных средств, а факт того, что расходы на приобретение резервного автобуса были понесены до причинения вреда. По сути, Верховный суд ФРГ заменил требование о необходимости наличия причинной связи между правонарушением и наступившим вредом для присуждения убытков соображениями справедливости.

Критики решения Верховного суда ФРГ указывают также, что немецкое право исходит из того, что правонарушитель отвечает за все последствия своего поведения, даже если они были обусловлены предрасположенностью потерпевшего (правонарушитель не может ссылаться на предрасположенность потерпевшего в качестве основания для освобождения от ответственности, он «должен принимать потерпевшего таким, каким он его находит»). Аналогичным образом правонарушитель должен получать преимущества, связанные с принятием потерпевшим различных мер предосторожности, которые предотвратили вред или уменьшили его размер.

Кроме того, отмечается, что позиция суда должна приводить к тому, что виновник ДТП, в котором получил повреждения другой автомобиль или мотоцикл, должен возместить потерпевшей стороне также и стоимость установки ремней безопасности в автомобиле или стоимость шлема мотоциклиста, поскольку их наличие предотвратило причинение бóльшего вреда. При этом с учетом абз. 2 § 254 ГГУ, который возлагает на потерпевшего обязанность принять меры по предотвращению или уменьшению размера вреда, расходы на принятие общих мер

⁵⁴¹ Digest of European Tort Law. P. 169 (авторы раздела – R. Zimmermann, J. Kleinschmidt).

предосторожности должен нести сам потерпевший.

Наконец, Р. Циммерманн и Й. Кляйншмидт заключают, что позиция Верховного суда ФРГ по вопросу о возможности возмещения стоимости приобретения подменного транспорта является решением частного случая и из нее не может выводиться общее правило⁵⁴².

Верховный суд Нидерландов при рассмотрении спорного вопроса отметил, что резервный автобус использовался транспортной компанией для того, чтобы не потерять свой доход. Поскольку неиспользование резервного автобуса являлось бы нарушением обязанности по уменьшению размера причиненного вреда, суд присудил транспортной компании частичное возмещение расходов на приобретение резервного автобуса, несмотря на то что данные расходы были понесены до причинения вреда⁵⁴³.

Верховным судом Австрии был предложен подход, не противоречащий тесту *conditio sine qua non*. По мнению Верховного суда, расходы на приобретение резервных автобусов должны быть возмещены в размере, пропорциональном периоду ремонта поврежденного автобуса, но не на основании норм деликтного права, а на основании норм о действиях в чужом интересе без поручения. Транспортная компания могла бы арендовать подменный автобус, однако стоимость аренды практически всегда превышает размер расходов на приобретение запасного автобуса, рассчитанных пропорционально периоду ремонта поврежденного автобуса. Меры, предпринятые транспортной компанией для предотвращения приостановки своей деятельности, фактически были совершены в интересах виновника ДТП, поскольку сумма затрат, понесенных транспортной компанией на случай повреждения основных автобусов по вине третьих лиц, была ниже стоимости аренды подменного автобуса на период ремонта основного автобуса⁵⁴⁴.

⁵⁴² Ibid. P. 170–171.

⁵⁴³ Digest of European Tort Law. P. 179–180 (авторы раздела – W.H. van Boom, I. Giesen).

⁵⁴⁴ Koziol H. Natural and Legal Causation. P. 58–59; Idem. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 138–139; Idem. Austria // Unification of Tort Law: Causation. P. 17; Digest of European Tort Law. P. 174–175 (автор раздела – B.A. Koch); Von Bar C. Op. cit. P. 449.

В Англии вопрос о допустимости возмещения расходов на приобретение и содержание подменного транспорта был разрешен в деле *Birmingham Corporation v. Sowsbery* (1970).

Транспортная компания требовала возмещения стоимости расходов на содержание подменного автобуса в составе парка резервного транспорта (4,11 фунта в день). Стоимость аренды подменного автобуса при этом составляла 8 фунтов в день.

Судья Дж. Лейн отметил, что вывод о том, что истцу не было причинено никакого ущерба в связи с тем, что временная утрата одного транспортного средства не оказала негативного воздействия на функционирование принадлежащего истцу автопарка в целом, был бы слишком упрощенным. Истец был лишен движимого имущества, имеющего денежную стоимость, на длительный период времени и имеет право на возмещение убытков.

Таким образом, в Англии право потерпевшего требовать возмещения расходов на приобретение запасного транспортного средства обосновывается утратой возможности использовать поврежденное транспортное средство. При таком подходе присуждение возмещения расходов не вступает в противоречие с тестом *conditio sine qua non*.

Данный подход не являлся новым для английских судов. Еще в деле *The Mediana* (1900) графом Холзбери была предложено следующее обоснование допустимости возмещения расходов на подменный транспорт: «Представьте, что кто-то забрал из моей комнаты стул на срок 12 месяцев. Может ли кто-либо заявить, что размер присуждаемых убытков должен быть снижен с учетом того, что я обычно не сижу на этом стуле или в комнате имеется большое количество других стульев? Такое утверждение представляется мне абсурдным»⁵⁴⁵.

Основным спорным вопросом в деле *Birmingham Corporation v. Sowsbery* являлся вопрос о порядке определения размера возмещаемых убытков. Судом было рассмотрено два возможных подхода к его решению. Первый предлагал

⁵⁴⁵ Digest of European Tort Law. P. 181–183 (автор раздела – К. Oliphant); Horton Rogers W.V. Causation under English Law. P. 45–46; Von Bar C. Op. cit. P. 17.

приравнивать размер возмещения к стоимости обслуживания и эксплуатации поврежденного транспортного средства на основании предположения о том, что указанная сумма отражает примерную ценность данного имущества для его владельца. Данный подход критиковался за то, что предоставляет «премию за неэффективность», поскольку предполагает, что бóльшие расходы на содержание запасного транспортного средства должны приводить к присуждению убытков в большем размере.

Второй вариант предлагал рассчитывать размер возмещения исходя из суммы процентов, начисленных на стоимость транспортного средства, существовавшую в момент причинения вреда, за время его ремонта. Несправедливость второго подхода проявляется в случаях повреждения объектов, которые при их использовании быстро и существенно падают в цене. Такая позиция приводит к непоследовательным выводам, зависящим от стоимости конкретного объекта в момент причинения вреда. Например, база для начисления процентов на стоимость автобуса, который эксплуатировался в течение 10 лет, будет значительно ниже базы для начисления процентов на стоимость нового автобуса, несмотря на то, что транспортная компания использовала для их замены один и тот же резервный автобус и несла одни и те же расходы.

Суд, принимая во внимание тот факт, что первый подход (расчет убытков исходя из стоимости обслуживания и эксплуатации поврежденного транспортного средства) обеспечивает более устойчивую основу для расчета убытков, отдал предпочтение именно ему. Поскольку ответчик не оспаривал, что сумма расходов на содержание резервного автобуса не отличается от оценки разумных операционных расходов истца, суд присудил истцу возмещение убытков в истребуемом размере (4,11 фунта за каждый день ремонта поврежденного транспортного средства). При этом суд не делал вывода о том, что действия виновника аварии повлекли за собой необходимость несения истцом данных расходов, а использовал сумму расходов на содержание резервного автобуса в качестве наиболее приближенной к действительности оценки ущерба, понесенного

истцом в связи с невозможностью использования поврежденного автобуса⁵⁴⁶. При этом в делах, связанных с причинением вреда морским судам, имеющим более длительный срок эксплуатации и, соответственно, менее подверженным амортизации, английскими судами использовался именно второй подход (расчет убытков исходя из суммы процентов, начисленных на стоимость транспортного средства, существовавшую в момент причинения вреда, за время его ремонта)⁵⁴⁷.

Расходы, понесенные на случай причинения вреда, возмещаются и в иных правопорядках.

С. Галан-Карваль указывает, что французские суды часто взыскивают с виновников ДТП расходы на аренду резервного транспорта в качестве убытков, поэтому, вероятнее всего, присудят транспортной компании возмещение расходов на содержание резервного автобуса, если будут представлены доказательства, подтверждающие необходимость использования резервного автобуса⁵⁴⁸.

Г. Шварц отмечает, что такие расходы могут быть возмещены и в США⁵⁴⁹.

Принципы европейского деликтного права (ст. 2:104) также предусматривают, что расходы, понесенные с целью предотвращения угрозы причинения ущерба, рассматриваются в качестве подлежащего возмещению ущерба при условии, что сумма этих расходов не превышает разумных пределов⁵⁵⁰.

Из анализа иностранного опыта следует, что несение превентивных расходов до момента причинения вреда само по себе не препятствует их возмещению.

В российской судебной практике можно обнаружить пример диаметрально противоположного решения проблемы возмещения превентивных расходов (дело № А50-24226/2013⁵⁵¹).

В результате ДТП, произошедшего по вине ответчика, был поврежден автобус, принадлежащий истцу. Истец обратился в суд с иском о взыскании с

⁵⁴⁶ Digest of European Tort Law. P. 182 (автор раздела – К. Oliphant).

⁵⁴⁷ Ibid. P. 183.

⁵⁴⁸ Galand-Carval S. Op. cit. P. 59.

⁵⁴⁹ Schwartz G.T. Causation under US Law. P. 125.

⁵⁵⁰ Digest of European Tort Law. P. 188 (автор раздела – Т.К. Graziano).

⁵⁵¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 декабря 2014 г. по делу № А50-24226/2013.

виновника ДТП расходов, понесенных в связи с необходимостью аренды другого автобуса на период ремонта поврежденного автобуса. Договор аренды резервного автобуса был заключен до даты ДТП.

Суды всех инстанций отказали в удовлетворении исковых требований, указав, что затраты по аренде резервного автобуса не были обусловлены невозможностью эксплуатации поврежденного автобуса, поскольку резервный автобус на момент ДТП уже находился в аренде у истца.

Суды пришли к выводу, что при таких обстоятельствах заявленные расходы по аренде резервного автобуса не находятся в причинно-следственной связи с ДТП, заключение договора аренды не может быть признано способом восстановления нарушенного права истца. Аренда автобуса в данном случае осуществлялась истцом по собственной воле и собственному усмотрению, в связи с чем расходы по арендной плате не могут признаны убытками от ДТП, равно как и расходами, которые были объективно необходимы для восстановления нарушенного права.

В данном деле судами был применен тест *conditio sine qua non* и установлено, что действия ответчика, которые привели к ДТП, не являлись условием несения расходов на аренду резервного автобуса, поскольку данные расходы были бы понесены истцом и в отсутствие ДТП. Раз действия ответчика не являлись условием несения данных расходов, то они не могут быть признаны и их причиной.

По нашему мнению, превентивные расходы должны возмещаться как минимум в случаях, когда они привели к уменьшению размера упущенной выгоды.

Данные расходы несутся потерпевшими в интересах причинителей вреда, поскольку они фактически направлены на уменьшение размера возможной упущенной выгоды потерпевшего, которую обязан возместить причинитель вреда. Так, в случае повреждения имущества, которое привело к приостановке предпринимательской деятельности потерпевшего, размер возмещаемой упущенной выгоды практически всегда будет ниже размера превентивных расходов, предотвративших приостановку деятельности.

Кроме того, несение превентивных расходов соответствует требованию п. 2 ст. 1083 ГК РФ о необходимости принятия потерпевшим мер по уменьшению размера вреда (митигации).

Иной подход (невозмещение превентивных расходов) дестимулирует принятие участниками оборота защитных мер, направленных на обеспечение продолжения своей основной деятельности в случае повреждения используемого в ней имущества.

Участники оборота, зная, что превентивные расходы не будут им возмещены лицами, ответственными за причинение вреда, откажутся от принятия каких-либо мер, направленных на уменьшение размера вреда, и будут использовать для защиты своих интересов механизм взыскания упущенной выгоды.

§ 5.2. «Тщетно понесенные» расходы

К другой категории дел, связанных с рассмотрением вопроса о допустимости возмещения расходов, которые были бы понесены потерпевшим независимо от факта причинения вреда, относятся случаи, когда в результате правонарушения расходы, понесенные потерпевшим, становятся «тщетными» (*"frustrated expenses"*). Например, ответчик повреждает принадлежащий истцу автомобиль, в результате чего истец в течение определенного времени не может его использовать, хотя продолжает нести расходы на оплату налогов, страховку, аренду гаража и др.

В научной литературе обращалось внимание на то, что решение, допускающее перенесение этих расходов на правонарушителя, не учитывает, что они были бы понесены потерпевшим и в случае правомерного поведения ответчика. Правонарушение ответчика только делает расходы, которые истец продолжает нести, бессмысленными, поскольку истец лишается преимуществ использования автомобиля. По мнению Г. Коциоля, в данном случае можно

обсуждать только возмещение истцу нематериального вреда, вызванного невозможностью использовать принадлежащее ему имущество⁵⁵².

Между тем некоторые правопорядки допускают возмещение «тщетно понесенных» расходов. Немецкие суды, к примеру, допускают перенесение на причинителя вреда:

– части расходов истца на выплату зарплаты своим работниками, которые в рабочее время отремонтировали имущество, поврежденное причинителем вреда (независимо от того, отвлекло ли это работников от выполнения своих основных трудовых обязанностей);

– расходов гонщика на подготовку к очередному сезону, который он был вынужден пропустить из-за травмы, нанесенной ответчиком⁵⁵³.

В одном из итальянских дел с виновника ДТП были взысканы расходы истца на страхование и уплату налогов, понесенные в связи с владением автомобилем, который в результате ДТП был поврежден до такого состояния, что уже не подлежал восстановлению⁵⁵⁴.

Преобладающая позиция российских судов исходит из того, что «тщетно понесенные» расходы не подлежат возмещению, поскольку они были бы понесены независимо от действий ответчика. Суды, в частности, отказывают в возмещении:

– выплаченной работникам истца заработной платы за время простоя, вызванного действиями ответчика⁵⁵⁵;

– уплаченной истцом арендной платы за поврежденное ответчиком имущество за период, когда им невозможно было пользоваться (за время его ремонта)⁵⁵⁶;

⁵⁵² Koziol H. Natural and Legal Causation. P. 59; Idem. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. P. 122, 138.

⁵⁵³ Von Bar C. Op. cit. P. 448.

⁵⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 июня 2016 г. по делу № А56-48613/2015; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 декабря 2013 г. по делу № А33-9690/2013; постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2014 г. по делу № А05-3073/2014.

⁵⁵⁶ Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 22 июня 2007 г. по делу № А68-ГП-170/А-05-4267/06-259/А; постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2014 г. по делу № А05-3073/2014;

– суммы земельного налога, уплаченного истцом за земельный участок, который невозможно было использовать в течение определенного времени из-за действий ответчика⁵⁵⁷.

При этом суды допускают перенесение на причинителя вреда расходов истца по оплате своим работникам сверхурочных работ, связанных с устранением последствий правонарушения, совершенного ответчиком⁵⁵⁸. Такое решение не противоречит тесту необходимого условия, поскольку истец не понес бы расходы на оплату сверхурочных работ при отсутствии правонарушения ответчика.

При изучении российской судебной практики нам встретился пример, когда суд допустил возможность перенесения «тщетно понесенных» расходов на правонарушителя.

Из обстоятельств дела № А19-10277/2015⁵⁵⁹ следует, что ответчик поставил истцу некачественное топливо, которое привело к повреждению автомобиля, находящегося в аренде у истца. Ремонт автомобиля занял два месяца, и в этот период истец не мог пользоваться автомобилем, однако продолжал уплачивать за него арендные платежи. Истец обратился в суд с требованием о взыскании с ответчика убытков, в том числе стоимости арендных платежей по договору аренды автомобиля за два месяца, в течение которых арендованный автомобиль не мог использоваться по назначению по вине ответчика.

Суды, учитывая то обстоятельство, что предмет договора аренды в течение двух месяцев не использовался по назначению по вине ответчика, взыскали с него расходы по уплате арендной платы за период невозможности использования поврежденного автомобиля.

постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2010 г. по делу № А68-14270/09-665/3.

⁵⁵⁷ Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 мая 2015 г. по делу № А32-34004/2014.

⁵⁵⁸ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2015 г. по делу № А52-2403/2014; постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 февраля 2011 г. по делу № А46-7612/2010; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2013 г. по делу № А60-51723/2012.

⁵⁵⁹ Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 5 мая 2017 г. по делу № А19-10277/2015 (оставлено без изменения постановлением Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 августа 2017 г. по делу № А19-10277/2015).

Такая позиция представляется спорной.

Принцип полного возмещения убытков предполагает необходимость восстановления положения, в котором потерпевший находился бы, если бы его право не было нарушено.

Присуждение потерпевшему возмещения «тщетно понесенных» расходов не исключает возможности присуждения ему возмещения иных расходов, которые он понес или должен будет понести для восстановления нарушенного права (к примеру, расходов на ремонт поврежденного автомобиля) в составе реального ущерба, а также возмещения доходов, которые он получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенной выгоды), например дохода от оказания услуг по перевозке грузов. При расчете упущенной выгодой должны учитываться разумные расходы на их получение (абз. 3 п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7). Под разумными расходами, как правило, понимаются переменные издержки, не понесенные потерпевшим в связи с совершением правонарушения, повлекшим возникновение у потерпевшего упущенной выгоды, но не постоянные издержки, которые потерпевший обычно продолжает нести⁵⁶⁰.

В случае если бы право потерпевшего не было нарушено, он не понес бы расходы для восстановления нарушенного права (расходы на ремонт поврежденного автомобиля) и получил бы определенный доход (доход от оказания услуг по перевозке грузов).

Положение, в котором потерпевший находился бы, если бы его право не было нарушено, будет восстановлено в случае присуждения истцу реального ущерба и упущенной выгоды.

Присуждение потерпевшему также и «тщетно понесенных» расходов (например, расходов на аренду автомобиля) поставит его в лучшее положение по

⁵⁶⁰ Достаточно четко такой подход ранее был закреплен в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (в настоящее время данный пункт постановления не подлежит применению), которым было предусмотрено, что из упущенной выгоды должны вычитаться «транспортно-заготовительские расходы и другие затраты, связанные с производством готовых товаров».

сравнению с положением, в котором он находился бы, если бы его право не было нарушено, поскольку в таком случае он получит (будет иметь возможность получить) не только возмещение расходов, понесенных для восстановления нарушенного права (расходов на ремонт поврежденного автомобиля), и упущенной выгоды (возможного дохода от оказания услуг по перевозке грузов за вычетом не понесенных потерпевшим переменных затрат), но и возмещение расходов, которые были бы им понесены независимо от факта причинения вреда.

Таким образом, возмещение «тщетно понесенных» расходов может привести к сверхкомпенсации, поскольку их взыскание не исключает возможности взыскания с правонарушителя упущенной выгоды.

По нашему мнению, возмещение «тщетно понесенных» расходов теоретически можно допустить только в конструкции, исключающей возможность параллельного взыскания с правонарушителя «тщетно понесенных» расходов и упущенной выгоды (например, в ситуации, когда у потерпевшего отсутствует упущенная выгода, или в модели, в которой требование о возмещении «тщетно понесенных» расходов и требование о возмещении упущенной выгоды будут сконструированы в качестве альтернативных).

Заключение

Выполненное исследование показало эффективность избранной методологии и позволило обосновать положения, вынесенные на защиту.

Установление причинно-следственной связи между противоправным поведением и вредом осуществляется в две стадии:

1) фактическая стадия – установление того, является ли поведение ответчика необходимым условием причинения вреда;

2) нормативная стадия – выделение юридически значимой причины вреда среди его условий

Признание действий лица фактической причиной вреда не всегда признается достаточным основанием для привлечения его к ответственности. Лицо, чье поведение является необходимым условием вреда, может быть привлечено к ответственности, если его поведение является юридически значимой причиной вреда.

Юридически значимая причинная связь является нормативной категорией, устанавливающей пределы ответственности путем определения допустимости вменения лицу последствий, находящихся в условной связи с его поведением. В рамках теорий причинной связи, как правило, обсуждается именно нормативная стадия исследования причинной связи.

В гражданско-правовой доктрине было разработано множество теорий причинно-следственной связи, которыми было предложено различные на первый взгляд критерии выделения юридически значимой причины.

При этом в основе теорий, предлагающих применимый на практике критерий выделения юридически значимой причинной связи, не сводящийся к признанию причиной вреда ближайшего к нему его необходимого условия, лежит идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода, излагаемая в различных формах (повышение вероятности причинения вреда, типичность последствий, предвидимость последствий, повторяемость явлений действительности, учет общественной практики и т.п.).

Наиболее четко идея о том, что причиной вреда является его необходимое условие, за которым обычно следует вред такого рода, была сформулирована в рамках теории адекватной причинной связи.

Вопрос перерыва причинной связи является частью более общей проблемы установления пределов ответственности и, соответственно, не может рассматриваться в отрыве от теорий причинно-следственной связи, основное предназначение которых заключается в определении справедливых пределов ответственности.

Установление фактической причинной связи осуществляется на основании теста необходимого условия. Между тем последовательное применение данного теста необходимого условия в ряде случаев приводит к очевидно несправедливым результатам. Такие случаи можно разделить на две категории.

Первая категория связана с наличием неустранимой неопределенности в отношении причинно-следственной связи при отсутствии сомнений, что к возникновению вреда привели действия одного из нескольких ответчиков (альтернативная причинная связь).

Вторая категория связана с ситуациями, когда мысленное устранение поведения ответчика из цепи событий не исключает возникновение вреда. Это прежде всего случаи, когда вред, фактически причиненный ответчиком, был или был бы причинен другим лицом (дублирующая причинная связь, опережающая причинная связь, вытесняющая причинная связь). Сюда же можно отнести проблему возмещения расходов, которые были понесены потерпевшим независимо от причинения вреда (проблема превентивных и тщетно понесенных расходов).

В настоящем диссертационном исследовании продемонстрировано, что для проблемы альтернативной причинной связи (ситуации, характеризующейся наличием нескольких потенциальных причинителей вреда, один из которых точно причинил вред, и отсутствием возможности установить действительного причинителя вреда) наиболее сбалансированным решением является механизм долевой ответственности потенциальных причинителей вреда. Размер ответственности каждого потенциального причинителя вреда пропорционален

вероятности того, что именно его действия стали причиной вреда. При определении размера доли ответственности каждого потенциального причинителя вреда, в частности, могут учитываться период, объем и интенсивность потенциально вредоносного поведения, доля, занимаемая ответчиком на соответствующем товарном рынке. При невозможности определения вероятностей причинения вреда потенциальными причинителями их доли предполагаются равными.

Механизм долевой ответственности применяется и к проблеме утраты шанса, являющейся частным случаем альтернативной причинной связи, в которой одной из потенциальных причин нереализации шанса является поведение правонарушителя, а другой – обстоятельство, относящееся к собственной сфере потерпевшего или внешним факторам.

При дублирующей причинной связи правонарушители, поведение каждого из которых являлось достаточным для причинения вреда, должны нести солидарную ответственность за весь причиненный вред.

В ситуации опережающей причинной связи (ситуация, когда лицо причиняет такой вред, который все равно бы наступил впоследствии из-за действия иного лица, действия самого потерпевшего или внешнего обстоятельства) ответственность должна быть возложена на первоначального правонарушителя, так как именно его поведение привело к возникновению вреда, а последующие обстоятельства не могли причинить вред уже уничтоженному благу. При этом, по нашему мнению, в отношении вопроса о возмещении «длящегося» вреда (например, утраченного заработка или упущенной выгоды) теоретически возможна конструкция солидарной ответственности первого и последующего правонарушителей с момента совершения второго правонарушения.

Представляется, что ответственность должна возлагаться на лицо, чьи действия фактически привели к причинению вреда, и при решении проблемы вытесняющей причинной связи.

В работе продемонстрировано, что несение превентивных расходов до момента причинения вреда само по себе не исключает возможность их возмещения,

а возмещение «тщетно понесенных» расходов теоретически можно допустить только в конструкции, исключающей возможность параллельного взыскания с правонарушителя «тщетно понесенных» расходов и упущенной выгоды.

Список использованных источников и литературы

I. Нормативные акты, судебная практика

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / Пер. с фр. В.Н. Захватаева. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
4. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 7 апреля 2015 г. № 7-П.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 25-П.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде».
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8

от 1 июля 1996 г. «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

13. Постановление Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 27 «О некоторых вопросах применения законодательства об исполнительном производстве».

14. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 24 мая 2012 г. № 151 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с исключением участника из общества с ограниченной ответственностью».

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 июня 2018 г. № 47-КГ18-5.

16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 августа 2019 г. № 11-КГ19-15.

17. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 октября 2019 г. № 53-КГ19-6.

18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 февраля 2020 г. № 5-КГ19-244.

19. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13 декабря 2018 г. № 305-ЭС18-10125 по делу № А40-52603/2017.

20. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 21 августа 2017 г. по делу № А19-10277/2015.

21. Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21 февраля 2011 г. по делу № А46-7612/2010.

22. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 августа 2014 г. по делу № А57-12476/2013.

23. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 16 июня 2016 г. по делу № А56-48613/2015.

24. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 июня 2015 г. по делу № А52-2403/2014.

25. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 18 декабря 2014 г. по делу № А50-24226/2013.

26. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа

от 27 ноября 2013 г. по делу № А23-3705/2012.

27. Постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 22 июня 2007 г. по делу № А68-ГП-170/А-05-4267/06-259/А.

28. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 16 ноября 2015 г. по делу № А11-10958/2014.

29. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 30 декабря 2013 г. по делу № А33-9690/2013.

30. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 5 мая 2017 г. по делу № А19-10277/2015.

31. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28 октября 2014 г. по делу № А05-3073/2014.

32. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 мая 2015 г. по делу № А32-34004/2014.

33. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 августа 2013 г. по делу № А60-51723/2012.

34. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 июня 2010 г. по делу № А68-14270/09-665/3.

35. Кассационное определение Ростовского областного суда от 14 ноября 2011 г. по делу № 33-14757.

36. Постановление Президиума Ярославского областного суда от 22 февраля 2006 г. № 44-г-27.

37. Апелляционное определение Бийского городского суда Алтайского края от 22 октября 2013 г. по делу № 11-238/2013.

38. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Башкортостан от 6 октября 2015 г. по делу № 33-16058/2015.

39. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 3 октября 2019 г. по делу № 33-16916/2019.

40. Апелляционное определение Вологодского областного суда от 9 сентября 2016 г. по делу № 33-4940/2016.

41. Апелляционное определение Камчатского краевого суда

от 2 августа 2018 г. по делу № 33-1500/2018.

42. Апелляционное определение Красноярского краевого суда от 16 июня 2014 г. по делу № 33-5051/2014.

43. Апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2017 г. по делу № 33-34402.

44. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 апреля 2015 г. по делу № 33-9193/2015.

45. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 января 2019 г. по делу № 33-2380/2019.

46. Апелляционное определение Московского городского суда от 20 января 2020 г. по делу № 33-1421/2020.

47. Апелляционное определение Московского городского суда от 12 марта 2020 г. по делу № 33-10617/2020.

48. Апелляционное определение Томского областного суда от 28 марта 2014 г. по делу № 33-911/2014.

49. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 4 апреля 2014 г. по делу № 11-3459/2014.

50. Апелляционное определение Челябинского областного суда от 3 марта 2015 г. по делу № 11-2021/2015.

51. Определение Ленинградского областного суда от 30 октября 2014 г. по делу № 33-5532/2014.

52. Определение Липецкого областного суда от 30 мая 2011 г. по делу № 33-1439/2011.

53. Определение Пензенского областного суда от 18 декабря 2007 г. по делу № 33-2242.

54. Решение Братского городского суда Иркутской области от 27 ноября 2017 г. по делу № 2-1441/2017.

55. Решение Кировского районного суда города Ярославля от 12 февраля 2016 г. по делу № 2-897/2016.

56. Решение Крапивинского районного суда Кемеровской области

от 10 октября 2016 по делу № 2-753/2016.

57. Решение Куйбышевского районного суда города Омска от 2 ноября 2017 г. по делу № 2-4063/2017.

58. Решение Ленинского районного суда города Владикавказа от 3 апреля 2013 г. по делу № 2-317/2013.

59. Решение Ленинского районного суда города Пензы от 22 декабря 2011 г. по делу № 2-3370/2011.

60. Решение Мирнинского районного суда Республики Саха (Якутия) от 11 января 2018 г. по делу № 2-19/2018.

61. Решение Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан от 13 января 2014 г. по делу № 2-21/14.

62. Решение Октябрьского районного суда города Белгорода от 21 декабря 2016 г. по делу № 2-5897/2016.

63. Решение Октябрьского районного суда города Мурманска от 27 декабря 2013 г. по делу № 2-5432/13.

64. Решение Промышленного районного суда города Смоленска от 16 января 2019 г. по делу № 2-243/2019.

65. Решение Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 20 мая 2011 г. по делу № 2-1176/2011.

66. Решение Советского районного суда города Омска от 29 декабря 2014 г. по делу № 2-4058/2014.

67. Решение Сретенского районного суда Забайкальского края от 19 июня 2017 г. по делу № 2-8/2017.

68. Решение Уссурийского районного суда Приморского края от 29 октября 2018 г. по делу № 2-4436/2018.

II. Литература

1. Абросимова Е.А. Материально-правовой и коллизионный аспекты критерия предвидимости в праве России и зарубежных стран. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2018.

2. Антимонов Б.С. К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве // Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1 – 6 июля 1946 г., М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.
3. Аристотель. Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. / Сост. и подготовка текста С.И. Еремеев. СПб.: Алетейя, 2002.
4. Бабаев А.Б. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: Т. 2 / Под общ. ред. В.А. Белова – М.: Издательство Юрайт, 2015.
5. Байбак В.В. Причинная связь как условие договорной ответственности: сравнительно-правовой очерк // Вестник ВАС РФ. 2014. № 6.
6. Байбак В.В. Утрата благоприятной возможности (loss of chance) как разновидность договорных убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 5.
7. Белов В.А. Что такое предвидимость? // Закон. 2019. № 3.
8. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало гражданско-правовой ответственности в российском и зарубежном праве. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2014.
9. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 2-е изд. – М.: Статут, 2007.
10. Будылин С.Л. Оттого что в кузнице не было гвоздя. Причинная связь и предвидимость убытков в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия. 2020. № 1.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации: Постатейный комментарий: в 3 т. Т. II: Комментарий к части второй / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2014.
12. Гражданское право. Учебник. Ч. 2 / Отв. ред.: Я.Ф. Миколенко, П.Е. Орловский, И.С. Перетерский - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938.
13. Гражданское право. Учебник. Т. 1 / Под ред.: М.М. Агаркова, Д.М. Генкина - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944.
14. Гражданское право. Учебник. Т. 1 / Отв. ред.: С.М. Корнеев,

П.Е. Орловский - М.: Юрид. лит., 1969.

15. Гражданское право: учебник: Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: РГ-Пресс, 2012.

16. Гражданское право. Учебник: Т. 1 / Отв. ред. Е.А. Суханов – М.: Статут, 2019.

17. Гражданское право. Учебник: Т. 4 / Отв. ред. Е.А. Суханов – М.: Статут, 2020.

18. Дождев Д.В. Сравнительное право: состояние и перспективы / Российский ежегодник сравнительного права. 2007. № 1 / Под ред. Д.В. Дождева. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008.

19. Дондоков А.И. Доктрина Loss of chance в английском праве // Закон. 2013. № 7.

20. Евстигнеев Э.А. Вопросы соотношения вины и причинно-следственной связи в деликтном праве // Вестник гражданского права. 2020. № 1.

21. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: Учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2017.

22. Егоров А.В. Упущенная выгода: проблемы теории и противоречия практики // Убытки и практика их возмещения: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2006.

23. Егоров Н.Д. Причинная связь как условие юридической ответственности // Советское государство и право, 1981, № 9.

24. Епихина Д.О. Ответственность за совместно причиненный вред // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8.

25. Есаков Г.А. Причинная связь в сложных ситуациях: уголовно-правовая наука и судебная практика // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 1.

26. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975.

27. Иоффе О.С. Ответственность по советскому гражданскому праву // Избранные труды. В 4 томах. Т. 1, Юридический центр Пресс, 2003.

28. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (часть II) //

Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории хозяйственного права. М., 2000.

29. Исаев М.М., Пионтковский А.А. Вопросы уголовного, военно-уголовного права и уголовного процесса в судебной практике Верховного Суда СССР. М., 1947.

30. Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1928.

31. Карапетов А.Г. Модели защиты гражданских прав: экономический взгляд // Вестник экономического правосудия. 2014. № 11.

32. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. М.: Статут, 2016.

33. Комаров А.С. Ответственность в коммерческом обороте. М.: Юридическая литература, 1991.

34. Кофман В.И. Границы юридически-значимого причинения // Правоведение. 1960. № 3.

35. Кофман В.И. Причинная связь как основание ответственности по советскому гражданскому праву: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук // Ленинградский ордена Ленина государственный университет имени А.А. Жданова – Л., 1960.

36. Кривцов А.С. Общее учение об убытках. Юрьев, 1902.

37. Кузнецов А.А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. М.: Статут, 2014.

38. Курс советского уголовного права: Преступление. В 6-ти томах: Часть общая. Т. 2 / Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе - М.: Наука, 1970.

39. Маркелова А.А. Отдельные аспекты установления причинной связи в деликтах государства // Закон. 2019. № 3.

40. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юридическая литература, 1970.

41. Матвеев Ю.Г. Англо-американское деликтное право. М.: Юридическая

литература, 1973.

42. Михаэльс Р. Функциональный метод сравнительного правоведения // Вестник гражданского права. 2010. № 1.

43. Морандьер Л. Жюллио де ла. Гражданское право Франции. Том 2, М.: Иностранная лит-ра. 1960.

44. Москалец А.П. Множественность лиц в деликтных обязательствах: теория и практика в странах общего права // Журнал российского права. 2006. № 5.

45. Назариков С.В. Некоторые теоретические и практические аспекты причинно-следственной связи в контексте деликтной ответственности // Вестник гражданского права. 2016. № 6.

46. Насибуллина И.А. Причинно-следственная связь: камень преткновения в спорах с производителем и продавцом дефектных товаров // Закон. 2020. № 3.

47. Новицкий И.Б., Лунц Л.А. Общее учение об обязательствах. М.: Юр. лит., 1950.

48. Познер Р. Экономический анализ права. В 2 т. Т. 1. СПб., 2004.

49. Саватье Р. Теория обязательств. М.: Прогресс, 1972.

50. Семенова А.Е. Обязательства, возникающие вследствие неосновательного обогащения, и обязательства, возникающие из причинения вреда. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1928.

51. Сераков В.В. Теория адекватной причинности как способ ограничения размера причиненных убытков // Вестник гражданского права. 2014. № 5.

52. Сергеева Т.Л. Вопросы виновности и вины в практике Верховного Суда СССР по уголовным делам. М., 1950.

53. Сергеева Т.Л. Вопросы причинной связи в практике по уголовным делам Верховного Суда СССР // Советское государство и право, 1950, № 3.

54. Сергеевский Н.Д. О значении причинной связи в уголовном праве. Ярославль: Типо-литография Г. Фальк, 1880. Ч. 2.

55. Симолин А.А. Основания гражданской ответственности за вред и убытки. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905.

56. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в

советском гражданском праве. Учебное пособие. Л.: ЛГУ, 1983.

57. Советское гражданское право. Учебник. Т. 1 / Под ред. О.А. Красавчикова. М.: Высш. шк., 1968.

58. Советское гражданское право. Часть 1 / Отв. ред. В.Т. Смирнов и др.; Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.

59. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2014.

60. Спиридонова Н.Б. Теория причинно-следственной связи: анализ содержания, соотношение с основными подходами зарубежной доктрины // Журнал Российской школы частного права. 2018. № 3.

61. Сударев Г.А. Некоторые трудности при определении границ вины потерпевшего // Вестник гражданского права. 2020. № 3.

62. Судебная практика Верховного Суда СССР. 1947. № 1.

63. Суханов Е.А. Кто возместит причиненный ущерб? М.: Сов. Россия, 1989.

64. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973.

65. Тололаева Н.В. Пассивные солидарные обязательства: российский подход и континентально-европейская традиция: монография. М.: Статут, 2020.

66. Тололаева Н.В. Тенденции российской судебной практики в контексте европейской дискуссии о «настоящих» солидарных обязательствах // Вестник гражданского права. 2016. № 3.

67. Томсинов А.В. Понятие договорных убытков в праве Англии, США и России. М.: Зерцало, 2010.

68. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. Госюриздат, 1951.

69. Фридман Д. Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно / пер. с англ. И. Кушнareвой; научн. ред. перевода М. Одинцова. М.: Изд-во Института Гайдара. 2017.

70. Хафизов Р.З. Убытки с ФАС России. Как сгладить последствия

незаконного нахождения в Реестре недобросовестных поставщиков? // Журнал Российской школы частного права. 2020. № 1.

71. Цвайгерт К., Кётц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2-х тт. – Том 2 – Пер. с нем. – М.: Междунар. отношения, 1998.

72. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 1949.

73. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1963.

74. Шапп Я. Система германского гражданского права. М.: Междунар. отношения, 2006.

75. Шаргородский М.Д. Некоторые вопросы причинной связи в теории права // Советское государство и право, 1956, № 7.

76. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: Учебное пособие: В 2 т. Т. 2, 1995.

77. Ширвиндт А.М. Сравнительное правоведение как научная дисциплина и унификация частного права (по поводу работы Р. Циммерманна «Европеизация частного права и сравнительное правоведение») / Российский ежегодник сравнительного права. 2007. № 1 / Под ред. Д.В. Дождева. СПб.: Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008.

78. Юм Д. Трактат о человеческой природе / Сочинения в 2-х томах. Том 1. М., «Мысль», 1996.

79. Яблочков Т.М. Влияние вины потерпевшего на размер возмещаемых ему убытков. Том 1. Ярославль, 1910.

80. Ягельницкий А.А., Петроль О.Д. Спор о взыскании убытков. Как меняется подход судов к причинно-следственной связи // Арбитражная практика. 2016. № 1.

81. Ben-Shahar O. Causation and Foreseeability // Tort Law and Economics / Ed. by M. Faure. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2009.

82. Bydlinski F. Causation as a Legal Phenomenon // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

83. Catala P., Weir J.A. *Delict and Torts: A Study in Parallel – Part IV* // *Tulane Law Review*. 1965. Vol. 39.
84. *Causation in European Tort Law* / Ed. by M. Infantino, E. Zervogianni. Cambridge, 2017.
85. *Digest of European Tort Law. Volume 1: Essential Cases on Natural Causation* / Ed. by B. Winiger, H. Koziol, B.A. Koch, R. Zimmermann. Wien: Springer, 2007.
86. Elliott C., Quinn F. *Tort Law*. 8th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2011.
87. Fairgrieve D., G'ssell-Macrez F. *Causation in French Law: Pragmatism and Policy // Perspectives on Causation* / Ed. by R. Goldberg. Hart Publishing, 2011.
88. Faure M.G., Bruggeman V. *Causal Uncertainty and Proportional Liability // Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.
89. Fedtke J., Magnus U. *Contributory Negligence under German Law // Unification of Tort Law: Contributory Negligence* / Ed. by U. Magnus, M. Martín-Casals. The Hague: Kluwer Law International, 2004.
90. Galand-Carval S. *Causation under French Law // Unification of Tort Law: Causation* / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.
91. Graziano T.K. *Comparative Tort Law: Cases, Materials, and Exercises*. New York: Routledge, 2018.
92. Graziano T.K. *The «Loss of a Chance» in European Private Law: «All or Nothing» or Partial Compensation in Cases of Uncertainty of Causation // Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.
93. Green M.D., Cardi W.J. *Basic Questions of Tort Law from the Perspective of the USA // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective* / Ed. by H. Koziol. Vienna: Jan Sramek Verlag, 2015.
94. Green M.D. *Multiple Tortfeasors under US Law // Unification of Tort Law: Multiple Tortfeasors* / Ed. by W.V. Horton Rogers. The Hague: Kluwer Law International, 2004.
95. Green S. *Causation in Negligence*. Oxford: Hart Publishing, 2015.
96. G'ssell F. *Causation, Counterfactuals and Probabilities in Philosophy and Legal*

Thinking // Chicago-Kent Law Review. 2016. Vol. 91.

97. Hart H.L.A., Honoré T. Causation in the Law. Oxford: Clarendon Press, 1985.

98. Hodgson D. The Law of Intervening Causation. New York: Routledge, 2016.

99. Horton Rogers W.V. Causation under English Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

100. Horton Rogers W.V. Contributory Negligence under English Law // Unification of Tort Law: Contributory Negligence / Ed. by U. Magnus, M. Martín-Casals. The Hague: Kluwer Law International, 2004.

101. Horton Rogers W.V. Multiple Tortfeasors under English Law // Unification of Tort Law: Multiple Tortfeasors / Ed. by W.V. Horton Rogers. The Hague: Kluwer Law International, 2004.

102. Koch B.A. Multiple Tortfeasors in Mass Tort Cases // Mass Torts in Europe: Cases and Reflections / Ed. by W.H. van Boom; G. Wagner. Berlin: De Gruyter, 2014.

103. Koziol H. Austria // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

104. Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective. Wien: Jan Sramek Verlag, 2017.

105. Koziol H. Basic Questions of Tort Law from a Germanic Perspective. Wien: Jan Sramek Verlag, 2012.

106. Koziol H. Natural and Legal Causation // Causation in Law / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.

107. Krupa-Lipińska K. The Problem of the Indeterminate Defendant in Tort Law in Europe // Comparative Law Review. 2016. Vol. 22.

108. Landes W.M., Posner R. Causation in Tort Law: An Economic Approach // Journal of Legal Studies. 1983. Vol. XII.

109. Lunney M., Oliphant K. Tort Law: Text and Materials (5th ed.). Oxford University Press, 2013.

110. Magnus U. Causation in German Tort Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.

111. Magnus U. Multiple Tortfeasors under German Law // Unification of Tort

Law: Multiple Tortfeasors / Ed. by W.V. Horton Rogers. The Hague: Kluwer Law International, 2004.

112. Markesinis B., Unberath H. The German Law of Torts: A Comparative Treatise. Oxford: Hart Publishing, 2002.

113. McBride N., Bagshaw R. Tort Law. 5th ed. Harlow, England; New York: Pearson Education Limited, 2015.

114. Miceli T. Economics of the Law: Torts, Contracts, Property, Litigation. University Press, 1997.

115. Miceli T. The Economic Approach to Law. 2nd ed. Stanford University Press, 2009.
URL: <https://www.sup.org/economiclaw2/?d=Discussion%20Points&f=Chapter%202.htm>
(дата обращения – 13.12.2019).

116. Miller C. NESS for Beginners // Perspectives on Causation / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011.

117. Moore M. Causation and Responsibility: An Essay in Law, Morals, and Metaphysics. Oxford, 2009.

118. Moréteau O. Basic Questions of Tort Law from a French Perspective // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / Ed. by H. Koziol. Jan Sramek Verlag, 2015.

119. Moréteau O. France: French Tort Law in the Light of European Harmonization // Journal of Civil Law Studies. 2013. Vol. 6.

120. Morgan J. Causation, Politics and Law: The English – and Scottish – Asbestos Saga // Perspectives on Causation / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011.

121. Mulheron R. Principles of Tort Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

122. Oliphant K. Basic Questions of Tort Law from the Perspective of England and the Commonwealth // Basic Questions of Tort Law from a Comparative Perspective / Ed. by H. Koziol. Vienna: Jan Sramek Verlag, 2015.

123. Oliphant K. Causation in Cases of Evidential Uncertainty: Juridical Techniques and Fundamental Issues // Chicago-Kent Law Review. 2016. Vol. 91.

124. Oliphant K. Uncertain Factual Causation in the Third Restatement: Some Comparative Notes // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 37(3).
125. Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law: Draft Common Frame of Reference (DCFR) / Ed. by C. von Bar, E. Clive. Munich: Sellier, 2009.
126. Prosser W.L. Proximate Cause in California // California Law Review. 1950. Vol. 38.
127. Sanders J. Risky Business: Causation in Asbestos Cancer Cases (and Beyond?) // Perspectives on Causation / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011.
128. Schwartz G.T. Causation under US Law // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.
129. Schwartz G.T. Contributory Negligence under United States Law // Unification of Tort Law: Contributory Negligence / Ed. by U. Magnus, M. Martín-Casals. The Hague: Kluwer Law International, 2004.
130. Sirks A.J.B. Delicts // The Cambridge Companion to Roman Law / Ed. by D. Johnston. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
131. Smith J. Legal cause in actions of torts // Harvard Law Review. 1911. Vol. 25.
132. Spier J., Haazen O.A. Comparative Conclusions on Causation // Unification of Tort Law: Causation / Ed. by J. Spier. The Hague: Kluwer Law International, 2000.
133. Stapleton J. Choosing What We Mean by "Causation" in the Law // Missouri Law Review. 2008. Vol. 73.
134. Stapleton J. Factual Causation // Federal Law Review. 2010. Vol. 38.
135. Stapleton J. Legal Cause: Cause-in-Fact and the Scope of Liability for Consequences // Vanderbilt Law Review. 2001. Vol. 54.
136. Stapleton J. Uncertain causes: asbestos in UK courts // Uncertain Causation in Tort Law / Ed. by M. Martín-Casals, D.M. Papayannis. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
137. Steele J. Tort Law: Text, Cases and Materials. 3rd ed. Oxford: Oxford

University Press, 2014.

138. Steel S. *Proof of Causation in Tort Law*. Cambridge University Press, 2015.
139. Treitel G.H. *Remedies for Breach of Contract. A Comparative Account*. Oxford, 1988.
140. Van Dam C. *European Tort Law*. Oxford: Oxford University Press, 2006.
141. Van Gerven W., Larouche P., Lever J. *Cases, Materials and Text on National, Supranational and International Tort Law*. Oxford: Hart Publishing, 2000.
142. Verheyen R. *Climate Change Damage and International Law: Prevention, Duties and State Responsibility*. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers, 2005.
143. Von Bar C. *The Common European Law of Torts: Volume Two: Damage and Damages, Liability for and without Personal Misconduct, Causality, and Defences*. Oxford: Clarendon Press, 2000.
144. Wagner T. *Limitations of Damages for Breach of Contract in German and Scots Law - A Comparative Law Study in View of a Possible European Unification of Law* // *Hanse Law Review*. Vol. 10. № 1.
145. Whittaker S. *Contributory Fault and Mitigation, Rights and Reasonableness: Comparisons Between English and French Law* // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.
146. Winiger B. *Multiple Tortfeasor* // *Causation in Law* / Ed. by L. Tichý. Prague: Univerzita Karlova, 2007.
147. Wright R.W. *Causation in Tort Law* // *California Law Review*. 1985. Vol. 73(6).
148. Wright R.W. *Causation, Responsibility, Risk, Probability, Naked Statistics, and Proof: Pruning the Bramble Bush by Clarifying the Concepts* // *Iowa Law Review*. 1988. Vol. 73.
149. Wright R.W. *The NESS Account of Natural Causation: A Response to Criticism* // *Perspectives on Causation* / Ed. by R. Goldberg. Oxford: Hart Publishing, 2011.
150. Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town: Juta, 1990.